
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**LINGUISTICS & POLYGLOT
STUDIES**
VOLUME 9, No.4 (2023)

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО**
ТОМ 9, №4 (2023)

Издательство
«МГИМО-Университет»
2023

LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES / ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

The journal *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* is an international peer-reviewed journal publishing research in linguistics, polyglottery and related fields.

The aims of the journal are:

- promoting international scholarly communication and discussion of ideas and findings in the field of linguistics, cross-cultural communication, translation studies, literature studies, methodology of foreign language teaching and related disciplines;
- developing an international platform for publication of research papers and conference proceedings in the field of polyglottery;
- publishing results of original interdisciplinary research.

The *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* focuses primarily on the following themes: linguistics, cross-cultural communication, sociolinguistics, cognitive linguistics, translation studies, pragmatics, discourse analysis, literature and culture studies, polyglottery and innovative methods of foreign language learning/teaching. It also publishes book and thesis reviews, literature overviews and conference reports.

Indexed / abstracted in RSCI, RSL, CrossRef, EBSCO Academic Research, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Library of Congress, WorldCat, Lens.org., Mendeley.

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Japanese, Arabic and Hindi.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Address: 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

MGIMO University

Tel.: +7 495 225-3857

Email: philnauki@inno.mgimo.ru

Web site: philnauki.mgimo.ru

Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО, Volume 9, No. 4, (Editor-in-chief V. Iovenko). – Moscow: MGIMO-University, 2023. – 156 p.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО / LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

Журнал *Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polyglot Studies* является международным журналом с двойным слепым рецензированием, публикующим научные статьи в области лингвистики, полиглотики и связанных с ними дисциплин.

Основные цели журнала:

- освещение результатов исследований и обмен опытом, идеями и научными открытиями в области лингвистики, литературоведения и межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, методики обучения иностранным языкам и смежных с ними дисциплин;
- создание международной платформы для публикации научных исследований и материалов конференций в области изучения теории полиглотики и практики ее применения;
- публикация результатов оригинальных исследований междисциплинарного характера.

Основные рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация, социолингвистика и когнитивная лингвистика, переводоведение, прагматика и дискурсивный анализ, литературоведение и лингвокультурология, полиглотия, инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков, рецензии и научные обзоры.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ:

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования;
- 5.9.2. Литературы народов мира.

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), elibrary, РГБ, CrossRef, EBSCO Academic Search; Ulrich's Periodicals Directory (Cambridge Information Group); Google Scholar, Library of Congress, World Cat, Lens.org, Соционет, Mendeley.

Периодичность: четыре номера в год.

Языки: русский, английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, китайский, японский, арабский и хинди.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

Публикация статей в журнале осуществляется бесплатно.

Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76, МГИМО МИД России

Тел.: +7 (495) 225-38-57

E-mail: philnauki@inno.mgimo.ru

Интернет-сайт: philnauki.mgimo.ru

Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polyglot Studies: Журнал. Том 9. №4. / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2023. – 156 с.

Научное издание

Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polyglot Studies. Том 9. №4.

Выпускающий редактор: Е.А. Крашенинникова

Корректура: Т.А. Ивушкина, Г.А. Казаков

Компьютерная верстка и дизайн: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 18.12.2023 г. Формат 60x84¹/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 19,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1654.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России:

119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Valery A. Iovenko, Doctor of Philology, Professor at the Spanish Language Department, MGIMO University, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergei V. Evteev, Candidate of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO-University, Russia

ACADEMIC EDITOR

Tatiana A. Ivushkina, Doctor of Philology, Professor, Chair of English Department №3, MGIMO University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Grigory A. Kazakov, Candidate of Philology, PhD, Associate Professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

ISSUING EDITOR

Elena A. Krashenninnikova, Expert of the Directorate of Language Training, MGIMO University, Russia

Alexey N. Aleksakhin, Doctor of Philology, Professor at Department of Chinese, Vietnamese, Lao and Thai, MGIMO University, Russia

Pavel V. Balditsin, Doctor of Philology, Head of the Department of Medialinguistics, Moscow State University, Russia

Olga S. Chesnokova, Doctor of Philology, professor at Foreign Languages Department, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia, Russia

Elena L. Gladkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Indo-Iranian and African languages, MGIMO University, Russia

Ekaterina E. Golubkova, Doctor of Philology, Professor at the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University, Russia

Tatiana M. Gurevich, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Philology, Professor at the Department of Japanese, Korean and Indonesian Languages, MGIMO University, Russia

Nikolai V. Ivanov, Doctor of Philology, Professor, Head of Romance Languages, MGIMO University, Russia

Kitabayashi Hikaru, PhD, Professor Emeritus of Daito Bunka University, Japan;

Marina P. Kizima, Doctor of Philology, Professor at Department of World Literature and Culture, MGIMO University, Russia

Lidiya P. Kostikova, Doctor of Pedagogy, Ryazan State University, Russia

Natalia V. Loseva, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor at Department of French, MGIMO University, Russia

Natalia N. Nizhneva, Doctor of Pedagogy, Belarusian State University, Belarus

Evgenia V. Ponomarenko, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at English Department №4, MGIMO University, Russia

Elena M. Pozdniakova, Doctor of Philology, Professor, professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

Maria M. Repenkova, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of Asia and Africa, Moscow State University, Russia

Nabati Shahram, Doctor of Philology, Head of the Russian Language Department at Gilan University, Islamic Republic of Iran

Andrei V. Shtanov, Candidate of Philology, Head of Near and Middle East Languages Department, MGIMO University, Russia

Elvira L. Shubina, Doctor of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO University, Russia

Lyudmila Smirnova, PhD, Professor of Education, Mount Saint Mary College in Newburgh, USA

Svetlana Grigoryevna Ter-Minasova, Doctor of Philology, President of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University, Russia;

Elena Y. Varlamova, Doctor of Pedagogy, Moscow Aviation Institute, Russia

Elena V. Voevoda, Doctor of Pedagogy, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Elena B. Yastrebova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, professor at English Department №1, MGIMO University, Russia

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Иовенко Валерий Алексеевич – д.филол. н., профессор, проф. кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Евтеев Сергей Валентинович – к.филол. н., доцент, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ивушкина Татьяна Александровна – д.филол. н., проф., заведующий кафедрой английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Казаков Григорий Александрович – к.филол.н., PhD, доцент кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Крашенинникова Елена Андреевна – эксперт Управления языковой подготовки МГИМО МИД России

Алексахин Алексей Николаевич – д.филол.н., профессор, проф. кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Балдицын Павел Вячеславович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Варламова Елена Юрьевна – д.пед.н., доцент, проф. кафедры И-12 «Лингвистика и переводоведение» МАИ, (Россия, Москва)

Воевода Елена Владимировна – д.пед.н., профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии, проф. кафедры английского языка № 2 МГИМО МИД России, (Россия, Москва)

Гладкова Елена Львовна – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Гуревич Татьяна Михайловна – д.культурологии, к.филол.н., доцент, проф. кафедры японского, корейского и индонезийского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Иванов Николай Викторович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Кизима Марина Прокофьевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры мировой литературы и культуры МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Китабаяси Хикару – PhD, заслуженный профессор Университета Дайто-Бунка, Япония, Токио;

Костикова Лидия Петровна – д.пед.н., профессор кафедры иностранных языков института истории, философии и политических наук РГУ им. С.А. Есенина, (Россия, Рязань)

Лосева Наталья Владимировна – к.филол.наук, доцент, проф. кафедры французского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Набати Шахрам – д.филол.н., заведующий кафедрой русского языка Гилянского университета (ИРИ, Решт)

Нижнева Наталья Николаевна – академик Международной академии наук педагогического образования, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук, д.пед.н., профессор кафедры английского языкознания БГУ (Белоруссия, Минск)

Позднякова Елена Михайловна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры английского языка № 3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Пономаренко Евгения Витальевна – д.филол. н., доцент, проф. кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Репенкова Мария Михайловна – д.филол.н., доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Смирнова Людмила – PhD, профессор педагогики, колледж Маунт-Сент-Мэри (США, Нью-Йорк)

Тер-Минасова Светлана Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова;

Чеснокова Ольга Станиславовна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия, Москва)

Штанов Андрей Владимирович – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Шубина Эльвира Леонидовна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Ястребова Елена Борисовна – к.пед.н., доцент, проф. кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Punctuation as a tool of the communicative and semantic organization of the text: 8 norm and usus (on the material of the Spanish language) <i>Yulia V. Vereshchinskaya, Ekaterina S. Syschikova</i>	8
Typological passport of Basque as a minority language 26 <i>Natalya A. Lavrova</i>	26
Implicit temporality from the perspective of relevance theory 42 <i>Olga V. Larina</i>	42
Concept of <i>THO</i> in the Korean grammatical tradition. 55 <i>Valery E. Sukhinin</i>	55

TRANSLATION STUDIES

Criteria for assessing interpretation from the textual and speech aspects perspectives 69 <i>Svetlana K. Pavlikova, Victor I. Yershov</i>	69
--	----

LITERATURE AND CULTURE STUDIES

The concept “KIMONO” in figurative units of the Japanese language 83 <i>Olga R. Likholetova</i>	83
Argot translation in S. Dovlatov’s prose 96 (based on the translation of “Pushkin Hills” and “Craft” into Spanish and Portuguese) <i>Yulia I. Mikaelyan</i>	96
Relevanter inhalt des grundlegenden wertes <i>LIEBE</i> in der Deutschen sprachkultur 108 <i>Anna I. Khlopova</i>	108
Structuring Japanese editorials along the lines of rhetorical structure annotations: 120 issues and discoveries <i>Sergei V. Chironov, Vladimir A. Mozebakh</i>	120

REVIEWS

Review of the round-table discussion 145 “Current trends in the development of language policy in CIS, Asia, Africa and the Caribbean” (October 12, 2023, Moscow) <i>Tatiana A. Ivushkina</i>	145
Review on the monograph by E.V. Astakhova “Spain as a metaphor” 150 Moscow: MGIMO-University Publishing House/EXMO, 2023. 287 p. <i>Valery A. Iovenko</i>	150

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Пунктуация как инструмент коммуникативно-смысловой организации текста: 8 норма и узус (на материале испанского языка) <i>Верещинская Ю.В., Сыщикова Е.С.</i>	8
Типологический паспорт миноритарного баскского языка. 26 <i>Лаврова Н.А.</i>	26
Имплицитная темпоральность с позиции теории релевантности 42 <i>Ларина О.В.</i>	42
Концепция ТХО в корейской грамматической традиции 55 <i>Сухинин В.Е.</i>	55

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Критерии оценивания устного перевода как продукта речевой деятельности студентов. 69 <i>Павликова С.К., Еришов В.И.</i>	69
---	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Концепт «Кимоно» в образных единицах японского языка 83 <i>Лихолетова О.Р.</i>	83
Перевод аргю в прозе С.Д. Довлатова 96 (на примере переводов повести «Заповедник» и романа «Ремесло» на испанский и португальский языки) <i>Микаэлян Ю.И.</i>	96
Relevanten inhalt des grundlegenden wertes <i>LIEBE</i> in der Deutschen sprachkultur. 108 <i>Khlorova Anna I.</i>	108
Структура редакционной статьи в японской газете 120 как объект логико-семантического аннотирования: проблемы и открытия <i>Чиронов С.В., Мозебах В.А.</i>	120

РЕЦЕНЗИИ

Обзор дискуссии круглого стола 145 «Современные тенденции развития языковой политики в странах ближнего зарубежья, Азии, Африки и Карибского бассейна», 22 октября 2023 г., г. Москва <i>Ивушкина Т.А.</i>	145
Рецензия на монографию Е.В. Астаховой «Испания как метафора»..... 150 М.: Издательство «МГИМО-Университет»/ЭКСМО, 2023. 287 с. <i>Иовенко В.А.</i>	150

PUNCTUATION AS A TOOL OF THE COMMUNICATIVE AND SEMANTIC ORGANIZATION OF THE TEXT: NORM AND USUS (ON THE MATERIAL OF THE SPANISH LANGUAGE)

Yulia V. Vereshchinskaya, Ekaterina S. Syschikova

MGIMO University,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of Spanish punctuation from the point of view of its role in the communicative and semantic organization of the text. The setting of certain punctuation marks or their absence always raises questions among students of the Spanish language, and therefore requires in-depth scientific research and clarification. The article studies the punctuation rules established by the Royal Spanish Academy, and deviations from them, which may be associated with the prosodic tradition of the language, the presence of secondary members, genre originality, the influence of the English language, the individual characteristics of the author's style, the communicative task of the utterance, etc.

The source material was contemporary Spanish-language fiction, periodical texts, scientific articles, blog fragments, and comments on social networks. Thus, the work reflects the compositional and semantic features of all genres.

In Spanish sentences, the role of the prosodic tradition is strong, so often the punctuation marks are dictated by the presence of the pause in oral speech or the intonation of the utterance. At the same time, punctuation marks show semantic-syntactic links between text units that contribute to the understanding of the text. In the article, the authors consider in detail the features of the use of periods, commas, semicolons, colons, round and square brackets, dashes, quotation marks, question and exclamation marks, and ellipsis. The most difficult is the setting of a comma, which, in addition to its main functions of enumeration, treatment, application, isolation of introductory information, is used in elliptical constructions, in the presence of syntactic inversion, to separate definitive clauses, in order to avoid ambiguity.

The clarifying function in Spanish is performed by commas, brackets and dashes. The choice of this or that sign is dictated by the degree of proximity of the explanatory information to the main sentence and the nature of the perception of this utterance by the reader.

A distinctive feature of Spanish punctuation is the designation of interrogative and exclamatory intonation in writing using the double use of question and exclamation marks: at the beginning of a sentence, inverted, and at the end of a sentence, in the usual form.

Despite the prescriptive nature of punctuation rules, modern Spanish texts contain many examples of unregulated use of punctuation marks, and in some cases ignoring them leads to misunderstanding of the text.

The article may be of interest to philologists, teachers of Spanish as a foreign language and all those who study Spanish.

Keywords: Spanish punctuation, punctuation marks, orthography, written language, prosodic, intonation

For citation: Vereshchinskaya, Yu.V., Syschikova, E.S. (2023). Punctuation as a tool of the communicative and semantic organization of the text: norm and usus (on the material of the Spanish language). *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(4), pp. 8–25. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-8-25>

Исследовательская статья

ПУНКТУАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ КОММУНИКАТИВНО-СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА: НОРМА И УЗУС (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)

Ю.В. Верещинская, Е.С. Сыщикова

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена исследованию пунктуации испанского языка с точки зрения её роли в коммуникативно-смысловой организации текста. Постановка тех или иных знаков препинания или их отсутствие всегда вызывает вопросы у изучающих испанский язык, а следовательно, требует углублённого научного исследования и разъяснения. В статье изучаются пунктуационные правила, установленные Королевской академией испанского языка, и отклонения от них, которые могут быть связаны с просодической традицией языка, наличием второстепенных членов, жанровым своеобразием, влиянием английского языка, индивидуальными особенностями стиля автора, коммуникативной задачей высказывания и т.д.

Источником исследования послужили современные испаноязычные художественные произведения, тексты периодических изданий, научные статьи, фрагменты блогов и комментарии в социальных сетях. Таким образом, в работе отражены композиционно-смысловые особенности всех жанров.

В испанских предложениях сильна роль просодической традиции, поэтому часто постановка знаков препинания продиктована наличием паузы в устной речи или интонацией высказывания. При этом пунктуационные знаки показывают семантико-синтаксические связи между текстовыми единицами, способствующие пониманию текста. В статье авторы подробно рассматривают особенности употребления точки, запятой, точки с запятой, двоеточия, круглых и квадратных скобок, тире, кавычек, вопросительных и восклицательных знаков и многоточия. Больше всего сложностей вызывает постановка запятой, которая, помимо своих основных функций перечисления, обращения, приложения, обособления вводной информации, используется в эллиптических конструкциях, при наличии синтаксической инверсии, для отделения определительных придаточных, с целью избежать двусмысленности.

Уточняющую функцию в испанском языке выполняют запятые, скобки и тире. Выбор того или иного знака продиктован степенью близости разъясняющей информации к главному предложению и характером восприятия данного высказывания читателем.

Отличительной особенностью испанской пунктуации является обозначение на письме вопросительной и восклицательной интонации при помощи двойного использования вопросительных и восклицательных знаков: в начале предложения, в перевёрнутом виде, и в конце предложения, в обычном виде.

Несмотря на предписывающий характер пунктуационных правил, в современных испанских текстах встречается множество примеров нерегламентированного использования знаков препинания, а в некоторых случаях их игнорирование ведёт к неправильному пониманию текста. Статья может заинтересовать филологов, преподавателей испанского языка как иностранного и всех, кто изучает испанский язык.

Ключевые слова: пунктуация испанского языка, знаки препинания, орфография, письменная речь, просодика, интонация

Для цитирования: Верещинская Ю.В., Сыщикова Е.С. (2023). Пунктуация как инструмент коммуникативно-смысловой организации текста: норма и узус (на материале испанского языка). *Филологические науки в МГИМО*. 9(4), С. 8–25. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-8-25>

1. Введение

Пунктуация – одна из важнейших систем языка. Она сложилась как итог многовекового развития графической стороны языка и является инструментом организации письменных речевых произведений. Для современной лингвистической науки пунктуация представляет большой интерес в связи с изучением широкого спектра вопросов: соотношение устной и письменной коммуникации, особенности создания и восприятия письменных текстов, взаимодействие вербальных и невербальных средств письменной речи, актуальное членение предложения. При этом природа и функции испанской пунктуации ещё недостаточно изучены, а при преподавании испанского языка как иностранного пунктуации практически не уделяется внимания в силу размытости и рекомендательного характера многих пунктуационных норм, наличия множества отступлений от правил. Эти факторы обуславливают актуальность и научную новизну проводимого нами исследования.

Целью исследования является рассмотрение правил пунктуации, установленных Испанской королевской академией языка, изучение роли пунктуационных знаков в коммуникативно-смысловой организации текста, а также анализ случаев нерегламентированного использования знаков препинания.

Источником иллюстративного материала данной статьи послужили современные тексты на испанском языке из произведений художественной литературы, периодических изданий, научных трудов, а также контент профилей испаноязычных пользователей социальных сетей.

2. Тенденции рассмотрения пунктуации. От истоков к современности

Пунктуация – это тот фактор, от которого зависит понимание письменных текстов, знаки препинания являются средством организации идей, выраженных в тексте. Изучение пунктуации тесно связано не только с письмом, но и с чтением. Помимо того, что знаки препинания являются элементами письменных текстов, они играют важную роль обозначения паузы и интонации в устной речи.

Объяснение большого количества ошибок при постановке знаков препинания связано с двумя противоположными подходами в изучении пунктуации испанского языка: просодическим и семантико-синтаксическим.

Изначально, в греко-латинских и в средневековых текстах, знаки препинания служили для воспроизведения устной речи в письменном тексте, выделяя паузы и показывая изменения интонации высказывания в зависимости от риторики публичного выступления. Таким образом, пунктуация рассматривалась с точки зрения риторико-просодической традиции.

Начиная с XVI века письменная речь начинает рассматриваться отдельно от устной, поскольку чтение осуществляется в большей степени не на публике, а «про себя». Это происходит благодаря появлению книгопечатания и росту грамотности населения. Сам текст приобретает всё больше черт именно письменного текста, в нём выделяются синтаксические структуры, соответствующие содержанию высказывания. Семантико-синтаксический критерий рассмотрения пунктуации начинает преобладать над просодическим.

Испанская королевская академия в «Словаре авторитетов» (“Diccionario de autoridades”) 1726 года и в «Орфографии испанского языка» (“Orthographía española”) 1741 года придерживается этих двух традиций, просодической и семантико-синтаксической, признавая за пунктуацией совокупность норм, которые обозначают грамматические и текстовые отношения элементов письменного текста. Так продолжалось в последующих изданиях «Орфографии испанского языка» вплоть до 2010 года, где знаки препинания рассматриваются исключительно с точки зрения логико-семантического аспекта:

Los signos de puntuación son los signos ortográficos que organizan el discurso para facilitar su comprensión, poniendo de manifiesto las relaciones sintácticas y lógicas entre sus diversos constituyentes, evitando posibles ambigüedades y señalando el carácter especial de determinados fragmentos. (Знаки препинания – это орфографические знаки, которые организуют речь для облегчения понимания, показывают логико-синтаксические отношения между ее различными составляющими, позволяют избежать возможной двусмысленности и указывают на особый характер определенных фрагментов¹) [17, С. 281-282].

Таким образом, Королевская академия испанского языка (RAE) и Ассоциация академий испанского языка (ASALE) устанавливают нормы использования знаков препинания в тексте, которые служат для разделения текста на части и установления отношений между его частями, а также для правильного понимания и интерпретации коммуникативной цели письменного текста. Однако, если речь идёт о таких текстах, как литературные произведения, реклама или интернет-чаты, где присутствуют элементы диалога, то наблюдается тенденция к просодическому подходу постановки знаков препинания.

Следует отметить, что RAE и ASALE устанавливают конкретные нормативные пунктуационные правила испанского языка предписывающего характера, несмотря на то, что существует субъективное использование знаков препинания, зависящие от контекста или индивидуального стиля автора.

3. Функции знаков препинания

В широком смысле пунктуация выполняет две основные функции: разделяет на части текст или фразу (точка, запятая, точка с запятой, двоеточие, тире) для облегчения понимания текста и выражает эмоциональные оценки высказывания (восклицательные и вопросительные знаки) [36, с. 78].

Испанские лингвисты Ф. Родригес Муньос и С. Ридао [26, с.151-152] выделяют следующие основные функции знаков препинания в письменном тексте:

- просодическое представление (например, вопросительные и восклицательные знаки, которые чётко определяют интонацию в устной речи);
- семантико-синтаксическое структурирование (организация идей в текст, при котором постановка знаков препинания зависит от семантических и синтаксических отношений между текстовыми единицами);

¹ Здесь и далее перевод цитат наш – В.Ю., С.Е.

- проявление субъективности (в некоторых случаях знаки могут отражать отношение автора текста, например: кавычки используются для выделения разговорной лексики, эвфемизмов, метафор и т.д.; скобки и тире могут заключать в себе личное мнение автора; многоточие указывает на сомнение, неуверенность или страх).

Другие исследователи к основным функциям знаков препинания испанского языка относят указание на границы языковых единиц, определение модальности высказываний и указание на опущение части высказывания.

Использование знаков препинания показывает читателю, как организована информация, определяет грамматические функции и синтаксические отношения между основными единицами текста, то есть пунктуационные знаки, указывая границы высказывания, представляют собой некую инструкцию, которая помогает истолковывать текст. Это позволяет автору быть уверенным в том, что текст будет правильно интерпретирован читателем.

Кроме того, знаки препинания позволяют автору представить содержание сообщения в виде вопросительного, восклицательного, повествовательного или повелительного предложения, передать эмфатические или субъективные оттенки высказывания. Если в высказывании опускается какой-либо элемент, на письме это выражается, как правило, постановкой многоточия.

Исходя из основных пунктуационных функций, в «Орфографии испанского языка» определяются главные знаки препинания: точка, запятая, точка с запятой и двоеточие. Они «устанавливают границы между основными единицами текста» (*“establecen los límites entre las unidades básicas del texto”*) [17, с. 283]. Вторая группа знаков препинания, которую выделяет Испанская королевская академия, «вводит и определяет вторую речь, которая прерывает первую с какой-либо целью» (*“introduce y delimita un segundo discurso que interrumpe el primero con algún fin”*) [там же]. К ним относятся: тире, скобки, квадратные скобки и кавычки. Третья группа включает в себя вопросительные и восклицательные знаки препинания, а также многоточие.

4. Знаки препинания в современном испанском языке

В «Орфографии испанского языка» 2010 года выделяются диакритические (ударение, трема), пунктуационные (точка, запятая, точка с запятой, двоеточие, скобки, квадратные скобки, тире, кавычки, вопросительные и восклицательные знаки, многоточие) и вспомогательные знаки (дефис, фигурные скобки, звездочка, стрелка, знак параграфа и т.д.). Мы подробнее разберём именно пунктуационные знаки испанского языка и особенности их употребления в современных текстах.

4.1. Точка

Точка (*punto*) (.) указывает на конец высказывания (*punto y seguido*), абзаца (*punto y aparte*) или текста (*punto final*). В просодическом плане точка обозначает длинную паузу.

Следует отметить, что некоторые испаноязычные авторы чрезмерно увлекаются использованием точки и ставят этот знак там, где это не требуется по правилам пунктуации, оформляя, например, однородные члены как самостоятельные предложения:

La misión **quería conocer** más de cerca ese cuerpo original y excéntrico. **Saber** algo más de su composición, de su superficie y su órbita. **Entender** la peculiar danza que realiza con su luna Caronte [22].

В данном тексте следовало бы поставить точку с запятой или запятую для отделения однородных глагольных сказуемых (“La misión **quería conocer** más de cerca ese cuerpo original y excéntrico; **saber** algo más de su composición, de su superficie y su órbita; **entender** la peculiar danza que realiza con su luna Caronte”).

В следующем примере автор оформляет как отдельные предложения, состоящие из одного-двух слов, целый ряд однородных дополнений и определений:

Hay canales para todos los gustos. Podemos cambiar de país, de lengua, y de programa con más facilidad que de habitación. **Dibujos animados. Películas. Concursos. Noticias. Seriales. Culebrones. Reportajes. Música clásica. Laica. Religiosa. Pop. Rock. Oriental. Occidental. Deportes. Teletienda. Teletextos. Teletodo, señora mía** [3, с. 15].

В данном фрагменте романа “Desahucio” («Выселение») испанского писателя Игнасио Карриона, как и в предыдущем примере, вместо точек должны стоять точки с запятой и запятые для разделения однородных членов (“Hay canales para todos los gustos. Podemos cambiar de país, de lengua, y de programa con más facilidad que de habitación: **dibujos animados; películas; concursos; noticias; seriales; culebrones; reportajes; música clásica, laica, religiosa, pop, rock, oriental, occidental; deportes; teletienda; teletextos; teletodo, señora mía**”).

Иногда дробление текста на короткие фрагменты при помощи точки представляется оправданным, поскольку выполняет эмфатическую функцию, придаёт особую выразительность высказыванию:

El aficionado del Real también disfruta y vibra con el fútbol de su equipo. Este deporte no es solo de toque. **Ve** implicación en sus jugadores. **Ve** trabajo. **Ve** ilusión. **Ve** unidad. **Ve** que nadie se borra. **Ve** que estrellas como James e Isco corren como uno más [7].

Очень часто приходится наблюдать обратное явление, когда авторы строят чрезмерно длинные предложения, состоящие из нескольких десятков и даже сотен слов, насыщенные сложными оборотами и речевыми конструкциями, что затрудняет восприятие текста и понимание прочитанного:

Horas más tarde, mientras sostenía el cuerpo exánime de Fabio Valenzin (pero yo por entonces ignoraba su nombre, y lo seguiría ignorando hasta que me sometieran a los primeros interrogatorios policiales), mientras escuchaba la respiración de su herida y contemplaba el penacho de vapor que brotaba del orificio donde se había alojado certeramente la bala, mientras asistía con impotencia a su desangramiento (la nieve absorbía la sangre y la hacía desaparecer, como un delincuente escrupuloso que borra las huellas de su crimen), entonces sí, comprendí que Venecia había volcado sobre mí el maleficio que se reserva a los intrusos, pero hasta ese momento no tuve conciencia de estar infringiendo las fronteras de un territorio que no me pertenecía: me limitaba a contemplar con deslumbrado deleite el descenso de la nieve sobre Venecia, como pavesas de un incendio que, tras arrasar la ciudad, vuelven a caer, convertidas ya en ceniza [24, с. 18-19].

Данное предложение из романа Хуана Мануэля де Прады «Гроза» (“Tempestad”) содержит 149 слов.

По мнению испанских лингвистов, авторам следует придерживаться определённых правил в отношении количества слов в предложении:

El tamaño ideal de un enunciado, para que no se pierda el lector, bien podría ser de un máximo de entre unas doce y unas veinte palabras (Для того чтобы читатель не сбился с толку, идеальный размер высказывания должен ограничиваться максимум двенадцатью-двадцатью словами) [25, с. 107].

Также неудобны для прочтения тексты, в которых отсутствуют абзацы. Абзацы структурируют текст, выделяют ту или иную мысль среди других, помогают расставить акценты, разделённый на абзацы текст легче воспринимается визуально. Однако у некоторых испанских авторов встречаются многостраничные фрагменты текста без абзацев, например, у вышеупомянутого Хуана Мануэля де Прады [24, с. 42-47].

4.2. Двоеточие

Двоеточие (*dos puntos*) (:) ставится:

- перед перечислением:

Aquella noche Ana y Salinas cenaron en su apartamento **cosas fáciles de preparar**: salmón ahumado, pizza recién hecha, y mousse de chocolate [4, с. 33].

- перед вводом прямой речи:

Yo siempre le advertía: «Mientras no me toques la Academia, por mí como si asaltas el Louvre» [24, с. 62].

- в простых и сложных предложениях перед второй частью, которая поясняет содержание первой или повествует о событиях, являющихся следствием сказанного до этого:

Así que **llegaron a un acuerdo**: la buhardilla grande, pero menos sueldo [14, с. 170].

Cuando salió de casa de Victoria, **Amelia se sentía satisfecha**: si Santiago la dejaba, siempre podría decir que había sido ella la que realmente quería romper con él [там же].

- после обращения в письмах:

Querido Samuel:

Cuando leas esta carta yo ya no estaré aquí, pero no quiero irme sin agradecerte todo lo que has hecho por mí [15, с. 453].

Следует отметить, что после обращения в письмах очень распространено использование запятой вместо двоеточия, что обусловлено влиянием английского языка. Согласно Испанской королевской академии, такое употребление запятой является некорректным, и его следует избегать: так, например, вместо *Querido amigo, / Te escribo esta carta para comunicarte...* следует написать *Querido amigo: / Te escribo esta carta para comunicarte...* [6].

В текстах испаноязычных авторов нередко встречаются примеры некорректного употребления двоеточия, например, вместо запятой при обращениях:

Licinio: El hecho de que baile en un cabaret [...] no te da derecho a insultarme [4, с. 33].

Недопустимым является постановка двоеточия при перечислении между служебным словом (предлогом, союзом) и перечисляемыми элементами:

Mis miedos neoyorquinos se resumen en: que me pille un taxi, que me arrolle un coche de bomberos (desde que el 11-S los convirtió en héroes de pavor), que me pille un coreano repartidor con la bicicleta, que me caiga en uno de los agujeros de almacenaje que están a la puerta de las tiendas y, por último, y no menos importante, que un niño me acuse de estarle molestando [34].

4.3. Многоточие

Многоточие (*puntos suspensivos*) (...) представляет собой три точки и обозначает опущение какой-либо информации в тексте:

El tecleo punteaba la voz monótona del juez y los comentarios en voz baja de los policías moviéndose por la habitación:

–... **En pijama, con un batín por encima** [19, с. 11].

Очень часто многоточие используется для передачи особой интонационной выразительности речи, для обозначения пауз, имитации прерывистости речи, которая может выражать самые разнообразные чувства и эмоции героев произведения: смущение, сомнение, колебание, возбуждение, страх, возмущение, ожидание и т.д.:

–No sabe lo que me alegra haber llegado a tiempo, señora Álvarez – dijo estrechándome las manos, resoplando de alivio.

–¿Nos...conocemos? [30, с. 39] – неуверенность;

–¿Qué...qué es esto? – vacilé [там же] – колебание;

No han dejado pistas de su actuación. De hecho, ni siquiera nuestros satélites han sido capaces de encontrarlas.

–¿Saté...lites? –balbuceé ahogando un sollozo... [там же, с. 47] – рыдание как следствие состояния аффекта, возбуждения, отчаяния;

–Bienvenida a bordo, señora Faber – dijo en un inglés exótico.

–¿D...dónde estoy? [там же, с. 179] – страх;

Al darme la vuelta de nuevo casi perdí el habla de la impresión.

–¿Daniel...? ¿Daniel Knight? [там же, с. 418] – удивление;

Santiago nos invitó a sentarnos, pero mi tío Juan estaba tan nervioso que se quedó de pie.

–Siento lo que voy a decirte... estoy desolado... y te aseguro que no lo entiendo, pero... [14, с. 147] – волнение;

–¿Cómo se...? – se arrancó, rojo de ira.

–¿Cómo me qué? – me encaré con él [30, с. 106] – ярость.

Иногда в авторской пунктуации многоточие служит средством выражения многозначительной недосказанности, временная пауза привлекает внимание читателя к словам, следующим за многоточием:

Pero el Destino juega siempre con ventaja, y justo esa noche me había preparado algo que no esperaba. **Algo...tremendo** [31, с. 18].

4.4. Запятая

Запятая (*coma*) (,) в просодическом плане обозначает короткую паузу. Это объясняется самим происхождением испанского слова “coma” от латинского “comma”, которое, в свою очередь, восходит к греческому слову “κόμμα”, обозначающему «краткий отрезок» [8, с. 79].

Помимо основных функций перечисления, обращения, приложения, обособления вводных конструкций, отделения таких выражений, как *por ejemplo, es decir, sin embargo, no obstante, por último, por consiguiente, en fin, así pues* и др., запятая имеет ряд особенностей в композиционно-смысловой организации испанского предложения:

- Запятая используется в эллиптических конструкциях вместо глагола в том случае, когда этот глагол уже стоял в предыдущей части предложения или в предыдущем высказывании:

De hecho, a los nueve años ya **había conseguido** el curato de Santa María en Hita. A los veintisiete, el obispado de Calahorra y Santo Domingo de la Calzada. A los cuarenta, el de Sigüenza [16, с. 483].

- В сложноподчинённом предложении запятая отделяет придаточное предложение от главного, если придаточная часть предшествует главной:

Si el barco se encuentra en la profundidad que tú dices, el equipo de búsqueda será mínimo [21, с. 201].

В случае если на первом месте стоит главное предложение, этот знак препинания не ставится [9, с. 498]:

Hasta hundiría el barco **si** yo se lo pidiera [21, с. 200].

Se limitaba a mirarlo **como si** su palabra fuese una garantía [там же, с. 201]

Однако, если речь идёт о нераспространённых высказываниях, запятая не используется, когда придаточная часть начинает предложение:

Cuando volvía a casa por las tardes ya era de noche [13, с. 121].

И наоборот, мы наблюдаем постановку запятой в сложноподчинённых предложениях с большим количеством второстепенных членов, даже если главная часть стоит на первом месте, для достижения большего понимания смысла высказывания:

Adivinarlo hizo que algo le goteara adentro, **como si** la música que ya no sonaba se deslizase despacio por sus entrañas para mojarle el corazón [21, с. 208].

• Запятая ставится в сложном предложении перед союзами *pero, sino, aunque*. Исключение составляют короткие нераспространённые предложения [29, с. 370]:

Fonchito comenzó a tartamudear, **pero** calló al ver que doña Lucrecia se ponía de pie [35, с. 289].

La encontró llorando, **pero** no de pena, **sino** de rabia [16, с. 429].

Quizá le fallaron los nervios, **aunque** el error pudo cometerlo la secretaria [21, с.18].

• Запятыми отделяются определения и определительные придаточные предложения, относящиеся к существительному, которое стоит в главной части, и имеющие пояснительное значение (*oración explicativa*). Они дают дополнительную информацию о предмете или лице, о котором идёт речь в тексте. Если такое придаточное убрать из композиционной структуры предложения, то смысл высказывания не поменяется:

Entraron en la cabina, **caliente por contraste con la humedad externa** [27, с. 14].

Un corpulento jardinero, **que cavaba en mangas de camisa**, le hablaba en sueco y le hacía señas de entrar [там же, с. 19].

Если придаточное предложение является уточняющим (*oración especificativa*), то запятыми оно не обособляется [29, с. 370, 373]. В этом случае определительные предложения выделяют предмет или лицо из других, уточняют, о каком именно предмете или лице говорится в тексте. При опущении придаточной части смысл высказывания потеряется:

Era aquella rubita **que acompañaba a Karin en la estación** la tarde **que hizo con Espejo el viaje desde Estocolmo** [27, с. 139].

При этом следует отметить, что перед союзом *que*, который вводит придаточное предложение, запятая не ставится для отделения от главного, например, в косвенной речи, в дополнительных придаточных предложениях:

Gonzalo juró **que** no volvería [16, с. 252].

В простых предложениях ставится запятая после обозначения обстоятельства места и времени, стоящего перед глаголом [6]. Эта тенденция проявляется в предложениях, где нарушается прямой порядок слов, обстоятельство выходит на первый план:

En mi ciudad, la verdad es que uno se casa sencillamente porque llega un momento en que eso es lo que hay que hacer [27, с. 167].

Durante las clases, yo miraba por la ventana y me perdía en ensoñaciones [13, с. 119].

Y en el silencio siguiente, nadie pensó lo contrario [27, с. 228].

На короткое нераспространённое высказывание данное правило зачастую не распространяется:

En el pasillo no había nadie [5, с. 138].

Однако мы встречаем примеры из испаноязычной литературы, где запятая всё-таки используется в простом нераспространённом предложении. Этот знак препинания призван графически обозначить паузу, несёт скорее стилистическую функцию, привлекая таким образом внимание читателя к данному члену предложения:

En invierno, los días eran cortos [13, с. 121].

A sus veinticinco años, era una mujer sana [16, с. 24].

Фактически на письме может отделяться запятыми любой член предложения, где подразумевается пауза. Если эти знаки препинания убрать, смысл высказывания особо не изменится. Испанский лингвист А. Грихельмо называет это явление «ультрапунктуацией» (“*ultrapuntuación*”) [10, с. 274]. По его мнению, любая запятая должна иметь чёткое обоснование, а не ставиться, обозначая каждую паузу в предложении. Рассмотрим примеры чрезмерного употребления запятых в предложении:

De repente, vi, **a mi derecha**, la puerta de una habitación en la que me colé [13, с. 102].

Cuando, **aquella tarde**, se separaron, convinieron otro encuentro después de terminar el Congreso [27, с. 236].

• Если в предложении наблюдается инверсия и глаголу предшествует герундиальный, инфинитивный или причастный оборот, то на письме он обособляется запятыми:

Y, **prosternándose en el suelo**, tomó un pie de Gyula y lo puso un instante sobre su cabeza [там же, с. 177].

Al regresar en el autobús, Espejo quedó al lado de Gyula [там же, с. 159].

Acostumbrado a la nada en tantas de sus formas, me lo guardé en el bolsillo antes de irme al café [5, с. 119].

Запятой отделяется самостоятельный герундиальный, инфинитивный или причастный оборот:

Al abrirlo ahora por primera vez, la intimidación revelada le conmueve como un desnudo [28, с. 250].

Pasados unos días, Carrillo fue a visitar a la madre [16, с. 468].

• Особое внимание следует уделить случаям, когда от запятой зависит смысл всего предложения или когда её отсутствие ведёт к двусмысленности, недопониманию высказывания.

Стоит отметить важность использования запятой в сложноподчинённом предложении перед союзом *como* в значении «так как, поскольку». Если запятая отсутствует, то перед нами наречие образа действия «как». Сравним примеры, которые приводит Королевская академия испанского языка [6]: *Me he vestido, como me indicaron* – Я оделся, как (потому что) мне велели, то есть мне было велено, чтобы я оделся. *Me he vestido como me indicaron* – Я оделся так, как мне велели, то есть мне указали, как я должен одеться. Приведём примеры из испаноязычной литературы:

Y así te lo doy a ti, **como** me has enseñado [28, с. 267].

Sobreponiéndose **como** pudo al dolor, lanzó otro puñetazo a ciegas ... [20, с. 189].

Смыслоразличительной является запятая в предложении, где содержится слово “*mientras*”. Если данный знак препинания ставится сразу после него, то “*mientras*” обозначает наречное выражение «между тем, тем временем»:

Y **mientras**, lo que había por parte de la República era un disparate de improvisación, oportunismo y demagogia [там же, с. 133].

Если запятая отсутствует, а точнее она отделяет придаточное предложение от главного, то мы имеем дело с союзом «пока, в то время как»:

Mientras el ordenador se pone en marcha, observo con pánico los libros [13, с. 208].

Примером различения смысла в зависимости от постановки запятых являются высказывания с наречием. В предложении *Y, efectivamente, antes no se conocían* [27, с. 131] наречие «efectivamente» является модальным, обособляется запятыми и имеет значение “действительно, на самом деле”. Оно не связано синтаксически ни с каким членом предложения. В примере *Precisamente Romero era el más simpático de todos sus compatriotas* [там же, с. 107] наречие «precisamente» примыкает к существительному (“именно Ромеро”), запятая между ними не ставится.

Ещё один случай, где запятая служит для различения смысла, – это выделение приложения с двух сторон. На просторах Интернета можно найти мем-загадку следующего содержания: *¿Cuántas personas son? Leonardo, mi hermano; Diego, mi primo; Verónica, mi tía, y yo.* Правильно «прочитай» знаки препинания и посчитав людей, мы можем утверждать, что их четверо.

По поводу важности запятой очень показательное рассуждение великого аргентинского писателя Х. Кортасара, который предложил проанализировать следующее предложение и поставить в нём необходимую запятую: *Si el hombre supiera realmente el valor que tiene la mujer andaría a cuatro patas en su búsqueda.* По его мнению, женщина поставила бы запятую после слова *mujer*, а мужчина – после *tiene*. В женском варианте мы получаем такой смысл: *Если бы мужчина знал об истинной ценности, которой обладает женщина, он бы всюду искал её как собачка.* Мужчина видит в этой фразе другой смысл: *Если бы мужчина знал об истинной ценности, которой он обладает, женщина всюду искала бы его как собачка.*

Следует отметить, что иногда в письменном тексте под влиянием просодической традиции встречаются запятые между подлежащим и сказуемым, что является грубым нарушением пунктуации испанского языка. Это относится, в основном, к текстам разговорного жанра, например, в переписке в социальных сетях, чатах, блогах, комментариях к новостям:

Messi, no sólo es un jugador de fútbol, es un hombre muy especial, Excelente Hijo, Esposo, Padre, Amigo... [социальные сети]

4.5. Точка с запятой

Точка с запятой (*punto y coma*) (;) указывает на паузу, более длинную, чем при запятой, но менее короткую, чем при постановке точки. Этот знак препинания делит части сложного предложения, которое уже содержит запятые. Часто точка с запятой используется в текстах статей, где предложения длинные, сложные, достаточно распространённые и требуют определённой композиционно-смысловой организации для правильного понимания. Точка с запятой активно ставится при перечислении однородных членов, сопровождаемых второстепенными членами и запятыми.

Данный пунктуационный знак отделяет синтаксически независимые предложения, между которыми существует тесная смысловая связь. Вместо него в тексте можно поставить точку и разделить высказывание на отдельные предложения, но в таком случае, как уже говорилось выше (см. пункт 4.1), связь между этими элементами становится слабее, а в некоторых случаях теряется или нарушается смысл предложения.

Me detuve, miré de cerca; la nena tenía unas trencitas ralas, una pollera blanca y una tricota rosa, y cuando apartó las manos de la cara le vi los ojos y las mejillas y ni siquiera la semioscuridad podía borrar las lágrimas... [5, с. 365].

Согласно «Diccionario de dudas y dificultades de la lengua española», точка с запятой используется также в сложносочинённых предложениях с большим количеством второстепенных членов перед противительным союзом (*pero*) [29, с. 369]:

Había pasado la noche despierto, la cabeza apoyada en su reflejo de la ventanilla, meditando lo que iba a decir; pero ahora todo de le borraba de la cabeza como una estela en la popa [21, с. 62].

Если же предложение нераспространённое, то используется запятая:

No es mi especialidad, pero me interesó mucho [27, с. 106].

В испанской художественной литературе можно встретить примеры стилистического использования точки с запятой, не соответствующего правилам пунктуации. Например, роман известного испанского писателя Хосэ Луиса Сампедро «Конгресс в Стокгольме» (“Congreso en Estocolmo”) изобилует этим знаком препинания после таких слов, как *sí* или *no*. Таким образом автор показывает читателю, что в этом месте должна быть довольно долгая пауза, понижение интонации, но связь с последующим предложением остается тесной:

Sí; he disfrutado mucho en el teatro, y perdone si ahora quizás arruino el placer de usted con mis palabras excesivas.

No; excesivas, no [27, с. 134].

4.6. Скобки (круглые и квадратные)

Круглые скобки (*paréntesis*) () ставятся для того, чтобы ввести дополнительную, уточняющую, предположительную или разъяснительную информацию, не изменяя структуру высказывания. Скобки могут содержать расшифровку аббревиатур, географические данные, даты, имена, названия произведений и т.д. Поскольку композиционно форма высказывания, содержащегося в скобках, не влияет на всё предложение в целом, то форма изложения может быть свободной: слово, предложение, определение и т.д., например:

Verás, resulta que Anunziata no acaba de curarse (**esa mujer tiene algo que los médicos no le encuentran**), y Simonetta tenía exámenes, así que fue preciso llamar a mi agencia habitual [28, с. 291].

El objetivo era encontrar un material que pudiera usarse en radomos infrarrojos (**recubrimiento para antenas**) para rastrear misiles buscadores de calor [11].

Implantó un sistema de fortificaciones (**posiblemente inspirado en los reyes carolingios**) con el que logró un éxito rotundo [2].

Уточняющую функцию в испанском языке также выполняют запятые и тире. Если разъясняющая информация находится близко к главному слову или предложению и воспринимается читателем как одна из частей высказывания, то ставятся запятые; тире зрительно отделяют содержащуюся в них информацию, помогая таким образом читателю лучше её воспринимать, при этом содержащаяся в них информация не составляет части высказывания, наблюдается её смысловая отдалённость от главного предложения; при выборе автором скобок смысловая связь с главным предложением не представляется близкой.

Al pasar por la plaza Moscova, **ante la fuente de San Francisco**, recuerda la noche de San Silvestre [28, с. 191].

Lo necesario – **pasaporte, cartera con dinero francés, alemán y suizo, un tubo de cafiaspirinas, pitillera de carey, encendedor de plata y una pistola Browning de calibre 9 mm con seis balas en el cargador** – lo portaba encima [20, с. 10].

Además, como no se preocupa más que de sí mismo (**lo cual explica sus éxitos, llamando así a sus muchos cargos**), le cuesta percibir a los demás y valorarlos [27, с. 166].

Квадратные скобки (*corchetes*) [] в большинстве случаев имеют ту же функцию, что и круглые, однако несут вспомогательный характер. Они вводят ту информацию, которая уже находится в круглых скобках. Также при цитировании в квадратных скобках может содержаться пропущенная информация оригинального текста, изложенная другим автором, или, если в них ставится многоточие, опущение слова или выражения [29, с. 371]. В приведённом ниже примере содержится высказывание испанского политика, сторонника независимости Каталонии Мириам Ногерас, которая, выступая на пресс-конференции в Конгрессе депутатов, отодвинула от себя флаг Испании, чтобы не появляться в СМИ на его фоне. Когда журналисты попытались выяснить причины, она ответила, что предпочитает флаг Европейского Союза:

“Esta no está tan cerca, queda muy chula. [**La de España**] la hemos apartado un poquito. Me representa mucho más esta”, ha dicho señalando a la europea [12].

4.7. Тире

Тире (*raya*) (–) может быть простым или двойным. Если речь идёт об одном знаке, то он используется в диалогах при вводе слов каждого из участников или применяется в списках при перечислении. Двойные знаки, как и запятые и скобки, выделяют дополнительную информацию в сложном предложении, при этом, как уже говорилось в п. 4.6, автор, выбирая именно этот знак препинания, не желает, чтобы дополнительная информация составляла часть высказывания:

La brutal, y desgraciadamente repetitiva, escalada de violencia entre Israel y Palestina vuelve a colocar en primer plano uno de los conflictos más longevos en la historia reciente, iniciado en 1967 tras la victoria de Israel en la Guerra de los Seis Días y la ocupación de Gaza — **actualmente bloqueada**—, Cisjordania y Jerusalén Este [18].

El revuelo por la confesión de la gurú, los tuits de rabia, ese gustirrinín al verla claudicar y abdicar de su propio bestseller —**La magia del orden**— refleja algo que ya intuíamos —**la perfección no existe**— aunque a menudo dejemos que nos amargue más de la cuenta [33].

Испанский исследователь А. Гомес Фонт выделяет в некоторых текстах ошибочное использование тире вместо точки с запятой, двоеточия или скобок при переводе текстов с английского языка на испанский. В приведённых им примерах наблюдается влияние английской орфографии [8, с. 83]:

El manual contiene varias secciones – Montaje, Configuración e Instalación вместо El manual contiene varias secciones: Montaje, Configuración e Instalación.

Reparación de la máquina – Piezas renovables вместо Reparación de la máquina (piezas renovables).

4.8. Кавычки

Кавычки (*comillas*) в испанской пунктуации бывают трёх видов: треугольные, латинские или испанские («»), английские (“”) и простые (”). Рекомендуется использовать английские кавычки в предложении, где уже есть латинские кавычки, а простые – для обозначения, например, перевода иностранного слова.

Кавычки ставятся для обозначения

- прямой речи:

Dina empleaba un tono de voz persuasivo, nada apiadado de sí mismo: «**No es la primera vez que trato con ellos: ya me tocó soportarlos cuando maté a mi marido**» [24, с. 45].

- цитат:

Leí el registro del bautismo varias veces hasta convencerme de que era el que buscaba. «**Javier Carranza Garayoa, hijo de don Santiago Carranza Velarde y doña Amelia Garayoa Cuní. Bautizado el 18 de noviembre de 1935 en Madrid**» [14, с. 26].

- названий (литературных произведений, газет и журналов, организаций и т.д.):

Ana representaba el papel de espejo, así Salinas podía monologar sin parecer un enajenado mental, actuando como una «**Alicia a través del espejo**» [4, с. 8].

Однако очень часто названия обозначаются не кавычками, а полужирным шрифтом:

Tampoco le apetecía cenar fuera; aplazó este problema y se sumergió en la lectura de **Los espías no deben amar**, Giorgio Scerbanenco [4, с. 121].

или курсивом:

– En esa época todos lo hacían. Stendhal compuso su *Cartuja* en siete semanas. De todas formas, Dumas utilizaba colaboradores: negros, en jerga del oficio. El de *Los mosqueteros* se llamó Augusto Maquet... Trabajaron juntos en la continuación, *Veinte años después*, y en *El vizconde de Bragelonne*, que cierra el ciclo. También en *El conde de Montecristo* y en algunas novelas más... [19, с. 24].

- слов, которые используются не в своём обычном значении, употребляются в ироническом смысле, являются иностранными словами, представляют собой устаревшие слова и т.д.:

– En familia, Sala comenta lo justo sobre sus negocios, sólo la parte que acrecienta su vanidad..., su «**grandeur**» [4, с. 45] – в данном примере в кавычках стоит французское слово “grandeur”, которое означает «величие».

¿Julia Álvarez?

Tardé unos segundos en asumir que aquella especie de «monje» estaba pronunciando mi nombre [30, с. 24] – в этом примере в кавычках стоит слово “monje” («монах»), которое в данном контексте употреблено в ироническом смысле.

Как и в случае с названиями, иностранные слова, а также слова, употреблённые в ироническом смысле, могут обозначаться в тексте курсивом или полужирным шрифтом:

[...] amparado en sus impresionantes credenciales, su traje caro y su envolvente aroma a *aftershave*, Tom Jenkins le juró que ni Julia Álvarez ni ellos saldrían de España sin consultárselo antes [30, с. 438].

Следует отметить, что иногда отсутствие кавычек там, где они требуются по правилам пунктуации, может привести к неправильному пониманию текста. Так, например, название статьи Хосе Самано из испанской газеты “El País” напечатано без кавычек: *Porque nos da la gana* (Потому что нам так хочется). В основной части статьи данная фраза также не оформлена кавычками. Поэтому у читателя может создаться впечатление, что под местоимением *nos* (нам) журналист подразумевает, в том числе, и себя. Однако, исходя из содержания статьи, становится понятно, что автор приводит воображаемый ответ на критику руководителей крупных международных футбольных организаций:

En las grandes fortificaciones del fútbol, FIFA y UEFA, torres de marfil de plutócratas que funcionan desde sus orígenes como politburós, hay un credo inquebrantable: **porque nos da la gana** [23].

В подобных случаях стоит придерживаться правила из «Орфографии испанского языка» 2010 года: «кавычками оформляется воспроизведение слов, не принадлежащих говорящему» (“*las comillas sirven para enmarcar la reproducción de palabras que corresponden a alguien distinto del emisor*”) [17, с. 380].

4.9. Вопросительные и восклицательные знаки

Вопросительные знаки (*signos de interrogación*) (¿?) служат для того, чтобы показать, что данное высказывание является вопросительным предложением. Восклицательные знаки (*signos de exclamación*) (!) – показатели того, что предложение является восклицательным. Испанский язык является единственным языком в мире, в котором для обозначения вопросительной и восклицательной интонационной характеристики высказывания на письме соответствующие знаки ставятся дважды, в начале предложения, в перевёрнутом виде, и в конце предложения, в обычном виде. В некоторых других языках, связанных с испанским языком происхождением, также предпринимались попытки ввести перевёрнутые символы: в галисийском, каталанском, астурийском, португальском. Однако, в этих языках перевёрнутые знаки не прижились.

В Испании данная особенность пунктуации появилась в середине XVIII века. В 1754 году Королевская академия испанского языка утвердила использование начальных перевёрнутых вопросительных и восклицательных знаков в длинных предложениях с целью исключить возможность их двусмысленного толкования. Однако не существовало чётких критериев определения размера предложения, каждый автор по-своему трактовал это правило. Поэтому в 1870 году Академия ввела обязательное использование перевёрнутых знаков во всех вопросительных и восклицательных предложениях. Это правило медленно входило в обиход, в некоторых изданиях XIX века перевёрнутые символы не печатались. В конце концов способ постановки знаков вопроса и восклицания, предложенный Академией, возобладал. Возможно, это связано с особенностями испанского синтаксиса, который не всегда позволяет с ходу определить начало вопросительной или восклицательной части сложного предложения, а начальные вопросительные и восклицательные знаки сразу дают понять, с какой интонацией следует читать:

Hay periodos largos en los cuales no basta la Nota de Interrogante que se pone á lo último, para que se lean con su perfecto sentido: faltando indicar, como es conveniente y preciso, donde empieza el tono interrogante con que continúa hasta perfeccionarse con su propia cadencia al fin del periodo (Есть длинные предложения, в которых для их полного понимания недостаточно использовать вопросительный знак лишь в конце предложения. Там, где начинается вопросительная интонация, логично также использовать этот знак) [Цит. по 1, с. 152].

В настоящее время под влиянием английского языка авторы испаноязычных текстов всё чаще опускают начальные перевёрнутые знаки. Эта тенденция наблюдается в первую очередь в испанских социальных сетях, где участники коммуникации в целях экономии времени используют только один знак в конце предложения или вовсе опускают эти знаки препинания. Несоблюдение авторами текстов правил орфографии коснулось и других пунктуационных знаков:

En Internet las personas escriben de una manera casi instantánea, la comunicación tiene una dinámica más cercana a la de una conversación oral, priorizan la rapidez y el contenido del mensaje por delante de la forma. No hay una reflexión previa al envío del mensaje al público, el autor intenta usar cuantos menos signos mejor y rara vez utiliza herramientas de corrección ortográfica... (В Интернете люди пишут практически мгновенно, динамика коммуникации ближе к устному общению, в приоритете скорость написания и содержание сообщения, а не его форма. Автор не размышляет перед тем, как опубликовать своё сообщение, он старается использовать как можно меньше знаков и редко пользуется инструментами проверки орфографии...) [32, с. 200].

Другая отличительная особенность испанской пунктуации заключается в том, что вопросительные и восклицательные символы ставятся непосредственно перед словом, с которого начинается соответствующая интонация, то есть как в начале, так и в середине высказывания:

- Lo que le pedimos no es tan difícil...
- Bien, acepto, pero ahora me gustaría que ustedes respondieran a algunas preguntas. **¿Qué relación tuvieron con Amelia Garayoa? ¿La conocieron?** Y por otro lado, **¿quiénes son ustedes?** Ni siquiera sé sus nombres... – dije en tono de protesta.
- Verá, joven, nosotras pertenecemos a una época en que la palabra dada tenía valor de ley; de manera que **¿nos da su palabra de que acepta nuestras condiciones?** – insistió la anciana de gris [14, с. 39].
- Amelia, por favor, **¡piénsatelo!** Habla con tu madre, ella sabrá aconsejarte mejor que yo...
- ¿Qué sucede? —Doña Teresa entró en el cuarto de Amelia alertada por el timbre de voz histérico de su hija.
- **¡Mamá, voy a romper con Santiago!** [14, с. 79].

Очень часто в испанских текстах вопросительные и восклицательные знаки используются не только для обозначения вопросительной и восклицательной интонационной характеристики высказывания, но и для того, чтобы отобразить внутренний мир героев, их чувства и эмоции, а иногда и переживания самого автора произведения.

Las ambulancias son un símbolo de la estupidez enfermiza del tráfico y van de un lado a otro conducidas por seres que ignoran lo estúpidos que son. Al cruzar otra vez la Rambla veo una. Parece libre. **¿Levanto la mano y le doy el alto? ¿O siempre hay que llamarlas por teléfono? ¿Qué hago? ¿Me pongo delante y levanto la mano? ¿Frenará o me atropellará? ¿Me preguntará qué se me ofrece o me llamará gilipollas? Y si me insulta, ¿qué debo hacer? ¿Tomar la matrícula? ¿Cómo se resuelven estos casos? ¿A favor de la ambulancia? ¿O en contra de la ambulancia por denegación de auxilio?** [3, с. 50].

В данном фрагменте романа Игнасио Карриона многочисленные вопросительные предложения, следующие друг за другом, передают растерянность и смятение главного героя, которому срочно необходимо поймать машину скорой помощи, но он не знает, как это сделать, так как никогда ещё не оказывался в подобной ситуации.

В следующих примерах мы встречаем использование удвоенных вопросительных и восклицательных знаков. При помощи этого приёма автор передаёт крайнюю степень проявления той или иной эмоции:

– Sí – me jaleó para que lo acompañase –. Y Martin también. De hecho, seguía ese “camino de Noé”, que no de Santiago, cuando la conoció. Sabía que esos topónimos noéticos integraban una “ruta secreta” que conducía a un lugar específico, vinculado al Ararat turco.

–¿Aquí? ¿En Noia?

–Exacto. Si el camino de Santiago muere en la tumba del Apóstol, el camino noético desemboca...

–**¿¿En la tumba de Noé??** [30, с. 208] – удивление;

–Pero ¿y Martin? ¿Sabes dónde está? – insistí.

–Tu marido se encuentra perfectamente. De hecho, también él lleva un tiempo esperándote. ¿Quieres un poco de té?

–**¿¿Té??** [там же, с. 419] – возмущение;

La voz cayó sobre nosotros desde la parte alta del muro, obligándome, por instinto, a mirar hacia arriba. Allí, suspendido a unos tres metros de altura, cerca de la parte externa del glaciar, lo vi.

–**¡¡Martin!!** [там же, с. 462] – радость и удивление.

5. Выводы

Проведённое нами исследование показало, что в испанском языке существуют определённые пунктуационные правила предписывающего характера, установленные Испанской королевской академией и Ассоциацией академий испанского языка. Однако анализ современных текстов различных жанров выявил многочисленные случаи нерегламентированной пунктуации, которая может быть обусловлена различными факторами. Иногда постановка знаков препинания зависит от просодической традиции языка, от степени распространённости предложения, особенностей того или иного жанра, от возрастающего влияния английского языка. Зачастую нарушение норм пунктуации объясняется субъективным подходом автора текста, его индивидуальным стилем, его коммуникативной интенцией, а в некоторых случаях – и уровнем его грамотности. Следует отметить, что из-за неправильной расстановки знаков препинания или их опущения смысл высказывания чаще всего не меняется, но иногда игнорирование правил затрудняет восприятие прочитанного или приводит к неправильному пониманию текста адресатом.

Изучение пунктуации как инструмента коммуникативно-смысловой организации высказываний позволяет сделать вывод о том, что знаки препинания играют важную роль для восприятия и интерпретации письменных речевых произведений, а их потенциал для передачи смысловых, эмоциональных и интонационных коннотаций, несомненно, заслуживает дальнейшего исследования.

© Верещинская Ю.В., Сыщикова Е.С., 2023

Список литературы

1. Борзенкова А.А. Из истории испанской пунктуации / А.А. Борзенкова, И.Б. Котеняткина // Вестник РУДН, серия Лингвистика, № 2, 2015. С. 148 – 155.
2. Alfredo el Grande: el rey que venció a los vikingos. Muy interesante. 02.02.2023 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.muyinteresante.es/historia/59506.html> (дата доступа: 02.03.2023).
3. Carrión I. *Desahucio*. Novela española Siglo XX. Barcelona: Destino, 1996. 257 p.
4. Casals P. *El intermediario*. Barcelona: Plaza & Janés, 1983. 250 p.
5. Cortázar J. *Cuentos completos/2*. Madrid: Santillana S.A., 1994. 511 p.
6. Diccionario panhispánico de dudas [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rae.es/dpd/coma> (дата доступа: 28.01.2023).
7. El populismo de Xavi. *La Razón*, 27.10.2014 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.larazon.es/deportes/futbol/el-chiringuito-de-pedrerol-el-populismo-de-xavi-FJ7748645/> (дата доступа: 25.01.2023).
8. Gómez Font A., Castro Roig X., Martín Fernández A., Buen Unna G. de. *Palabras mayores*. El libro. 199 recetas infalibles para expresarse bien. Barcelona: Larousse Editorial S.L., 2015. 288 p.
9. Gómez Torrego L. *Gramática didáctica del español*. Madrid: Ediciones SM, 2002. 546 p.
10. Grijelmo A. *El estilo del periodista*. Taurus, 2007. 616 p.
11. Inventos de la NASA que usas cada día. Muy interesante. 02.02.2023 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.muyinteresante.es/ciencia/59501.html> (дата доступа: 04.02.2023).
12. La portavoz de Junts en el Congreso aparta la bandera española pero deja la europea: “Es muy chula”. *El Español*. 21.02.2023. [Электронный ресурс] – URL: https://cronicaglobal.elespanol.com/politica/portavoz-junts-en-congreso-aparta-bandera-espanola-pero-deja-europea-es-muy-chula_775169_102.html (дата доступа: 01.03.2023).
13. Millás J.J. *El mundo*. Barcelona: Planeta, 2009. 240 p.
14. Navarro J. *Dime quién soy*. Barcelona: Penguin Random House Grupo Editorial, S.A.U., 2014. 1098 p.
15. Navarro J. *Dispara, yo ya estoy muerto*. Barcelona: Penguin Random House Grupo Editorial, S.A.U., 2013. 912p.
16. Olivares Zurilla J. *Isabel*. Barcelona: Plaza Janés, 2012. 592 p.
17. *Ortografía de la lengua española*. RAE. Madrid: Espasa, 2010. 745 p.
18. Otra brutal escalada. *El País*, 03.03.2023 [Электронный ресурс] – URL: <https://elpais.com/opinion/2023-02-03/otra-brutal-escalada.html> (дата доступа: 05.02.2023).
19. Pérez-Reverte A. *El club Dumas*. 2000, Suma de Letras, 559p.
20. Pérez-Reverte A. *Falcó*. Barcelona: Alfaguara, 2016, 296 p.
21. Pérez-Reverte A. *La carta esférica*. Madrid: Suma de letras, 2004, 658 p.
22. Plutón gana puntos ante los astrónomos. *La Razón*, 15.10.2015 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.larazon.es/sociedad/ciencia/pluton-gana-puntos-ante-los-astronomos-HP10976111/> (дата доступа: 12.01.2023).
23. Porque nos da la gana. *El País*, 17.10.2015 [Электронный ресурс] – URL: https://elpais.com/deportes/2015/10/16/actualidad/1445011386_458491.html (дата доступа: 20.12.2022).
24. Prada J. M. de. *La tempestad*. Barcelona: Planeta, 1997. 414p.
25. Prat Ferrer J. J., Peña Delgado A. *Manual de escritura académica*. Madrid: Paraninfo. 2015, 268 p.
26. Rodríguez Muñoz F.J., Ridao S. Los signos de puntuación en español: cuestiones de uso y errores frecuentes // *Boletín de Filología* 48(1), 2013. P.147-169.
27. Sampedro J.L. *Congreso en Estocolmo*. Barcelona: Debolsillo, 2004, 270 p.
28. Sampedro J.L. *La sonrisa etrusca*. Barcelona: Debolsillo, 2002, 236 p.
29. Seco M. *Diccionario de dudas y dificultades de la lengua española*. Madrid, 2007. 598 p.
30. Sierra J. *El ángel perdido*. Barcelona: Planeta, 2011. 544 p.
31. Silva L. *El alquimista impaciente*. Barcelona: Destino, 2010. 288p.
32. Syschikova E., Savchuk E. Géneros discursivos de la red social Instagram en el segmento hispanohablante // *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО*, 8(4), 2022. С. 189-203.
33. Te lo dije, Marie Kondo. *El País*. 03 .02.2023. [Электронный ресурс] – URL: <https://elpais.com/opinion/2023-02-03/te-lo-dije-marie-kondo.html> (дата доступа: 04.03.2023).
34. Un niño de la mano. *El País*, 04.10.2009 [Электронный ресурс] – URL: https://elpais.com/diario/2009/10/04/domingo/1254627031_850215.html (дата доступа: 15.12.2022).
35. Vargas Llosa M. *Los cuadernos de don Rigoberto*. Barcelona: Debolsillo, 2015. 400 p.
36. Vereshchinskaya Y. Puntuación como herramienta para mayor comprensión del texto en clase de ELE // *Ибероамериканские тетради*, №2 (20), 2018. С. 78 – 82.

References

1. Borzenkova, A.A., Koteniatkina I.B. Iz istorii ispanskoi punktuatsii // *Vestnik RUDN, seriia Lingvistika*, № 2, 2015. P. 148 – 155.
2. Alfredo el Grande: el rey que venció a los vikingos. *Muy interesante*. 02.02.2023 <https://www.muyinteresante.es/historia/59506.html> (accessed 02.03.2023).
3. Carrión, I. *Desahucio*. *Novela española Siglo XX*. Barcelona: Destino, 1996. 257 p.
4. Casals, P. *El intermediario*. Barcelona: Plaza & Janés, 1983. 250 p.
5. Cortázar, J. *Cuentos completos/2*. Madrid: Santillana S.A., 1994. 511 p.
6. *Diccionario panhispánico de dudas*, <https://www.rae.es/dpd/coma> (accessed 28.01.2023).
7. El populismo de Xavi. *La Razón*, 27.10.2014, <https://www.larazon.es/deportes/futbol/el-chiringuito-de-pedrerol-el-populismo-de-xavi-FJ7748645/> (accessed 25.01.2023).
8. Gómez, Font A., Castro, Roig X., et al. *Palabras mayores*. *El libro*. 199 recetas infalibles para expresarse bien. Barcelona: Larousse Editorial S.L., 2015. 288 p.
9. Gómez, Torrego L. *Gramática didáctica del español*. Madrid: Ediciones SM, 2002. 546 p.
10. Grijelmo, A. *El estilo del periodista*. Taurus, 2007. 616 p.

11. Inventos de la NASA que usas cada día. *Muy interesante*. 03.02.2023, <https://www.muyinteresante.es/ciencia/59501.html> (accessed 04.02.2023).
12. La portavoz de Junts en el Congreso aparta la bandera española pero deja la europea: “Es muy chula”. *El Español*. 21.02.2023. https://cronicaglobal.lespanol.com/politica/portavoz-junts-en-congreso-aparta-bandera-espanola-pero-deja-europea-es-muy-chula_775169_102.html (accessed 01.03.2023).
13. Millás, J.J. *El mundo*. Barcelona: Planeta, 2009. 240 p.
14. Navarro, J. *Dime quién soy*. Barcelona: Penguin Random House Grupo Editorial, S.A.U., 2014. 1098 p.
15. Navarro, J. *Dispara, yo ya estoy muerto*. Barcelona: Penguin Random House Grupo Editorial, S.A.U., 2013. 912p.
16. Olivares, Zurilla J. *Isabel*. Barcelona: Plaza Janés, 2012. 592 p.
17. *Ortografía de la lengua española*. RAE. Madrid: Espasa, 2010. 745 p.
18. Otra brutal escalada. *El País*, 03.03.2023, <https://elpais.com/opinion/2023-02-03/otra-brutal-escalada.html> (accessed 05.02.2023).
19. Pérez-Reverte, A. *El club Dumas*. 2000, Suma de Letras, 559p.
20. Pérez-Reverte, A. *Falcó*. Barcelona: Alfaguara, 2016, 296 p.
21. Pérez-Reverte, A. *La carta esférica*. Madrid: Suma de letras, 2004, 658 p.
22. Plutón gana puntos ante los astrónomos. *La Razón*, 15.10.2015, <https://www.larazon.es/sociedad/ciencia/pluton-gana-puntos-ante-los-astronomos-HP10976111/> (accessed 12.01.2023).
23. Porque nos da la gana. *El País*, 17.10.2015, https://elpais.com/deportes/2015/10/16/actualidad/1445011386_458491.html (accessed 20.12.2022).
24. Prada, J. M. de. *La tempestad*. Barcelona: Planeta, 1997. 414p.
25. Prat, Ferrer J. J., Peña Delgado A. *Manual de escritura académica*. Madrid: Paraninfo. 2015, 268 p.
26. Rodríguez, Muñoz F.J., Ridaio, S. Los signos de puntuación en español: cuestiones de uso y errores frecuentes // *Boletín de Filología* 48(1), 2013. P.147-169.
27. Sampetro, J.L. *Congreso en Estocolmo*. Barcelona: Debolsillo, 2004, 270 p.
28. Sampetro, J.L. *La sonrisa etrusca*. Barcelona: Debolsillo, 2002, 236 p.
29. Seco, M. *Diccionario de dudas y dificultades de la lengua española*. Madrid, 2007. 598 p.
30. Sierra, J. *El ángel perdido*. Barcelona: Planeta, 2011. 544 p.
31. Silva, L. *El alquimista impaciente*. Barcelona: Destino, 2010. 288p.
32. Syschikova, E., Savchuk E. Géneros discursivos de la red social Instagram en el segmento hispanohablante // *Linguistics & Polyglot Studies / Filologicheskie nauki v MGIMO*, 8(4), 2022. P. 189-203.
33. Te lo dije, Marie Kondo. *El País*. 03 .02.2023, <https://elpais.com/opinion/2023-02-03/te-lo-dije-marie-kondo.html> (accessed 04.03.2023).
34. Un niño de la mano. *El País*, 04.10.2009, https://elpais.com/diario/2009/10/04/domingo/1254627031_850215.html (accessed 15.12.2022).
35. Vargas, Llosa M. *Los cuadernos de don Rigoberto*. Barcelona: Debolsillo, 2015. 400 p.
36. Vereshchinskaya, Y. Puntuación como herramienta para mayor comprensión del texto en clase de ELE // *Iberoamerikanske tetradi*, №2 (20), 2018. P. 78 – 82.

Сведения об авторах:

Верещинская Юлия Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка, МГИМО МИД России. Сферы научных интересов: прагмалингвистика, медиатекст, национально-культурная специфика. E-mail: y.vereshchinskaya@inno.mgimo.ru ORCID ID: 0009-0002-3124-4131

Сыщикова Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка, МГИМО МИД России. Сферы научных интересов: лингвистика, межкультурная коммуникация, методика обучения иностранным языкам. E-mail: e.syschikova@my.mgimo.ru ORCID ID: 0009-0002-0184-323X

About the authors:

Yulia V. Vereshchinskaya, PhD, is Associate Professor of Spanish Department at MGIMO University. Research interests: pragmalinguistics, media text, cultural linguistics. E-mail: y.vereshchinskaya@inno.mgimo.ru ORCID ID: 0009-0002-3124-4131

Ekaterina S. Syschikova, PhD, is Associate Professor of Spanish Department at MGIMO University. Research interests: linguistics, intercultural communication, methodology of teaching foreign languages. E-mail: e.syschikova@my.mgimo.ru ORCID ID: 0009-0002-0184-323X

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

* * *

TYPOLOGICAL PASSPORT OF BASQUE AS A MINORITY LANGUAGE

Nataliya A. Lavrova

MGIMO University
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The aim of the research is to make an inventory of the most salient typological traits of Basque as one of the extant minority languages, whose origin and typological status have been debated ever since the 16th century. Despite the well-meaning attempts to compile a unified standard of Basque, the majority of its speakers communicate using one of its numerous dialects. Apart from that, most of the contemporary coursebooks of Basque convey contradictory messages about its main grammatical features. This lack of uniformity acts as an impediment on the way to learning Basque or forming a well-defined concept of its typology. To enhance and spread knowledge about Basque typology, the present research adopts the methodology of contrastive-typological studies, namely, the method of typological passport developed by Professor V.D. Arakin. The empirical data for the research were drawn from the course- and textbooks recommended by *The Royal Academy of the Basque Language*. Research results revealed a number of universal typological traits shared by Basque with well-studied languages of the world, such as the presence of articles, cases, assimilation, post-modifying adjectives, etc. However, from the perspective of contrastive typology, it is the unique typological features that are most typologically and conceptually salient, such as voiced and devoiced aspiration, variations in the pronunciation of diaphonic sounds, non-systematic (non-pleonastic) marking of number, conceptual salience of specific numerals (2, 4, and 11), neutral and emphatic world-building patterns as well the absence of some models altogether (blending, shortening, back-formation). Research results show that the typological passport of Basque can be defined as an agglutinative language with suffixes, syntactic agreement and fusions at morphemic junctures. One of the avenues for further research is a multi-factorial analysis with a view to obtaining statistical data about typologically significant categories of Basque.

Keywords: minority language, Basque, contrastive typology, typological passport

For citation: Lavrova, N.A. (2023). Typological passport of Basque as a minority language. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(4), pp. 26–41. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-26-41>

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПАСПОРТ МИНОРИТАРНОГО БАСКСКОГО ЯЗЫКА

Н.А. Лаврова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Цель настоящего исследования – проанализировать основные типологические черты баскского языка в частичном сопоставлении с русским и английским языками. Несмотря на попытки выработки унифицированного стандарта баскского, большинство его носителей говорят на одном из локальных вариантов или диалектов. Изучение практической и теоретической литературы показало, что во многих учебных пособиях и научных исследованиях в качестве примеров приводятся как унифицированные, так и маргинальные черты баскского языка, а это значит, что изучающим баскский язык весьма трудно получить представление о типичных чертах стандартного баскского, что существенным образом затрудняет процесс овладения данным языком. В настоящей работе используется метод типологического паспорта, в соответствии с которым анализируются основные типологические черты баскского языка на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. В качестве эмпирического материала исследования послужили учебники и учебно-методические пособия, рекомендованные Академией баскского языка. Результаты исследования позволили выявить ряд универсальных языковых черт, разделяемых баскским языком с другими языками мира, а именно: наличие морфологически выраженной категории детерминативности, развитую систему падежей и падежных окончаний, фузионные чередования, ассимиляцию, постпозицию определения по отношению к существительному и т.д. Однако наиболее значимыми с лингвистической точки зрения оказались некоторые уникальные языковые черты, представленные лишь фрагментарно или отсутствующие в других языках, как, например, звонкая и глухая аспирация, вариативность в произношении диафона, несистематическое маркирование категории количества на морфологическом уровне, лексикализация некоторых понятий, связанных с числительными 2, 4 и 11, нейтральные и маркированные модели словообразования, а также отсутствие некоторых словообразовательных моделей. Изучение типологического паспорта баскского языка позволило определить его статус следующим образом: агглютинативно-суффиксальный язык с согласованием и наличием фузии на стыке морфем. Перспективным направлением дальнейшего изучения баскского языка является многофакторный анализ с целью получения статистических данных о типологически значимых категориях.

Ключевые слова: миноритарный язык, баскский, контрастивная типология, типологический паспорт

Для цитирования: Лаврова Н.А. (2023). Типологический паспорт миноритарного баскского языка. *Филологические науки в МГИМО*. 9(4), С. 26–41. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-26-41>

Введение

Баскский язык относится к миноритарным языкам Иберийского полуострова и включает в себя 9 диалектов, значительным образом отличающихся друг от друга [6], [21]. Центральные диалекты баскского – гипускоанский, верхненаварский и лабурдинский – в большей степени открыты для языковых инноваций в отличие от периферийного ронкалесского [25]. Традиционно диалекты баскского подразделяются на северные (французские) и южные (испанские) [11]. В связи с активной деятельностью Королевской академии баскского языка по стандартизации, начиная с 1960 года постепенно развивается единый вариант баскского языка *euskara batua*, букв. «объединённый баскский», включающий в себя формы из нескольких диалектов [19]. В основе *euskara batua* лежит центральный гипускоанский диалект, а также вкрапления из лабурдинского и нижненаварского.

Цель настоящего исследования – провести инвентаризацию основных типологических черт стандартного баскского языка на всех языковых уровнях. **Проблема** исследования заключается в том, что несмотря на попытки выработки унифицированного стандарта баскского языка, большинство его носителей говорят на одном из локальных вариантов¹. Кроме того, изучение практической и теоретической литературы показало, что во многих учебных пособиях и научных исследованиях в качестве примеров приводятся как унифицированные, так и маргинальные черты баскского языка, а это значит, что изучающим язык весьма трудно получить представление о типичных чертах стандартного баскского, что существенным образом затрудняет процесс овладения данным языком.

Из истории изучения баскского языка

Среди учёных, занимавшихся изучением баскского языка, прежде всего, установлением его генетического родства и типологической классификации, следует отметить заслуги В. фон Гумбольдта [16], Г. Шухарда [24], Ф. де Соссюра [23], К.К. Уленбека [26] и т.д., однако наиболее плодотворных и значимых результатов достигли баскско-французский ученый Л. Мичелена [20] и англо-американский ученый-басковед Р.Л. Траск [25].

В. фон Гумбольдт посетил Страну Басков дважды – в 1799 и в 1802 гг. Хотя работы учёного содержат некоторые ценные замечания о типологии баскского, в целом исследование В. фон Гумбольдта страдает от тенденциозности. В результате отсутствия чёткой методологии и работы исключительно с письменными текстами, В. фон Гумбольдт приходит к таким ошибочным выводам, как генетическое родство баскского с иберийским и греческим. Пренебрежение Гумбольдтом латинскими заимствованиями и неправильный анализ структуры баскского предложения привели к ошибочным выводам относительно происхождения и системы баскского языка. Следующей вехой в изучении баскского стала работа племянника Наполеона Бонапарта Принца Луи Люсьена Бонапарта, опубликовавшего в 1869 году труд под названием *Le verbe basque en tableaux* [12], представляющий собой сравнительный анализ глагольных форм в различных диалектах баскского. В конце XIX века появляется активный интерес к баскскому в Германии: в 1886 году формируется Баскское Лингвистическое Общество, издававшее научный журнал *Euskara* в период с 1886 по 1889 гг. В период между 1893 и 1925 годами известный романист и креолист Г. Шухард публикует ряд научных работ по баскскому языку [24]. Критикуя Г. Шухарда за неясность изложения и неудобочитаемость, Р.Л. Траск отмечает, что основная ошибка Г. Шухарда заключается в неправильном анализе структуры баскского предложения как пассивного. Тем не менее, заслуги Г. Шухарда в изучении баскского, без сомнения, значительны: история номинативной и глагольной морфологии, а также идентификация романского слоя среди лексического состава баскского – несомненная заслуга учёного, что образно и точно подмечено Р.Л. Траском: 'It is not too much to assert that Schuchard found Basque an amateur pastime and left it a scholarly discipline' [25, p. 60].

¹ Проблема разграничения понятий «локальный вариант» и «диалект» применительно к баскскому языку не является предметом настоящего исследования.

Голландский учёный К.К. Уленбек вслед за Г. Шухардом выступал активным сторонником теории пассивности баскского предложения, параллельно признавая его эргативный строй [26]. Большинство статей автора посвящено изучению фонологии и морфологии баскского. Среди басковедов К.К. Уленбек известен как автор теории происхождения префикса *be-, являющегося, по мнению учёного, морфологическим показателем названий частей тела. Как и некоторые другие исследователи, К.К. Уленбек настаивал на генетическом родстве баскского и кавказских языков.

Наиболее значительный вклад в изучение баскского языка сделал Л. Мичелена, систематически применивший методологию структурной лингвистики к изучению баскского языка. Историческая фонология, глагольная система, топонимика, антропонимика, этимология, синтаксис, романский суперстрат, акцентология, – вот лишь неполный список сфер, которые стали объектом изучения в работах Л. Мичелены. Наиболее значимым вкладом учёного являются исследования по установлению систематических фонологических соответствий в различных диалектах баскского и изучение романских (в том числе латинских) заимствований.

Современные исследования баскского языка сфокусированы на проблеме стандартизации баскского и выработки его унифицированного варианта.

Так, исследование К. Валадес et al [27] посвящено вопросу приобретения баскским статуса немаркированного языка. Авторы отмечают, что преподаватели учебных заведений в Стране Басков ожидают, что иммигранты прежде всего должны владеть испанским и своим родным языком, в то время как владение баскским не только не является обязательным, но и воспринимается негативно в случае, если переселенцы не владеют испанским.

Х. Хуалде и К. Зуазо [15] отмечают, что в процессе стандартизации баскского языка участвуют как центробежные, так и центростремительные силы. Первые попытки по описанию типологии баскского были предприняты уже в XVI веке. Однако большинство авторов описывали типологические черты того диалекта, которым владели сами. Возникновение баскской националистической партии не способствовало выработке унифицированного стандарта баскского по причине сильных пуристических тенденций в конце XIX века.

Используя метод этнографического анализа, А. Аугустиниак [8] показывает, что вопросы лингвистического самоопределения стоят особенно остро для иммигрантов в Стране Басков: большинство не стремятся овладеть стандартным баскским, используя сепарацию как ведущую стратегию аккультурации.

Помещая вопрос стандартизации баскского в контекст возрождения миноритарных языков, Е. Аподака, А. Басурто и А. Галаррага [7] отмечают, что начало XXI века ознаменовалось открытым антагонизмом в отношении выработки единого варианта баскского, однако в конце первой декады XXI века эта проблема стала обсуждаться на государственном уровне, в результате чего правительство стало выделять гранты учёным, стремящимся описать типологию баскского языка с целью выработки единого письменного стандарта.

Используя метод контент-анализа, С.Ю. Дронова [2] выделяет наиболее частотные баскские слова и концепты в газетно-политическом дискурсе и приходит к выводу, что основная масса политических терминов способствует укреплению образа Страны Басков. Это служит одной из политических целей руководства Страны Басков – признанию басков нацией наравне с испанской, а также установлению особых партнёрских межнациональных отношений между регионом и Испанией.

Используя методологию ономастических и лингвокультурологических исследований, О.С. Чеснокова и Л.М. Джишкариани [5] ставят задачу по изучению современной баскской топонимии, определяют её пространство и границы через призму языковых контактов с испанским языком. Анализ топонимического материала показал, что «важной чертой современной баскской топонимии Испании является существование двойных названий (баскского и испанского), отражающих многовековые контакты баскского и испанского языков. Двойные названия находятся в процессе нормирования в рамках государственной политики по унификации литературного стандарта баскского языка» [5, с. 1074]. Основной вывод, к которому приходят авторы, – «языковое сознание

современных басков сохраняет топонимию исконного происхождения как национальное достояние, хотя в отдельных случаях отдаётся предпочтение испанскому названию (*Bilbao*, а не *Bilbo*, например)» [там же].

Таким образом, анализ как более ранних, так и современных исследований, посвящённых баскскому языку, показал, что вопрос типологической классификации единого варианта баскского языка стоит особенно остро: в большинстве работ поднимаются вопросы национальной идентичности и самоопределения басков ([13], [14], [17], [18], [19], [22]), в то время как языковые характеристики унифицированного баскского и анализ его основных типологических черт за некоторым исключением (см. работы Л. Мичелены и Р.Л. Траска) не являются приоритетным направлением указанных исследований.

Методология

В настоящей работе используется метод типологического паспорта, разработанный известным советским и российским учёным В.Д. Аракиным [1] для описания типологии пяти разноструктурных языков. Опираясь на понятие типологического паспорта, мы проанализировали основные типологические черты баскского языка в частичном сопоставлении с русским и английским языками. В качестве эмпирического материала исследования послужили учебники и учебно-методические пособия, рекомендованные Академией баскского языка (см. Приложение).

Результаты

Фонетика и морфонология

Наиболее сильное расхождение между древними и современными текстами на баскском обнаруживает дистрибуция графемы *h* и соответствующего звука, используемого французскими басками для передачи аспирированных взрывных *p*, *t*, *k* (*ph*, *th*, *kh*).

Аспирация в баскском отличается от её английского аналога по следующим параметрам: во-первых, баскская аспирация может быть **глухой** и **звонкой**, во-вторых, в зубероанском диалекте присутствует назализованная, ларингальная аспирация, характерная для интервокальной позиции [4]. В современном баскском аспирация не носит контрастивный характер. В северных диалектах взрывные [*p*], [*t*], [*k*] традиционно аспирируются, что графически отражается при помощи последующей графемы *h*. Южные диалекты утратили аспирацию: ср. *ethorri* vs *etorri* «приходить». При употреблении в начале слова аспирированное *h* представляет собой отдельную фонему, различающую значения слов: *hura* «тот» vs *ura* «вода» (с определённым артиклем). В интервокальной позиции аспирированный *h* используется для устранения зияния, не различая значения слов: *behar* «нуждаться», *ahó* «месяц», *zahar* «старый».

Примерно половина исконно баскских существительных и прилагательных начинается с гласного звука. В научной литературе высказывается несколько гипотез относительно происхождения и широкого распространения вокалической инициали. Согласно «нулевой гипотезе», частотность вокалической инициали объясняется фонотактикой древнебаскского [25]. Согласно другой гипотезе, начальный гласный представляет собой протетический звук, добавляемый к слогу, начинающемуся на согласный [там же]. По мнению Г. Шухарда [24], эти гласные представляют собой следы древних грамматических префиксов, например, определённого или неопределённого артикля. По мнению Дж. Бенгтсона [10], вокалическая инициаль – это древний классификатор, присоединяемый к имени существительному в зависимости от его лексико-семантического разряда. Согласно третьей теории, начальные гласные остались после утраты предшествующего согласного. Вслед за Ф. де Соссюром, автором теории ларингальных согласных в протоиндоевропейском языке, Т. Ваннеман [28] называет эти согласные «ларингальными», к числу которых он относит не шипящие и не свистящие глухие фрикативы.

В отличие от английского языка, в котором сложные слова образуются без звуковых изменений на стыке двух основ, для баскского языка характерны **нечёткие морфологические швы**, обусловленные изменением качества или количества как гласных, так и согласных звуков. Лишь небольшая часть сложных слов образуется посредством агглютинации: ср. *ke* + *zulo* = *kezulo* («дым» + «дырка» = «дымоход»); *jo* + *aldi* = *joaldi* («ударять» + «случай, повод» = «удар»). В случае если первая основа состоит из трёх слогов, финальный гласный третьего слога выпадет: ср. *itsaso* «море» + *gizon*

«человек» = *itsasgizon* «морьяк». В двусложной первой основе, оканчивающейся на -а, -о, -е, финальный гласный превращается в -а: ср. *etxe* «дом» + *gain* «вершина» = *etxagain* «крыша»; *baso* «лес» + *jaun* «глава» = *basajaun* «старый лесной человек». В двусложных основах, оканчивающихся на сочетание «звонкий взрывной + гласный i», происходит выпадение гласного и превращение звонкого взрывного в звук [t]: *begi* «глаз» + *lie* «волосы» = *betile* «ресница»; *gurdi* «повозка» + *abere* «животное» = *gurtabere* «тягловое животное». В случае сочетания двух взрывных на стыке основ скопление согласных упрощается до одного звука, оглушаясь и приобретая место образования второго звука: ср. *begi* «глаз» + *buru* «голова» = *beruru* «бровь». Таким образом, несмотря на агглютинативную морфонологию баскского языка, в котором разные грамматические значения передаются разными постпозитивными аффиксами, звуковые изменения на стыке корня и агглютинативной морфемы в ряде случаев (преимущественно в финитных и вспомогательных глаголах) носят фузионный характер, в результате чего присоединение к корню постпозитивного артикля допускает вариативное произношение и написание: ср. *zaldi*- + -а = *zaldi(j)a* [saldije], [saldize], [saldifa].

Морфология

Морфологическим показателем категории детерминативности выступает определённый артикль -а, имеющий агглютинативный характер и присоединяемый к концу существительного или, чаще, группы существительного (т.е. словосочетания или сочетания слова с предлогом). Как и в английском языке, определённый артикль в баскском восходит к указательному местоимению; в отличие от английского, артикль в котором восходит к указательному местоимению ближней дистанции, в баскском определённый артикль восходит к указательному местоимению дальней дистанции.

Употребление неопределённого артикля (ед. *bat*, мн. *batzu(k)*) не носит столь широкомасштабный характер, как в английском языке, поскольку функция неопределённого артикля в баскском ограничена. Преимущественно, *bat* употребляется в значении «один среди нескольких или многих», поэтому английское предложение *I have a son* может быть переведено на баскский двояко, в зависимости от того, сколько сыновей имеет говорящий. Если речь идёт о единственном сыне, то неопределённый артикль не употребляется: *Semea dutldaukat*. Если же говорящий имеет более одного сына, то употребление определённого артикля обязательно: ср. *Seme bat dutl daukat*.

Характерной особенностью парадигмы личных местоимений является, во-первых, отсутствие в стандартном варианте местоимения 3-его лица, а во-вторых, наличие так называемого **фамильярного** местоимения второго лица единственного числа: *ni* – «я», *hi* – «ты» (фамильярное), *zu* («ты», нейтральное), *gu* – «мы», *zuek* – «вы».

В отличие от английского языка, различающего местоимения ближней и дальней дистанции, баскский различает местоимения **ближней, средней и дальней** дистанции: *hau* (комбинирующие формы *hon-*, *haue-*) «этот», «эти», *hori* (комбинирующие формы *horr-*, *horie-*) «тот», «те» (недалеко от говорящего), *hura* (комбинирующие формы *har-*, *haie-*) «тот», «те» (в отдалении от говорящего). Объективная близость/отдалённость адресата не играет решающей роли в выборе того или иного местоимения: выбор местоимения в большей степени определяется отношением говорящего к предмету высказывания.

В отличие от русского языка, в котором типичный предлог отличается как часть речи от типичного существительного как морфологически, так и семантически (ср. «на» – «поверхность», «в» – «внутренность», «около» – «близость» и т.д.), постпозитивные предлоги (послелог) в баскском языке представляют собой падежные формы имени существительного, а это означает, что постпозитивный предлог может параллельно употребляться как существительное в составе номинативной группы: ср. *gizonaren atzean* «позади мужчины» (*atze* «задняя сторона»), *eliza aldean* «около церкви» (*alde* «сторона»), *mendien erdira* «к центру горы» (*erdi* «центр»). Р.Л. Траск называет их «постпозитивными существительными» [26], однако по своей грамматической функции данные элементы сближаются с предлогами, так как служат для выражения отношений между словами.

Указанные выше и некоторые другие словообразовательные элементы напоминают английские **полуаффиксы** тем, что могут функционировать как самостоятельные лексемы и как постпозитивные элементы слов, обладающие обобщённым значением и частично десемантизированные.

Иногда в фонетическом отношении баскские полуаффиксы отличаются от своих полнозначных коррелятов наличием глухого взрывного в начале слога: ср. *ime* «ребёнок» vs *kume* «детёныш» (*katakume* «котенок», *arkume* «ягнёнок», *emakume* «женщина», «девочка»); *alde* «сторона» vs *kalde* «расположенный рядом» (*sukalde* «кухня», букв. «находящийся рядом с огнём»). Р.Л. Трасс отдаёт предпочтение термину «псевдосуффикс» [25], причисляя к их числу следующие частотные баскские словообразовательные элементы: *-eme* «женщина, женский», *-ar* «мужчина, мужской», *-bide* «дорога», *-buru* «голова, главный», *-bitxi* «прекрасный» (ср. *asteme* «ослица», *katar* «кот», *aitabitxi* «крестный отец», *galbide* «опасность», *mahaiburu* «офицер»). Наряду с псевдосуффиксами выделяется группа псевдопрефиксов, употребляющихся и как самостоятельные слова, и как первые элементы сложных слов в значении, общем для всех производных. Наиболее частотными являются элементы семантико-тематического поля «флора и фауна» – *basa-* («дикий»), *otso-* («волчий»), *sasi-* («похожий на дикую ежевику»): ср. *basalore* «дикий (полевой) цветок»; *basurde* «дикий кабан»; *otsolizar* «рябина»; *sasiarrosa* («дикая роза, шиповник»). Любопытно, что последний псевдоаффикс приобрел пейоративной оттенок значения, употребляясь в современном баскском в значении «ненастоящий», «фальшивый», «поддельный»: *sasipoeta* «писака, горе-поэт», *sasiezkontza* «сожитель-ство» от *ezkontza* «брак».

При рассмотрении прилагательного как части речи особого внимания заслуживает релятивный суффикс *-ko*, функция которого не ограничивается образованием того, что в русском языке принято называть «относительным прилагательным». Основная функция данного суффикса – образование сложного определения посредством присоединения к наречию, словосочетанию, предложному существительному, причастию и т.д. Сфера употребления суффикса *-ko* включает то, что в английском языке передаётся генитивом, придаточным предложением и предложными сочетаниями:

- *azto* «вчера» – *aztoko* «вчерашний»;
- *hemen* «здесь» – *hemengo*² «здешний»;
- *meridian* «на горе» – *meridianko* «нагорный»;
- *dirurik gabek* «без денег» – *dirurik gabeko* «безденежный», «не имеющий денег»;
- *trumoiak adituta* «услышав гром» – *trumoiak aditutako umeak* «дети, услышавшие гром».

В основу классификации глаголов баскского языка положена форма перфектного причастия, или так называемого причастия II. Первый класс представлен глаголами, оканчивающимися на *-i*: *ikusi*, *ekarri*, *ipini* и т.д. Второй класс образуют причастия II с помощью суффикса *-tu*: *hartu*, *lortu*, *aberastu*. В глаголах третьего класса форма перфектного причастия совпадает с формой инфинитива: *ito*, *bota*, *hil*. У глаголов четвёртого класса, оканчивающихся на *-n*, в большинстве случаев форма причастия также совпадает с формой основы, однако особенность данного класса в том, что в некоторых формах и контекстах финальное *-n* может исчезать.

В отличие от английского языка, в котором функционально-семантическое поле категории деятеля носит моноцентрический характер, то есть абсолютное большинство имён деятеля образуется посредством продуктивного суффикса *-er*, в баскском соответствующие значения передаются двумя продуктивными аффиксами – *-le* и *-(t)zaile*. Первый, более древний по происхождению, присоединяется к глаголам с основой на *-i* и *-n*: ср. *ikusi* «видеть» – *ikusle* «наблюдатель»; *erosi* «покупать» – *erosle* «покупатель». Суффикс *-(t)zaile* присоединяется к остальным видам глаголов: ср. *hil* «убивать» – *hiltzaile* «убийца». Как и в английском языке, аффиксы деятеля многозначны и могут образовывать не только имена деятеля, но и названия инструментов, однако в этой, второй функции они не продуктивны. Суффикс деятеля следует отличать от «профессионального» (то есть обозначающего род занятий) суффикса *-ari*, маркирующего представителя определённой профессии: *merkatari* «купец» от *merkatu* «рынок»; *ostalari* «владелец отеля» от *ostatus* «отель»; *musicari* «музыкант» от *musika* «музыка». В отличие от суффикса деятеля, *-ari* присоединяется к основам имён существительных. Суффикс *-ari* образует название исконно баскского профессионально-

² В данном случае имеет место ассимиляция.

го исполнителя *bertsolari*, в задачи которого входит спонтанное исполнение песни, тема которой предлагается зрителем. Нередко устраиваются конкурсы с участием нескольких *bertsolari*, а победитель – *txapeldun* – награждается традиционным баскским беретом *txapela*. В результате расширения значения слово *txapeldun* посредством метонимического переноса сегодня употребляется в значении «победитель», хотя, как можно видеть, первоначальное значение *txapeldun* – «носитель/владелец берета».

К продуктивным способам словообразования в баскском относят **словосложение** и **деривацию**. Большинство слов состоят из двух или трёх основ. Среди сложных слов преобладают имена существительные и глаголы. Как правило, главным компонентом сложного слова выступает вторая основа. Редкой моделью является образование сложного существительного посредством объединения двух глагольных основ: *janedan* «еда и напитки, яства» от *jan* «есть» + *edan* «пить»; *joanetorri* «путешествие туда и обратно» от *joan* «идти» + *etorri* «приходить».

Исключительную значимость в баскском языке имеет **звукосимволизм**, представленный сложением основ с полной или частичной редупликацией. Отличительная особенность данной группы слов – в маркированной фонотактике: нетипичные звуковые сочетания, а также нехарактерные позиции звуков получают широкое распространение. Многочисленная группа слов представлена редуплицированными наречиями, обозначающими характер совершения действия. Речь идёт о повторяющемся, ненужном, избыточном или экстравагантном поступке: *mara-mara* «постоянно, без перерыва»; *zapa-zapa* «постоянно, бесконечно»; *zirti-zarta* «решительно»; *triki-traka* «неуверенно ходить»; *pirri-parra* «обильно, расточительно», *ikusi-makusi* название детской игры «прятки». Нетипичная для баскского инициаль *m-* встречается в звукосимволических словах, обозначающих наличие какого-либо физического или нравственного дефекта: *matzar* «кривой», «изогнутый», *matxar* «деформированный», *mazkaro* «грязный», *toxkor* «пьяный», *mixkiri* «завистливый», *mukur* «неуклюжий», *mutxin* «злой», *malmutx* «тучный», «хитрый». В данном случае баскский язык демонстрирует то, что называется **диаграмматической иконичностью**, согласно которой маркированный экспонент используется для выражения маркированного содержания.

В отличие от русского и английского языков, в баскском получают широкое распространение сложные глаголы, написание которых варьируется в зависимости от времени их происхождения: наиболее ранние глаголы пишутся слитно, причём многие из них деэтимологизированы; более поздние по времени появления глаголы пишутся раздельно, сохраняя прозрачный морфологический состав: ср. *eskaini* «предлагать» (*esku* «рука» + *ipini* «класть»); *iguriki* «ждать» (*egun* «день» + *eduki* «держат»)). Сложные глаголы образуются посредством сочетания прилагательного или существительного с широкозначными глаголами *izan* «быть», *edun*, *egin* «делать», *eman* «давать»: ср. *bizi* «живой» – *bizi izan* «жить»; *behar* «необходимость» – *behar edun* «нуждаться», *nigar egin* «плакать», *hegaz egin* «летать», *musu eman* «целовать», *sue eman* «зажигать». Данную модель можно сравнить с синтаксическим словосложением в английском языке с той разницей, что если в английском сходным образом образуются имена существительные от глаголов, то в баскском глаголы образуются при посредстве имени существительного. Крайне редкой является модель, при которой имя существительное образуется из двух предложений: ср. *eztabaida* «спор» (*Ez da! Bai da!* «Нет, неправильно! Да, верно!»).

Лексика

Основным источником новых слов в баскском служат **романские** языки: в древности и в средние века – преимущественно латинский, в настоящее время – испанский и французский, а также английский (язык германской группы). Существительные из латинского языка, как правило, заимствуются в баскский в форме аккузатива; то же самое касается и прилагательных, заимствованных в мужском или среднем роде. Считается, что источником баскского сочинительного союза *eta* служит латинское *et*. Происхождение союзов *edo* и *ala* («или») остаётся невыясненным. Исконно баскские элементы (лексика и аффиксы) представлены следующими группами:

- числительные до 100;
- большинство местоимений и служебных слов;
- флективные и некоторые деривационные аффиксы;

- термины родства;
- названия некоторых географических объектов;
- названия местной флоры и фауны;
- названия многих инструментов («колесо», «нож», «мотыга» и т.д.);
- прилагательные «большой», «красный», «чёрный», «горячий», «холодный»; глаголы «быть», «делать», «иметь», «спать», «брать», «нести», «идти», «знать» и т.д.

Заимствования из испанского языка адаптируются в баскском по аналогии с другими лексемами. Так, окончание испанского причастия *-do* превращается в баскском в *-tu*; испанское *-ón* заменяется на *-oi*. Поскольку по правилам баскской фонотактики звук [d] не может находиться в финальной позиции в слове, испанские суффиксы *-tad* и *-dad* превращаются в баскском в *-tade* и *-dade* в нейтральном и разговорном регистре и в *-tate* – в возвышенном стиле. Последний суффикс сохраняет верность латинскому оригиналу: ср. *fakultate* (книж.) vs *fakultade* (разг.), *unibersitate* (книж.) vs *unibersidade* (разг.)

Несмотря на контакты баскского языка с кельтским и другими индоевропейскими языками на протяжении многих веков до прихода римлян в Испанию и Галлию, количество индоевропейских заимствований в баскский невелико, причём ни одно индоевропейское заимствование невозможно установить с высокой степенью вероятности. Наиболее вероятными кандидатами являются следующие слова: *adar* («ветка»), *andere* («дама»), *aran* («слива»), *argi* («свет», «светлый»), *gori* («огненный»), *hartz* («медведь»), *landa* («равнина»), *maite* («любимый»), *tando* («мул»), *mendi* («гора»). Среди германских заимствований обращает на себя внимание готское *ain hund*, давшее в баскском *ehun* «сто», восстановленное произношение которого [enhund]. После вторжения арабов на территорию Испании некоторые арабские слова перешли в баскский. Как и арабские заимствования в других языках, арабизмы в баскском узнаваемы по инициали *al-* и её вариантам, что соответствует определённому артиклю в арабском языке, и по гармонии гласных в пределах одного слова: *alkandora* «рубашка», *azafrái* «шафран», *gutun* «письмо; книга» (ср. ар. *kutub*).

Этимология прилагательных цвета остаётся невыясненной, однако многие исследователи сходятся во мнении о том, что большинство из них произошли от соответствующих названий объектов природного мира, цвет которых в большей или меньшей степени напоминает цвет атрибута: Р.М. Аскуе [9] возводит прил. *zuri* «белый» к сущ. *zur* «дерево», прил. *hori* «жёлтый» – к сущ. *hor* «собака», прил. *gorri* «красный» к восстановленному **gor* «плоть», прил. *urdin* «голубой», по видимому, состоит из основ *-ur* «вода» и *-din* «напоминающий», общее значение – «похожий на воду, цвета воды». Однако можно видеть, что семантические основания некоторых дериватов остаются неясными. Очевидным заимствованием из латинского служит название зелёного цвета *berde* (*perde*), имеющего корреляты в испанском (*verde*), французском (*vert*), румынском (*verde*).

Тематическая группа «термины родства» представлена примерно таким же количеством наименований, как и в других западноевропейских языках, за исключением некоторых специфических особенностей. Во-первых, в баскском используются разные лексемы для обозначения сестры и брата женщины и сестры и брата мужчины: ср. *ahizpa* «сестра женщины», *arriba* «сестра мужчины», *neba* «брат женщины», *anaia* «брат мужчины». Во-вторых, то, что в русском языке обозначается словами «племянник», «племянница», «внук», «внучка», соответствует одной лексеме баскского *iloba*, с диалектными вариантами *lloba*, *loba*, *lioba*. Общим знаменателем баскского и английского языков является наличие лексемы для обозначения брата или сестры без указания на пол: ср. англ. *sibling*, баск. *haurride*. При обращении к матери или отцу в некоторых местах используются сложные гоноративы *aitajaun* («отец» + «господин») и *amandere* («мать» + «дама»). Для обозначения более отдалённой степени родства нередко используется суффикс *-so*: ср. *ilobaso* «внучатая племянница»; *arbaso* «прадедушка» или «предок». Наименование крёстных родителей и крестников осуществляется посредством полуаффикса *-bitxi*, параллельно употребляющегося как самостоятельная лексема в значении «привлекательный, симпатичный»: *alababitxi* «крестница», *aitabitxi* «крестный отец».

Особенность системы числительных в баскском языке в том, что числительное 11 *hamaiika* употребляется в значении неопределённо большого количества, наподобие русского «тысяча раз» и английского «a thousand times». Особенность обозначения временных отрезков – в большей лексикализации некоторых понятий, таких, как например, «через 2 дня» и «через 4 дня», а также «2 дня назад»: *etzidamu, etzikaramu, laurdenegun*.

По-видимому, географическое положение Страны Басков обуславливает распространённость **абсолютной системы ориентации**, при которой экзогенные ориентиры представлены различными природными объектами – горами, водоёмами и т.д. Экзогенные ориентиры противопоставляются эндогенным, например, человеческому телу и его частям (ср. «справа/слева от меня»). Английскому глаголу *go* в сочетании с постпозитивными частицами *in, out, up, down* соответствуют отдельные баскские глаголы: *sartu* «входить», *jaldi* «выходить», *igan* «подниматься», *jaitsi* «спускаться». В этом отношении баскский язык отличается как от русского, так и от английского языка, относящихся к языкам с так называемыми глагольными спутниками. Термин «глагольный спутник» (от англ. *satellite*) получил широкое распространение в зарубежной лингвистике и используется в отношении выражения направления движения элементом, который не входит в глагольную основу и выражается либо отдельной частицей, как в английском (ср. 'to go out', 'to drink up'), либо приставкой или суффиксом, как в русском (ср. 'выходить, допить'). Языкам с глагольными спутниками противопоставлены языки с «рамочными» глаголами, названными так потому, что направление движения выражается основой глагола. К первой группе относятся германские, славянские и некоторые другие языки, ко второй – преимущественно романские языки.

Как и в большинстве языков мира, в баскском наблюдается явление **ложной этимологии**, особенно в области топонимики. Название популярного курорта Биарриц (произносимого басками «Миарриц») традиционно возводится к двум основам – *bi* «два» и *harri* «камень»; элемент *-tz* рассматривается как вариант собирательного суффикса *-tza*. Однако данная этимология может быть поставлена под сомнение, так как в 12 веке название города пишется без взрывного *t*: ср. *Bearriz, Beiarriz* [25]. Это означает, что, скорее всего, название *Biarritz* восходит к имени собственному **Beiar*, засвидетельствованная форма которого *Biar* встречается в письменных памятниках XV века; элемент *-iz* представляет собой патронимический суффикс, присоединяемый к именам существительным. Косвенным подтверждением данной этимологии служит наличие большого числа топонимов, образованных сходным образом. Другим примером народной этимологии служит топоним *Ondarribia*, образованный баскскими основами *ondar* «песок» и *ibi* «форд». В данном случае исконно баскское название было переосмыслено испанцами как *Fuenterrabia* (от лат. *fonte* «быстрый ручей»), представляющее собой более распространённое название, чем баскский вариант.

Образование баскских антропонимов подчиняется строгим правилам. Большинство из них представляют собой сложные имена, состоящие из основы существительного и прилагательного; в результате образуется сложное имя существительное, которое, однако, не употребляется в языке как имя нарицательное (ср. русск. «Родная», «Ямская», «Белая», англ. *Smith, White*). Баскские фамилии могут употребляться как с определённым артиклем, так и без него; однако говорящий не имеет свободы выбора того или другого варианта: наличие или отсутствие артикля в названии фамилии является традиционным. По аналогии с русским и английским языками, в которых типичными фамилиями являются *Иванов* и *Smith* соответственно, типичной баскской фамилией является *Etxeberria* (букв. «новый дом»). Небольшое количество фамилий представлены именами прилагательными: *Gorria* «красная», *Zabala* «широкая». В семантическом отношении большинство баскских фамилий указывает на географическое положение или место, из которого происходят предки носителя фамилии. Отражение профессиональной деятельности или физических характеристик человека (таких, как размер, цвет и т.д.) нехарактерно для баскских фамилий. Распространённая фамилия *García* имеет своим источником имя собственное *Gartzia*, получившее широкое распространение в средневековье. Этимология данного антропонима вызывает разногласия среди басковедов: большинство сходится во мнении, что это исконно баскский антропоним, заимствованный испанцами и португальцами; с другой стороны, существует мнение, что это имя связано с баскским

hartz «медведь», имеющим индоевропейский характер. В семантическом отношении личные имена обнаруживают большее разнообразие, включая такие семантические поля, как названия животных (*Usoa* «голубь», *Ainara* «ласточка»), цвета (*Urdina* «голубая»), религиозные праздники (*Gabon* «Рождество»), термины родства (*Umea* «ребёнок», *Emazteona* «хорошая жена»). В средние века получает распространение способ образования имён собственных посредством уменьшительно-ласкательных аффиксов мужского рода *-co* и *-tx*: *Enneco*, *Bellaco*, *Vitaco*, *Txana* (*Ana*), *Txelena* (*Elena*), *Txatalin* (*Katalin*), *Txekolas* (*Nicolás*). В XX веке исконно баскские имена получают распространение после окончания диктатуры Ф. Франко (1975 г.); французские баски получили право давать новорожденным исконно баскские имена только в 1993 году.

Уходящая в прошлое практика нарекать дома определённым именем всё ещё распространена в Стране Басков, а также в прилегающей территории Франции и Испании. Интересно, что название дома может использоваться как неофициальный почтовый адрес наряду с официальным, обязательно включающим название улицы и номер дома. Типичные неофициальные названия указывают на особенность местных метеорологических условий (*Aixea* «ветер», *Aidesokua* «ветренный угол»), местоположение в городе или деревне (*Arregi* «гористая местность», *Arzubialde* «рядом с каменным мостом», *Elizalde* «рядом с церковью», *Ugalde* «у воды»), прозвища хозяина дома (*Patxi Errege* «Король Франк»).

Синтаксис

Баскский язык характеризуется относительно стабильным словопорядком, с преобладающим типом SOV. Нетипичным является расположение сказуемого в абсолютном начале предложения. В целях эмфазы, как и в английском языке, баскское предложение использует «пустой» глагол *egin*, функционально соответствующий английскому глаголу *do*; в отличие от английского, баскский усилительный глагол стоит в постпозиции к смысловому: ср. *Jonek jo egin zuen* Кера.

Как и некоторые романские языки (испанский, португальский, румынский), баскский не требует эксплицитного выражения местоимений в роли подлежащего, поскольку согласование в лице представлено в глагольной форме, таким образом, для баскского языка характерна «нулевоподлежащность».

Как правило, прилагательное стоит в постпозиции к имени существительному (ср. *gizon handi hauek* «те большие мужчины»), за исключением следующих прилагательных: прилагательных, образованных посредством суффикса *-dun* в значении «имеющей что-либо», «обладающий ч-л» (ср. *haurdun* – «имеющий ребёнка», «с ребёнком»); прилагательных, образованных с помощью этнонимического суффикса *-(t)ar* (ср. *donostiar ikasleak* «студенты из Св. Себастьяна»); относительных прилагательных, образованных с помощью релятивного суффикса *-ko* (ср. *gaurko egunkaria* «сегодняшняя газета»).

В типичном случае указательные местоимения располагаются после основы имени существительного, однако в бискайском диалекте наблюдаются плеонастические образования, в которых указательное местоимение образует рамку, одновременно предшествуя существительному и следуя за ним: ср. *au gizon au*, *ori gizon ori*, *a gizon a*. Р.Л. Траск [25] обращает внимание на то, что ни прилагательные, ни наречия не получают аффиксальных окончаний вне фразы, типичная структура которой имеет следующий вид: сложное определение + детерминатив 1 + сущ. + прил. + детерминатив 2 + число + падеж.

Только существительное в сочетании с определённым артиклем различает число партиципантов: ср. *gizona* «этот человек» vs *gizonak* «эти люди», *gizon hau* «этот человек» vs *gizon hauek* «эти люди». Поскольку неопределённые детерминативы безразличны к числу, вопрос *Zein gizon?* амбивалентен: ср. «Какой человек/какие люди?» Учитывая постпозицию прилагательного по отношению к существительному, порядок расположения нескольких прилагательных в баскском, с одной стороны, прямо противоположен порядку следования английских прилагательных; с другой стороны, любопытно, что если учитывать расстояние от имени существительного, то порядок идентичен порядку в английском языке: ср. англ. *a pretty little white house* vs *exte zuri txiki polit bat* букв. 'house white little pretty a'.

Большинство переходных глаголов в баскском могут употребляться в медиопассивном (возвратно-среднем) залоге, функционально соответствующем английскому пассиву без эксплицитно выраженного агенса. В отличие от пассивного залога, требующего выражения деятеля, выражение агенса в случае медиопассива невозможно.

Основными глагольными связками выступают глаголы *izan* «быть» и *egon* «ждать, оставаться». В северных диалектах преобладает первый глагол; в южных диалектах получает распространение второй глагол. Следует помнить, что связочные глаголы получают выражение в поверхностной структуре предложения не всегда. Так, использование связки *izan* в северных диалектах допустимо при соблюдении следующих условий: при одушевлённом подлежащем и дополнении в локативе или комитативе (ср. *Aita etxean da* vs *Aita etxean dago* «Отец в доме»). Глаголы со значением обладания представлены дефектной парадигмой основы *-du-*: ср. *Boitura berria dut* «У меня есть новая машина». Другой глагол, использующийся в функции глагола обладания, имеет лексическое значение «держат», «содержат», то есть иметь заключённым внутри. По этой причине его использование ограничено ситуациями, в которых речь идёт о нахождении предмета внутри другого предмета или в непосредственной близости от говорящего: баскское *Liburua daukat* означает «Я держу книгу в руке» (т.е. «У меня есть книга»).

На основе изложенного выше представим основные черты типологического паспорта баскского языка (Табл. 1).

Таблица 1. Основные типологические черты баскского языка на 4-х языковых уровнях

Агглютинативно-суффиксальный язык с согласованием и наличием фузии на стыке морфем	
Фонология	<ul style="list-style-type: none"> • Наличие звонких и глухих аспирированных согласных • Оппозиция глухость-звонкость • Ассимиляция носовых по месту образования последующему согласному звуку • Вокалическая протеза в иностранных словах • Вариативность произношения диафона j • Динамическое квантитативное ударение • Использование атипичных звуковых сочетаний в целях эмпазы • Сингармонизм шипящих-свистящих • Вокалическая инициаль • Палатализация как средство экспрессии • Отсутствие в исконно баскских словах начальных p-, t-, d-, k-, g- • Фузионные чередования
Морфология	<ul style="list-style-type: none"> • Постпозитивный определённый и неопределённый артикль • Развитая система падежей • Фамильярное местоимение 2 л. ед. числа • Местоимения ближней, средней и дальней дистанции • Постпозитивные предлоги (послелогии) • Немаркированные модели: словосложение, конверсия, деривация, субстантивация • Эмфатические модели: • редупликация, • ономотопея • Отсутствуют: блендинг, обратная деривация, сокращения
Лексика	<ul style="list-style-type: none"> • Романский суперстрат • Незначительное количество индоевропейских слов • Наличие гонорифических форм обращения к ближайшим родственникам • Абсолютная система ориентации и как следствие наличие определённых лексических лакунов • Рамочный характер глагольной семантики • Семантика места или происхождения в фамилиях • Лексикализация понятий, связанных с временными отрезками (2 и 4 дня вперед или назад)
Синтаксис	<ul style="list-style-type: none"> • SOV • Местоименная нулевоподлежащность • Постпозиция определения • Медиопассивный залог • Препозиция придаточного предложения по отношению к главному • Варианты образования вопросительного предложения

Обсуждение результатов

В типологическом отношении в баскском языке имеется ряд грамматических и лексических явлений, статус которых остаётся дискуссионным [3]. Прежде всего, это касается формы множественного числа постпозитивного неопределённого артикля *batzuk*, который традиционно переводится с помощью английских количественных местоимений *a few* или *several*. Является ли данная форма формой множественного числа артикля или это неопределённое местоимение? Сравнивая данную форму с формами неопределённого артикля в других языках, например, в болгарском и румынском, обнаруживаем типологические параллели: в данных языках неопределённые артикли также обладают формой множественного числа (ср. болг. *едини*, рум. *niște*). Однако их использование не является обязательным и предполагает эмфатическое выделение имени существительного. Кроме того, в указанных языках имеются омонимичные формы неопределённых местоимений, что ставит вопрос разграничения формы множественного числа неопределённого артикля и неопределённых местоимений особенно остро.

Другим полемическим аспектом баскской морфологии является статус постпозитивных предлогов (послелогов), которые параллельно употребляются как формы имени существительного. Функциональная амбивалентность слов типа *atze* «задняя сторона», *alde* «сторона», *erdi* «центр» снимается исключительно в контексте употребления, что оставляет открытым вопрос грамматического статуса данных слов и правил, регулирующих их употребление.

В области лексики остаётся не решенным вопрос о концептуальной значимости числительных 2, 4 и 11 и лексикализации соответствующих понятий.

Вопрос о типологической значимости категории числа и морфологической оппозиции «единичность-множественность» также стоит особенно остро для типологического паспорта баскского языка, поскольку при наличии числительного форма существительного не меняется для выражения значения «более, чем один».

Любопытным результатом исследования оказался сходный порядок расположения определенных к имени существительному в баскском и английском языках: является ли данный словоупотребление универсальной языковой чертой или это случайное совпадение? Какие когнитивные механизмы и объективные характеристики предметов и явлений отвечают за расположение атрибутов рядом с именем существительным?

Полученные результаты в целом не противоречат данным, полученным учеными-басковедом во второй половине XX века. Однако следует отметить менее системный или противоречивый характер предыдущих исследований. В частности, среди моделей словообразования не принято различать нейтральные и эмфатические (маркированные) модели, не затрагивается вопрос фузионных чередований (что сближает баскский язык с языками флективного типа), не исследуется рамочный характер глагольной семантики, не проводится сопоставительный анализ типологии баскского языка с английским и русским.

Некоторым ограничением настоящего исследования является отсутствие эмпирических данных, которые могут быть получены от носителей баскского языка. Существует проблема отбора информантов: какой возраст и уровень образования являются наиболее оптимальными для проведения опроса? Какую роль играет отношение басков к своему языку и культуре? Носители какого диалекта баскского должны принимать участие в потенциальном опросе? В связи с этим перспективным направлением изучения типологии баскского языка является проведение многофакторного анализа, с учётом данных, полученных непосредственно от носителей баскского языка. Другим перспективным направлением является статистический анализ удельного веса различных типологических черт, а также определение типологического направления, в котором развивается современный баскский язык.

Заключение

Несмотря на попытки некоторых общественных организаций способствовать возрождению баскского языка, количество носителей баскского составляет около 20 % от 3 млн. населения Страны Басков, часть которого составляют испанские иммигранты, проживающие преимущественно в промышленно развитых провинциях – Бискайя и Гипускоа. Учитывая центробежный характер развития миноритарных языков, можно предположить, что количество исконных носителей баскского языка, к сожалению, продолжит уменьшаться несмотря на то, что после создания Баскского Автономного Региона баскский язык был признан вторым официальным языком наряду с испанским в четырёх провинциях, расположенных на территории Испании – Гипускоа, Бискайя, Наварра и Алава.

Известная баскская поговорка гласит: «Пока о нас вспоминают, до тех пор мы кому-то нужны» (*‘Gogoratzen gaituzten bitartean, norbaitek behar gaituen bitartean’*). Хочется надеяться, что обретение баскским языком своего типологического паспорта ускорит процесс его стандартизации, повысит его статус на лингвистической карте мира и поможет сохранить уникальную культуру, одним из проявлений которой является этот загадочный язык-изолят.

© Лаврова Н.А., 2023

Список литературы

1. Аракин В.Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования / В.Д. Аракин. М.: Высшая школа, 1989. 158 с.
2. Дронова С. Ю. Баскский язык в испанском газетном дискурсе как инструмент поддержания политической идентичности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020, С. 118-124.
3. Иванов В.В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том V. Мифология и фольклор / В.В. Иванов. М.: Знак, 2009. 376 с.
4. Лаврова Н.А. К вопросу о фонологических особенностях баскского языка // Актуальные вопросы английской лингвистики и лингводидактики: традиции и инновации, 2019. С. 33-40.
5. Чеснокова О.С. Баскский язык и баскская топонимия: межкультурные контакты и стандартизация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 8 (№ 4) / О.С. Чеснокова, Л.М. Джишкарини, 2017. С. 1074-1083.
6. Amorrortu E. *Basque sociolinguistics: language, society and culture* / E. Amorrortu. Reno: Center for Basque Studies, University of Nevada. 1969. 231 p.
7. Apodaka E. The governance of Basque language revitalisation in the Basque Autonomous Community: from confrontation toward collaboration // *Journal of Multilingual and Multicultural Development* / E. Apodaka, A. Basurto, A. Galarraga, J. Morales-i-Gras, 2022. P. 1-14.
8. Augustyniak A. Migrant Learners of Basque as New Speakers: Language Authenticity and Belonging // *Languages*, 6(3), 2021. P. 1-19.
9. Azkue R.M. *Evolución de la lengua vasca* // *Euskera*, 16, 1935. P. 57-133.
10. Bengtson J.D. Macro-Caucasian: a historical linguistic hypothesis // *Dene-Sino-Caucasian languages* / Bengtson J.D. Bochum, 1991. P. 162-170.
11. Bengtson J.D. The Basque Language: History and Origin // *International journal of modern anthropology*, Vol. 1 No. 4, 2011. P. 43-59.
12. Bonaparte L.L. *Le verbe basque en tableaux* / L.L. Bonaparte. Paris: Hachette Livre BnF, 2018. 246 p.
13. Gorter D. Multilingual education for European minority languages: The Basque Country and Friesland // *International Review of Education*, Volume 57 / D. Gorter, J. Cenoz, 2011. P. 651-666.
14. Haddican B. Suburbanization and language change in Basque // *Language in Society*, 36 (5), 2007. P. 677-706.
15. Hualde J.I. The standardization of the Basque language // *Language Problems & Language Planning*, 31 (2) / J.I. Hualde, K. Zuazo, 2007. P. 142-168.
16. Humboldt V. von *Primitivos pobladores de España y lengua vasca* / Translated from German by Francisco Echebarria. Madrid, 1959.
17. Cots J.M. Linguistic Identities in a Basque-speaking School: Teachers' and Students' Discourses of Multilingualism // *Innovation in Language Learning and Teaching*, 2(3) / J.M. Cots, X. Martin-Rubió, 2008. P. 224-237.
18. Laka I. The Basque language in the minds of native and non-native bilinguals // *The Challenge of a Bilingual Society in the Basque Country* / Laka I., Santesteban M., Erdocia K., Zawiszewski A. Nevada: University of Nevada, 2012. P. 157-172.
19. Libarona I.U. The Basque language in the Basque Autonomous Community (BAC) // *The legal status of the Basque language today: one language, three administrations, seven different geographies and a diaspora* / Libarona I.U., Irujo X. San Sebastian. 2008. P. 165-196.

20. Michelena L. Notas sobre compuestos verbales vascos // *Revista de Dialectología y Tradiciones Populares XXXIII*, 1977. P. 245-271.
21. Ostrowski M. History of the Basque Language // *Basque Linguistics. Basque History*. [Electronic source]. – URL: https://www.academia.edu/3196852/History_of_the_Basque_Language (accessed 01.10.2022).
22. Ray N.M. Basque studies: commerce, Heritage, and a language less commonly taught, but whole-heartedly celebrated // *Global Business Languages*. Volume 12. Security and Business Languages / N.M. Ray, N. Lete, 2010. P. 117-131.
23. Saussure F. de Course in General Linguistics / translated from French by W. Baskin. New York: Philosophical library, 1959. 240 p.
24. Schuchardt H. Das Baskisch und die Sprachwissenschaft / H. Schuchardt. Vienna: Hölder-Pichler-Tempsky, 1925. 34 S.
25. Trask R.L. The history of Basque / R.L. Trask. London, New York: Routledge, 1996. 428 p.
26. Uhlenbeck C.C. La langue basque et la linguistique générale // *Lingua* № 1 / C.C. Uhlenbeck, 1947. P. 59-67.
27. Valadez C. Language revitalization and the normalization of Basque: a study of teacher perceptions and expectations in the Basque Country // *Current Issues in Language Planning*, 16 (1-2) / C. Valadez, F. Etxeberria, N. Intxausti, 2014. P. 60-79.
28. Vennemann Th. Linguistic reconstruction in the context of European prehistory // *Transactions of the Philological Society*, 92(2), 1994. P. 215-184.

References

1. Arakin, V.D. *Tipologiya iazykov i problema metodicheskogo prognozirovaniia* [Language typology and the problem of methodological prognosis] / V.D. Arakin. M.: Vysshaia shkola, 1989. 158 s.
2. Dronova, S.Iu. Baskskii iazyk v ispanskom gazetnom diskurse kak instrument podderzhanii politicheskoi identichnosti // *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta* [Basque in the Spanish newspaper discourse as an instrument for maintaining political identity // *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*] / S.Iu. Dronova. 2020, S. 118-124.
3. Ivanov, V.V. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. Tom V. Mifologiya i fol'klor* [Selected works on the semiotics and history of culture. Volume V. Mythology and folklore] / V.V. Ivanov. M.: Znack, 2009. 376 s.
4. Lavrova, N.A. K voprosu o fonologicheskikh osobennostiakh baskskogo iazyka [Towards the phonological system of modern Basque // *Topical issues in English linguistics and linguodidactics: traditions and innovations*] / N.A. Lavrova, 2019. S. 33-40
5. Chesnokova, O.S. Baskskii iazyk i baskskaia toponimiia: mezhkul'turnye kontakty i standartizatsiia // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*, 8 (4) [Basque language and Basque toponymy: intercultural contacts and standardisation // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*] / O.S. Chesnokova, L.M. Dzhishkariani, 2017. S. 1074-1083.
6. Amorrortu, E. *Basque sociolinguistics: language, society and culture* / E. Amorrortu. Reno: Center for Basque Studies, University of Nevada. 1969. 231 p.
7. Apodaka, E. The governance of Basque language revitalisation in the Basque Autonomous Community: from confrontation toward collaboration // *Journal of Multilingual and Multicultural Development* / E. Apodaka, A. Basurto, A. Galarraga, J. Morales-i-Gras, 2022. P. 1-14.
8. Augustyniak, A. Migrant Learners of Basque as New Speakers: Language Authenticity and Belonging // *Languages*, 6(3), 2021. P. 1-19.
9. Azkue, R.M. Evolucion de la lengua vasca // *Euskera*, 16, 1935. P. 57-133.
10. Bengtson, J.D. Macro-Caucasian: a historical linguistic hypothesis // *Dene-Sino-Caucasian languages* / Bengtson J.D. Bochum, 1991. P. 162-170.
11. Bengtson, J.D. The Basque Language: History and Origin // *International Journal of Modern Anthropology*, Vol. 1 No. 4, 2011. P. 43-59.
12. Bonaparte, L.L. *Le verbe basque en tableaux* / L.L. Bonaparte. Paris: Hachette Livre BnF, 2018. 246 p.
13. Gorter, D. Multilingual education for European minority languages: The Basque Country and Friesland // *International Review of Education*, Volume 57 / D. Gorter, J. Cenoz, 2011. P. 651-666.
14. Haddican, B. Suburbanization and language change in Basque // *Language in Society*, 36 (5), 2007. P. 677-706.
15. Hualde, J.I. The standardization of the Basque language // *Language Problems & Language Planning*, 31 (2) / J.I. Hualde, K. Zuazo, 2007. P. 142-168.
16. Humboldt, V. von *Primitivos pobladores de Espanña y lengua vasca* / Translated from German by Francisco Echebarria. Madrid, 1959.
17. Cots, J.M. Linguistic Identities in a Basque-speaking School: Teachers' and Students' Discourses of Multilingualism // *Innovation in Language Learning and Teaching*, 2(3) / J.M. Cots, X. Martin-Rubió, 2008. P. 224-237.
18. Laka, I. The Basque language in the minds of native and non-native bilinguals // *The Challenge of a Bilingual Society in the Basque Country* / Laka I., Santesteban M., Erdocia K., Zawiszevski A. Nevada: University of Nevada, 2012. P. 157-172.
19. Libarona, I.U. The Basque language in the Basque Autonomous Community (BAC) // *The legal status of the Basque language today: one language, three administrations, seven different geographies and a diaspora* / Libarona I.U., Irujo X. San Sebastian. 2008. P. 165-196.
20. Michelena, L. Notas sobre compuestos verbales vascos // *Revista de Dialectología y Tradiciones Populares XXXIII*, 1977. P. 245-271.
21. Ostrowski, M. History of the Basque Language // *Basque Linguistics. Basque History*. https://www.academia.edu/3196852/History_of_the_Basque_Language (Accessed 1 October 2022).

22. Ray, N.M. Basque studies: commerce, Heritage, and a language less commonly taught, but whole-heartedly celebrated // *Global Business Languages. Volume 12. Security and Business Languages* / N.M. Ray, N. Lete, 2010. P. 117-131.
23. Saussure, F. de *Course in General Linguistics* / translated from French by W. Baskin. New York: Philosophical library, 1959. 240 p.
24. Schuchardt, H. *Das Baskisch und die Sprachwissenschaft* / H. Schuchardt. Vienna: Hölder-Pichler-Tempsky, 1925. 34 S.
25. Trask, R.L. *The history of Basque* / R.L. Trask. London, New York: Routledge, 1996. 428 p.
26. Uhlenbeck, C.C. La langue basque et la linguistique générale // *Lingua № 1* / C.C. Uhlenbeck, 1947. P. 59-67
27. Valadez, C. Language revitalization and the normalization of Basque: a study of teacher perceptions and expectations in the Basque Country // *Current Issues in Language Planning*, 16 (1-2) / C. Valadez, F. Etxeberria, N. Intxausti, 2014. P. 60-79.
28. Vennemann, Th. Linguistic reconstruction in the context of European prehistory // *Transactions of the Philological Society*, 92(2), 1994. P. 215-184.

Приложение

Некоторые учебники и учебные пособия по изучению баскского языка,
рекомендованные Академией баскского языка

1. Hualde J.I., Urbina J.O. de *A Grammar of Basque*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2011. 973 p.
2. Patrick J.D., Ibarrondo I.Z. *A Student Grammar of Euskara*. München: LINCOM Europa, 2001. 435 p.
3. Peillen T. *Parlons euskara: La langue des Basques*. Paris: L'Harmattan, 1995. 272 p.
4. Maia J., Kepa L., Muxika L. *Euskara batua eta euskalkiak haur eta lehen hezkuntzan*. Bizkaia: Universidad del País Vasco, 2008. 148 o.
5. Rudolf P.G., *De Rijk Standard Basque: A Progressive Grammar*. Massachusetts: MIT Press, 2007. 1408 p.
6. Txillardegui *Euskara batua*. Andoain: Jakin, 2019. 138 o.
7. Urla J. *Reclaiming Basque: Language, Nation and Cultural Activism*. Reno: University of Nevada Press, 2012. 292 p.
8. Sarasua P.U. *Gramática de la Lengua Vasca*. Madrid: Editorial UNED, 2013. 384 p.
9. Jansen W. *Beginner's Basque*. New York: Hippocrene Books, 2007. 283 p.

Сведения об авторе:

Лаврова Наталия Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка № 3 МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: сравнительная фразеология, когнитивная лингвистика, ареальная и сопоставительная типология, английская лексикология, лингвокультурология.

E-mail: lavruscha@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6403-781X>

About the author:

Natalya A. Lavrova, Doctor of Philology, is Associate Professor, Department of English № 3, MGIMO University. Research interests: comparative phraseology, cognitive linguistics, areal and contrastive typology, English lexicology. E-mail: lavruscha@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6403-781X>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

* * *

IMPLICIT TEMPORALITY FROM THE PERSPECTIVE OF RELEVANCE THEORY

Olga V. Larina

MGIMO University
119454, 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article presents an attempt to apply the basic principles of Dan Sperber and Deidre Wilson's Relevance theory to the study of implicit means of time reference. The theory combines both cognitive and pragmatic features, which makes it suitable for online analysis of the natural communicative process including the possible mistakes in the cognitive mechanism of inference. The article contains an overview of the main aspects of Relevance theory exemplified by contexts with implicit temporality. The preliminary classification of implicit means of temporal location of an action, which includes lexical, grammatical and contextual implicit means, is also provided. The article also provides analysis of the addressee's perception of implicit time information in accordance with its relevance. The article also dwells on the problem of how a person decides that an utterance is of informative and cognitive value (that is relevant) and hence must be processed. Besides, the author looks into the factors that affect the relevance of an utterance (for instance its broad communicative context, by which we understand both communicants' background knowledge about the language, the situation of communication and the world) and cites situations in which informative relevance decreases resulting in mistakes in information processing and the addressor's informative and communicative failures. The author also attempts to demonstrate the prospects of further integration of the conceptual framework of Relevance theory and other cognitive and pragmatic linguistic theories, the theory of presuppositions and mental spaces in particular. Besides, the author looks into the terminological inexactitude of such notions as 'implicature' (implication) and 'explicature' and also suggests considering the application of weak implicatures to the analysis of inferential mistakes.

Keywords: Relevance theory, inference, time reference, presupposition, implication, implicature, communicative context

For citation: Larina, O.V. (2023). Implicit temporality from the perspective of relevance theory. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(4), pp. 42–54. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-42-54>

ИМПЛИЦИТНАЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ РЕЛЕВАНТНОСТИ

О.В. Ларина

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
119454, Москва, проспект Вернадского 76

Аннотация. Предлагаемая статья представляет собой попытку применения принципов Теории релевантности Дэна Спербера и Дейдры Уилсон, которая сочетает в себе черты когнитивной лингвистики и прагматики, к исследованию имплицитных способов передачи времени действия глагола. Данный подход представляется перспективным для «онлайн» анализа живого коммуникативного процесса, поскольку позволяет проанализировать особенности понимания (или непонимания) речи с учётом коммуникативных и информативных интенций адресанта и коммуникативных и когнитивных компетенций и ожиданий адресата. В статье приводится обзор основных положений Теории релевантности на материале контекстов, содержащих имплицитную темпоральную референцию. Приводится предварительная классификация имплицитных средств временной локализации, которые делятся на лексические, грамматические и контекстуальные. Проводится анализ особенностей понимания адресатом заложенной в предложении информации о времени действия с учётом релевантности сообщаемого. Также рассматривается, как именно человек понимает, что высказывание имеет информативную ценность (то есть релевантно для воспринимающего сообщение) и, следовательно, должно быть обработано. Помимо этого, исследуются факторы, влияющие на релевантность сообщения (такие как широкий коммуникативный контекст (подразумевающий знание обоих собеседников о ситуации общения, о языке и о мире)), и приводятся ситуации, в которых релевантность информации снижается, приводя тем самым к пробелам понимания, что, в свою очередь, препятствует осуществлению информативного и коммуникативного намерения адресанта. В данной статье предпринимается попытка продемонстрировать возможность дальнейшей интеграции концептуального аппарата Теории релевантности и теорий в рамках когнитивной лингвистики и прагматики, в частности, теории пресуппозиций Филмора и ментальных пространств Фоконье. Помимо этого, приводится разбор различных точек зрения в рамках Теории релевантности на смысл терминов «импликатура»/«экспликатура», «импликация»/«экспликация», а также предлагается развивать понятие «слабой импликации» для дальнейшего анализа ошибок инференции, вытекающих из несовпадения широких коммуникативных контекстов автора сообщения и читателя/слушателя.

Ключевые слова: теория релевантности, инференция, темпоральная локализация, пресуппозиция, импликация, импликатура, коммуникативный контекст

Для цитирования: Ларина О.В. (2023). Имплицитная темпоральность с позиции теории релевантности. *Филологические науки в МГИМО*. 9(4), С. 42–54. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-42-54>

Введение

Главная проблема современной лингвистики заключается в поиске ответа на, казалось бы, простые вопросы: как мы понимаем именно ту мысль, которую закладывает в высказывании автор? Почему из всего многообразия смыслов отдельных составляющих высказывание слов мы выбираем какой-то определённый? Каким образом мы избегаем ошибок в интерпретации высказывания? Каким образом мы компенсируем пробелы в интерпретации высказывания?

Первым шагом на пути к решению этих задач стало появление когнитивной лингвистики, официальным «днём рождения» которой принято считать Дуйсбургский Международный лингвистический симпозиум 1989 года. Однако интерес к связи языка и мышления на деле возник гораздо раньше. И здесь стоит отметить несомненный вклад отечественных учёных. Действительно, в нашей стране «изучение связи языка и сознания, языка и мышления, языка и речевой деятельности, составляющее основу когнитивного подхода, имеет [...] давние традиции (труды И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Потебни, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, А.А. Леонтьева, Д.С. Лихачева, А.А. Залевской и многих других) [3, с. 72]. Когнитивная лингвистика позволила отойти от привычного структурализма и рассмотреть язык не как «вещь в себе», а как инструмент познания, которым он в сущности и является.

Тем не менее, в когнитивной лингвистике существует ряд проблем, требующих решения. Как отмечает Ханс-Йорг Шмид, «когнитивная лингвистика далеко продвинулась в вопросах детализации способов объяснения лингвистических структур, а также в построении гипотез об их обусловленности фундаментальными принципами познания. Однако, выходит так, что мы знаем гораздо меньше о том, как взаимодействуют эти общие принципы познания с происходящей в режиме реального времени обработкой лингвистического опыта в ситуации использования языка, а также как они взаимодействуют с разнообразными процессами, отвечающими за переход узуса в грамматическую структуру» [23, с. 544]. В данной ситуации учёные оказываются в положении путешественника, у которого есть карты отдельных населённых пунктов, но нет атласа дорог между ними.

Другими словами, вплоть до недавнего времени когнитивистика занималась в основном описанием языка как способа хранения знаний об окружающем мире. При этом такие «оффлайновые» явления как, например, концепты, фреймы, метафоры, то есть понятия, описывающие в основном семантику языка, оказались гораздо более изучены, в то время как «онлайновые» механизмы функционирования языка в процессе живого человеческого общения, порождения и восприятия речи остались как бы за кадром.

Актуальность и методология

Когнитивная лингвистика всегда отличалась интересом к междисциплинарным связям, порой выходящим далеко за рамки собственно языкознания. «В последние десятилетия ведущими парадигмами, которые внесли наибольший вклад в становление новой мегапарадигмы, явились прагматическая и когнитивная» [2, с. 3]. В данной работе мы предпримем попытку изложить основные положения Теории релевантности, которая представляет собой наиболее яркий результат конвергенции прагматики и когнитивистики, в применении к анализу функционирования в дискурсе и интерпретации имплицитных (косвенных) средств темпоральной локализации действия. Мы проанализировали более 50 передовых и редакционных статей из британских газет *The Economist* и *The Guardian* за период с 2016 по 2023 гг., из которых методом сплошной выборки подобрали контексты, содержащие имплицитные средства темпоральной локализации действия. При изучении корпуса нами был сделан ряд наблюдений, демонстрирующих применимость Теории релевантности к исследованию косвенных способов указания на время, отмечены новые точки соприкосновения методов когнитивной лингвистики и прагмалингвистики, а также намечены перспективы дальнейшего исследования.

Основные положения теории релевантности в применении к анализу особенностей восприятия имплицитной темпоральности

Ключевые идеи Теории релевантности были изложены Д. Спербером и Д. Уилсон в работе «Релевантность. Коммуникация и познание» (D. Sperber & D. Wilson. *Relevance. Communication & Cognition*) [21]. В ней развиваются и модифицируются основные положения инференционной модели коммуникации Г.П. Грайса. Теория релевантности базируется на одном из центральных постулатов концепции Грайса, согласно которому высказывания на любом естественном языке автоматически создают определённые коммуникативные «ожидания», которые направляют адресата на пути поиска заложенного адресантом значения. Эти ожидания определяются Грайсом в рамках Принципа Кооперации, соблюдение которого предполагает выполнение четырёх максимумов (условий) коммуникации: Максимумы Качества, Максимумы Количества, Максимумы Ясности и *Максимумы Релевантности* [13]. Спербер и Уилсон согласны с Грайсом в том, что высказывание порождает ожидание его релевантности, однако оспаривают важность всех остальных максимумов, а также Принципа Кооперации в целом. По их мнению, адресату достаточно руководствоваться априорной релевантностью высказывания, чтобы успешно понять его значение [21], [22].

Спербер и Уилсон утверждают, что заложенная автором высказывания «на входе» информация является релевантной для собеседника, если соответствует его фоновым знаниям (знаниям о языке, ситуации и мире) и в процессе инференции позволяет адресату делать значимые для него семантические и прагматические выводы. При этом наиболее важный познавательный эффект достигается адресатом через *контекстуальную импликацию* [22, с. 608], которая в Теории релевантности понимается как выводное знание, основанное одновременно и на эксплицированной информации, и на контексте (причём контекст должен пониматься в широком смысле: и как общий лингвистический, и как информационный, и как культурологический), но не на одном из этих компонентов в отдельности. В связи с постулатом о важности контекста Теория релевантности предлагает использовать термин «*когнитивная среда*» (*cognitive environment*), под которым понимается набор возможных предположений о смысле высказывания, который представляется коммуниканту наиболее очевидным в данный момент времени. Если же семантические предположения коммуникантов совпадают, то говорят о том, что коммуниканты имеют общую когнитивную среду [26].

Идея о важности контекста для успешного достижения целей коммуникации в целом коррелирует с теорией пресуппозиций, которая развивалась как в рамках когнитивной лингвистики, так и в рамках прагматики [11], [12]. Под пресуппозицией понимают вербализованную информацию, принимающуюся собеседниками как само собой разумеющееся, в отличие от её пропозициональной составляющей [19]. В современной лингвистике существует большое количество точек зрения на природу пресуппозиций, их виды и роль в дискурсе¹. В целях данного исследования мы понимаем пресуппозицию как «элемент смысловой структуры высказывания, отражающий фоновые знания адресата и адресанта, и служащий условием успешного осуществления коммуникации» [1].

Роль широкого исторического и культурологического контекста для успешного общения очевидна, например, в следующей ситуации. В таких случаях само упоминание фамилии исторического лица является той эксплицированной информацией (или, другими словами, маркером пресуппозиции), которая указывает на потенциальную релевантность сообщения и активизирует инференцию скрытых смыслов²:

Stalin **didn't mind** – undermining the centrality of the family was part of his plan, after all – but the new week didn't boost production as planned, either, so it was phased out [8].

¹ См., например, Strawson, 1950; Jackendoff, 1972; Karttunen, 1973; Soames, 1982; van der Sandt, 1992 и т.д. [18]

² Про терминологическую коллизию понятий «экспликатура», «импликатура» см. ниже.

Если адресат не знает контекста (т.е. кто такой Сталин, когда он жил), данное высказывание лишится для него темпоральной релевантности, более того, он не поймёт не только косвенно представленное здесь время действия, но и вовсе не поймёт, о чем идёт речь. Полученное при этом выводное знание будет ограничено и не будет в полной мере соответствовать информативному и коммуникативному намерению автора.

Согласно Теории релевантности, релевантность заложенной информации для адресата при прочих равных условиях тем выше, чем выше положительный познавательный эффект, достигнутый при обработке полученного сообщения. В то же время, релевантность сообщаемого обратно пропорциональна затраченным на обработку информации усилиям. При равных когнитивных затратах на обработку информации сообщение, имеющее больший положительный когнитивный эффект, более релевантно, чем менее познавательно ценное сообщение; при равной ценности информация, на расшифровку которой требуется больше усилий, менее релевантна, чем та, которая предполагает меньше умственных затрат [21], [22]. Приведённый пример, в частности релевантен только для адресата, у которого имеются необходимые фоновые знания. В противном случае высказывание, скорее всего, не будет обработано слушателем/читателем, и информативное намерение автора останется нереализованным.

e.g., “When we first came here,” says Allen Blount, a businessman from Jacksonville, “we were the only Democrats for miles around, and had to keep quiet about it. Now we’ve discovered a network of secret Democrats, but we still keep quiet so as not to upset our Republican friends.” Skidaway is majority Republican. Ten miles north, in a precinct of downtown Savannah, *Hillary Clinton won* 98% of the vote. Almost next door, in the suburb of Bloomingdale, *Donald Trump won* over 80% [24].

Автор текста не считал необходимым эксплицитировать время действия выделенных глаголов, поскольку очевидно, что статья была рассчитана на аудиторию «здесь и сейчас», которая была хорошо осведомлена о перипетиях президентской гонки 2016 года в США. Можно отметить, что релевантность приведённого примера «по горячим следам» в актуальном политическом контексте была выше для американского читателя свежего выпуска газеты, чем по прошествии времени для среднестатистического читателя из другой страны, так как в то время требовала меньше когнитивных затрат и имела большую актуальность, то есть информативную ценность.

На основании изложенных положений Спербер и Уилсон выводят Когнитивный Принцип Релевантности, согласно которому человеческое сознание устроено таким образом, чтобы максимизировать релевантность информации через эволюционно обусловленный процесс автоматического распознавания потенциально релевантных стимулов и столь же автоматической активации в памяти потенциально релевантной информации.

Инференциальная коммуникация Грайса в понимании Спербера и Уилсон получает название Остенсивной (наглядной) инференциальной коммуникации (*Ostensive inferential communication*), которая определяется через обязательное информативное и коммуникативное намерение адресанта. То есть сообщение должно содержать сигналы, достаточно очевидные для адресата (*ostensive stimuli*). Эти сигналы, во-первых, дают понять адресату, что автор сообщения имеет коммуникативное намерение сообщить некую информацию, а также запускают процесс инференции собственно смысла сообщения. Именно такие очевидные (остенсивные) сигналы являются для адресата маркерами релевантности сообщения, то есть указывают на его познавательную ценность для реципиента [21], [22]. Мы предлагаем в нашем исследовании несколько сузить понимание инференции и сосредоточиться на обработке не всего высказывания, а именно имплицитных (косвенных) указаний на время действия.

На нашем материале все имплицитные (косвенные) способы указания на время действия являются остенсивными стимулами и одновременно маркерами пресуппозиции. Мы выделяем ряд лексических, грамматических и контекстуальных способов имплицитной временной референции. Так, к лексическим способам непрямо́й временной локализации относятся указание на время через место действия, лицо, осуществляющее действие, указание на предметы и явления, сопутствующие действию; к грамматическим – различные виды нарушения стандартных правил согла-

сования времён (например, при явных каузальных связях между глаголами), определённая референция имён, свёрнутые (компрессивные) конструкции; к контекстуальным относятся отсылки к предыдущему контексту или к знанию ситуации общения в широком смысле.

Рассмотрим несколько примеров:

e.g., New media offer new possibilities and hence raise new dangers. One is the ability to run “microtargeted” ads, aimed at small groups thought to be most receptive to their message. To the extent that it helps politicians deal with particular worries among voters, this can be beneficial. If abused, though, it could amplify exactly the sort of two-faced campaigning *the telegraph was supposed* to have banished [16].

В приведённом примере в качестве оstenсивного стимула и пресуппозиционального маркера выступает упоминание телеграфа, которое сигнализирует адресату о наличии релевантной темпоральной информации. Приведённый пример можно отнести к лексической группе средств косвенной временной локализации, которая осуществляется через упоминание сопутствующего явления. В данном случае обработка релевантной темпоральной информации возможна через активацию в памяти человека области соответствующего исторического знания, а именно, что телеграф появился в первой половине XIX века, следовательно, действие глагола *suppose* должно быть предположительно отнесено к этому же времени.

e.g., As the fires raged, some countries *at a recent UN climate conference* in Madrid **grumbled** about Australia’s apparent sleight of hand, involving the use of carbon credits linked to its emission-reduction targets for 2020 as a way of meeting its higher targets for 2030 [6].

В данном случае сигналом о наличии потенциально релевантной для читателя темпоральной информации является указание на место действия выделенного глагола.

e.g., *The passage of the domestic-violence law was* a breakthrough. Activists had been campaigning for one for two decades. [*When the domestic-violence law was passed, it **was** a breakthrough] [17].

Этот пример интересен сочетанием сразу нескольких оstenсивных сигналов. Здесь номинативная конструкция, содержащая существительное пропозициональной семантики, («the passage of the domestic-violence law») используется в комбинации с определённой референцией артикля *the*. И существительное, и артикль являются маркерами лингвистической и контекстуальной пресуппозиции соответственно. Адресату, чтобы вычленил темпорально релевантную информацию, необходимо одновременно осуществить как минимум 2 действия: восстановить свёрнутую пропозицию и установить контекстуально обусловленную определённую референцию (*the passage; the [...] law*), которая должна активировать знание контекста и, следовательно, поместить действие в определённые временные координаты. При этом второе действие будет выполнено читателем только при условии релевантности (известности) для него данного контекста.

Традиционно, следуя основным положениям теории коммуникации Грайса, прагмалингвисты утверждали, что процесс извлечения из высказывания эксплицированной информации принципиально отличается от механизма извлечения скрытых смыслов, в частности тем, что первый по сути своей менее инференциален, требует меньше когнитивных усилий и в меньшей степени зависит от коммуникативного и информативного намерений адресанта. Теория релевантности видит в понимании эксплицитных смыслов не менее трудоёмкий процесс, поскольку он также сопряжён с решением проблемы лингвистических двусмысленностей и построением гипотез относительно заложенных адресантом значений, которые бы удовлетворяли презумпции релевантности высказывания³. Когнитивные усилия в данном случае могут быть направлены, например, на выбор одного из значений многозначного слова, наиболее вероятного с учётом контекста; определение буквального или метафорического значения высказывания; расшифровку референциальных значений [21]. Как уже отмечалось, на нашем материале определённая референция в предложении может помимо прочего раскрывать и темпоральную локализацию действия:

³ Ожидание релевантности высказывания, по нашему мнению, может быть включено в классификацию пресуппозиций наряду с лингвистической, экзистенциальной и прагматической [4, с. 149] и представляет собой некую «метапресуппозицию», без которой невозможно понимание в принципе.

e.g., Japan could not have invented a plan of attack better calculated to unify the United States and turn it overnight into a determined fighting nation. *The shocking news of the unprovoked attack* **took** most Americans completely by surprise, for the prevalent attitude had been a belief that Tojo was bluffing [24].

В приведённом примере существительное «attack» имеет определённую референцию и тем самым явно сигнализирует адресату, о какой именно атаке идёт речь, что, в свою очередь, помещает действие глагола «take» в совершенно определённый момент времени. Здесь, однако, опять стоит обратиться к совпадению/несовпадению контекстов (временных в том числе) автора и читателя, поскольку их несовпадение по прошествии времени будет требовать от читателя больших когнитивных усилий для расшифровки пресуппозиции адресанта, и, как следствие, ослаблять релевантность имплицитной заложенной темпоральной информации.

Ещё одно важное положение Теории релевантности гласит, что процесс восприятия эксплицитной и имплицитной информации не имеет линейного алгоритма. Все сложные когнитивные манипуляции осуществляются нашим мозгом «онлайн» и параллельно с учётом коммуникативных ожиданий слушателя/читателя и пресуппозиции релевантности той или иной информации. Стоит отметить, что мысль об интегральном характере восприятия речи до этого высказывалась в 1980 году Р. Шенком, М. Лебовицем и Л. Бирнбаумом в работе *An Integrated Understander* [20] по компьютерной лингвистике, а затем в 1983 году М. Брившем в *How on-line is language processing?* [7], где он предлагает идею гибких интерактивных моделей понимания естественного языка одновременно на разных уровнях: фонетическом, синтаксическом, семантическом и контекстуальном.

Сближение прагмалингвистики с когнитивистикой в Теории релевантности Спербера и Уилсон также очевидно в приведённой ими концепции обработки семантики высказывания. В своей работе учёные, в частности, отмечают, что даже интерпретация таких, казалось бы, однозначных слов как *bird*, *furniture*, *animal* или *food* [22, с. 618] будет зависеть от коммуникативного контекста и соображений релевантности. Человеческое сознание при задействовании даже очевидных (остенсивных) сигналов получает доступ не к готовому концептуальному прототипу, а скорее к огромному разнообразию энциклопедической информации, из которого оперативно извлекаются те данные, которые отвечают соображениям релевантности здесь и сейчас в предлагаемых обстоятельствах. При этом эксплицитная, представленная языковыми средствами информация, является всего лишь ключом к этому когнитивному многообразию, а понимается ли высказывание буквально или метафорически, зависит от взаимной аккомодации содержания, контекста и когнитивного воздействия с целью достижения оптимальной релевантности высказывания.

Идея о том, что при обработке сообщения на естественном языке человеческий мозг реагирует на определённые «триггеры» (сигналы) и через них получает доступ к фоновым знаниям, которые в различных комбинациях обеспечивают понимание высказывания, примерно в одно время с созданием Теории релевантности развивалась в рамках когнитивной лингвистики также учёными Ж. Фоконье и М. Тернером, в книге «*The Way We Think*» [10], в которой они предприняли попытку объяснить процесс обработки речи, а также природу человеческого мышления в целом, через концепцию ментальных пространств. По мысли Фоконье и Тернера, возникновение ментальных пространств происходит под воздействием определённых слов и выражений, которые они называют «построителями пространств» (*space builders*) или «триггерами пространств» (*space triggers*). В качестве триггеров пространств выступают именные словосочетания, время и наклонение глаголов, артикль и другие маркеры референции и т.д. Можно сказать, что на нашем материале понятие «построителя», или триггера пространств, будет коррелировать, с одной стороны, с понятием маркера пресуппозиция, а с другой, с точки зрения Теории релевантности, с остенсивными сигналами Спербера и Уилсон. Подобная концептуальная близость между рассматриваемыми нами теориями представляется интересной для дальнейшего исследования когнитивных механизмов понимания речи.

e.g., Critics say such measures are inadequate. *Greta Thunberg*, a Swedish climate activist, **cited the fires** when *tweeting* criticism of Australia's climate policy. Mr Morrison **retorted** that he was “not here to try and impress people overseas”. As the fires raged, some countries at a recent UN climate conference in Madrid grumbled about Australia's apparent sleight of hand, involving the use of carbon credits linked to its emission-reduction targets for 2020 as a way of meeting its higher targets for 2030 [6].

Подобных триггеров пространства в данном примере много. Проанализируем несколько наиболее важных для «онлайн» извлечения темпоральной информации:

Greta Tunberg – открывает доступ к пласту информации, связанной с недавними протестными действиями экоативистов.

The fires – снова определённая референция существительного даёт доступ к широкому информационному контексту высказывания и, как следствие, к его темпоральной локализации.

Tweeting – даже при отсутствии темпоральных ассоциаций с Гретой Тунберг (то есть нерелевантности данного сигнала) упоминание Твитера уже помещает высказывание как минимум в сферу недавнего прошлого.

Retorted – использование глагола в простом прошедшем вслед за другим глаголом в том же времени содержит пресуппозицию знания языковых особенностей и как триггер пространства приводит к активации онтологической информации о временной последовательности и каузальности.

«Импликация»/«импликатура», «экспликатура»: терминологическая коллизия

Подход сторонников Теории релевантности к пониманию эксплицированного и имплицитного в высказывании также существенно отличает её от концепции коммуникации по Грайсу, который понимал эксплицитность как семантическую (пропозициональную) составляющую предложения/высказывания, «то, что сказано», а имплицитность как прагматический компонент, характеризующий коммуникативную интенцию говорящего. Однако сторонники теории релевантности доказывают, что неправильно считать то, что адресант говорит и имеет в виду эквивалентным семантике предложения [9]. Таким образом, они вводят в анализ коммуникации ещё один компонент смысла – *экспликатуру*, которая понимается как «такое содержание высказывания, которое является проявлением и развитием логической формы, выраженной в высказывании с помощью языкового кода» и которое «слушающему приходится дополнять, восстанавливать [...] до уровня полной пропозиции – в том виде, в котором её намеревался передать говорящий» [5]. Обработка и выведение адресатом экспликатуры в Теории релевантности, в отличие от «того, что сказано» в понимании Грайса, не сводится только лишь к устранению двусмысленностей и установлению референциальных значений имён и времени, но (и в этом заключается главное отличие) учитывает широкий прагматический контекст и интенцию адресанта [27]. Импликатуры, в свою очередь, распознаются адресатом на основании экспликатур. То есть, с точки зрения Теории релевантности, по крайней мере некоторые средства имплицитной темпоральной семантики являются экспликатурами, а не импликатурами:

e.g., *A new study from the International Journal of Environmental Research and Public Health even found people coping with workplace abuse had a heightened risk of developing cardiovascular disease* [18].

Если исходить из вышесказанного, то содержащаяся в данном примере свёрнутая пропозиция даёт нам в процессе инференции примерно следующий результат: «A new study from the International Journal of Environmental Research and Public Health even **found**...» восстанавливается автоматически и «онлайн» до * «When a new study [...] was conducted, it was found that...». Следовательно, согласно логике Теории релевантности, в данном случае выводимая адресатом из высказывания информация о времени действия является экспликатурой, а не импликатурой, хотя она и представлена в предложении косвенно.

Изложенные выше соображения, тем не менее, не дают чёткого ответа на актуальный для исследователя вопрос: как именно Теория релевантности предлагает распознавать и разграничивать импликатуры и экспликатуры при анализе дискурса?

Сами Спербер и Уилсон предлагают следующий тест на эксплицитность/имплицитность: «Утверждение, содержащееся в высказывании U⁴ является эксплицитным (то есть содержит экспликатуру), если и только если оно является продолжением логической формы, закодированной в вы-

⁴ U = Utterance

сказывании (U) средствами языка. При этом эксплицитность – относительное понятие: чем выше роль семантического компонента, тем более эксплицитна экспликация. Чем больше извлечение смысла зависит от прагматических аспектов инференции (то есть контекста – прим. автора), тем менее она (экспликация) эксплицитна. Любая информация, содержащаяся в высказывании, но не эксплицитно, является имплицитной, то есть импликацией» [9, с. 63 – 64].

Р. Карстон и Э. Холл в своей работе резонно отмечают, что подобное понимание разницы между экспликацией и импликацией всё же не даёт исследователям надёжного критерия для разделения данных явлений. И предлагают подход, который сильно сужает понятие импликации по сравнению с теорией Грайса. Учёные утверждают, что разница между экспликацией и импликацией может быть прослежена только в каждой отдельно взятой ситуации и будет зависеть от контекста и того, как сообщение обрабатывается адресатом. Общим принципом, по мнению Карстона и Холл, является то, что инференция импликаций «глобальна»⁵, то есть основана на высказывании в целом. Исходным условием для неё выступает наличие в сообщении полной логической пропозиции. Также следует отметить, что по мнению учёных ни одна импликация не является «стандартной установкой» высказывания, так же как и не существует импликаций, общих для большого количества контекстов. В свою очередь извлечение экспликации «локально»⁶ в том смысле, что его результатом является субпропозициональный элемент смысла, «подчасть» выраженной средствами языка логической формы [9]. Наиболее ярко «локальный» характер механизма обработки экспликации иллюстрируют такие процессы как операция установления референции и устранение многозначности отдельных элементов высказывания.

e.g., But, while *the third of Helen Fielding's novels nudged* Bridget on into a different life stage – portraying her as widowed, contending not just with being single again but with grief and single parenthood – this snippet of the film feels as firmly frozen in time as Renée Zellweger's face [14].

Здесь облачённое в языковую форму понятие (эксплицитированное) является точкой доступа к фоновой информации, которая включает в себя и знание личности писателя, и, возможно, время, когда была написана именно третья книга о Бриджит Джонс. Таким образом, на основании представленной эксплицитированной информации («Helen Fielding, the third [...] novel») адресат, погружённый в контекст общения, устанавливает референцию и выбирает релевантный темпоральный смысл. Однако, несмотря на сложность когнитивной задачи, в представлении сторонников Теории релевантности данная операция является «локальной» по отношению к предложению в целом и выводит экспликацию.

Очевидно, в результате терминологического разнообразия мы неизбежно сталкиваемся с коллизией понятий. В различных источниках авторы по-разному трактуют смысл слов «имплицитность»/«эксплицитность», «импликация»/«экспликация», «импликация»/ «экспликация». В рамках данного исследования мы не преследуем цель разрешить сложившуюся ситуацию, однако считаем необходимым принять единую систему терминов, адекватную для дальнейшего анализа имплицитной темпоральности. В данной статье мы используем понятие *имплицитные средства темпоральной локализации* для всех перечисленных нами случаев косвенного указания на время. *Импликацию* (или *импликацию* в терминологии прагмалингвистики) мы трактуем как синонимы и, принимая в основном все положения Теории релевантности, в понимании этих терминов будем придерживаться всё же коммуникативной теории Грайса [13], согласно которой импликацией являются все семантические выводы, не следующие из прямого вербализованного значения высказывания. Мы также предлагаем разграничивать понятия «импликация»/«импликация» и пресуппозиция в том смысле, что *пресуппозиция* предшествует высказыванию и закладывается адресантом, в то время как импликация следует за высказыванием и представляет собой семантический вывод, совершаемый адресатом, на основании вербализованной (*эксплицитной*) информации [1, с. 113] в процессе *инференции*.

⁵ global – термин авторов

⁶ local – термин авторов

Слабые импликатуры и ошибки понимания

До сих пор мы рассматривали понятие релевантности в основном с точки зрения адресата, однако не стоит забывать о том, что именно адресант закладывает в сообщение смыслы, наиболее соответствующие его коммуникативным ресурсам (возможностям) и предпочтениям, то есть кажущиеся наиболее релевантными именно для него. Таким образом, существует вероятность, как отмечалось выше в ряде примеров, что пресуппозиция «на входе» не будет соответствовать извлечённым слушателем/читателем импликатурам и экспликатурам «на выходе», если коммуникативные возможности и предпочтения адресанта не совпадут с коммуникативными ожиданиями и/или инференциальным потенциалом адресата, что и послужит причиной возможных ошибок инференции. С точки зрения Теории релевантности, как завышенная, так и заниженная оценка говорящим/пишущим коммуникативных ресурсов слушающего/читающего может стать причиной недопонимания, поскольку будет влиять на уровень имплицитности (чрезмерный или недостаточный⁷) высказывания [28].

Двусторонность коммуникативного процесса в теории релевантности также подчёркивается через последовательное разграничение между «сильными» и «слабыми» импликатурами. «Сильными» являются такие импликатуры, извлечение и интерпретация которых является обязательным и единственным условием, удовлетворяющим пресуппозиции релевантности высказывания. Другими словами, «сильные» импликатуры отражают намерения говорящего. «Слабые» импликатуры помогают извлечению релевантных смыслов, но не являются обязательными для адекватного намерению автора понимания сообщения. Их количество в высказывании может быть довольно большим. Действительно, коммуникативные сценарии, при которых получатель сообщения находит релевантными и додумывает смыслы, которые изначально не входили ни в информативное, ни в коммуникативное намерение автора, весьма нередки. Такое развитие событий можно назвать «гиперинфенцией». Подобные ситуации могут возникать, например, если сообщение прочитывается адресатом спустя какое-то время. Происходит несовпадение контекстов участников «беседы», при котором «контекст» читателя уже шире, чем «контекст» автора. Предположения из разряда «автор предвидел свою смерть» – один из возможных примеров. Художественные тексты, в особенности поэтические, характеризуются высокой концентрацией «слабых» импликатур настолько, что зачастую невозможно достоверно определить, входят ли они непосредственно в намерение автора или домысливаются читателем. Подобные ситуации пока не находят подробного анализа в теории релевантности, и, на наш взгляд, могли бы представлять интерес в качестве материала для дальнейшего анализа когнитивно-прагматических аспектов понимания речи в рамках данной парадигмы.

Приведём пример слабой импликатуры из нашего корпуса:

One thing the incident makes abundantly clear is that the *political atmosphere* in Washington **has become** so hostile towards China that it **will be** hard for *Mr Biden* and *Mr Xi* to follow up on their commitment to find issues of global concern where they can co-operate, such as *climate change*. *Mr Xi* also **faces** an uphill struggle in trying to reassure Western businesses alarmed by his recent policies – and *tensions over Taiwan* – and to convince them to continue doing business with China [17].

Предположим, что историк через много лет, описывая современные нам события, прочитает эту статью в журнале *The Economist*. Для него *эксплицированная* темпоральная информация, заложенная автором в глаголах настоящего и будущего времени, уже не будет релевантной, а будет восприниматься как прошлое. Инфенция о времени действия будет основана при этом на совокупности таких остенсивных сигналов, как имена исторических персонажей (*Mr Biden & Mr*

⁷ Недостаточный уровень имплицитности проявляется, в основном, на межкультурном уровне, когда излишняя прямолинейность представителя одной культуры может показаться оскорбительной для представителя другой, что приведёт к коммуникативному «провалу».

Xi), и указания на сопутствующие обстоятельства (hostile political atmosphere, climate change, recent policies, tensions over Taiwan). То есть изначально не закладываемая автором информация предположительно может стать при этом «слабой» имплицатурой для потомков, и вывод этот будет сделан «глобально» на основании широкого контекста, то есть знания о языке, ситуации и мире.

Результаты и выводы

На основании проведённого анализа можно сделать следующие выводы:

1. Теория релевантности отличается от теории инференциальной коммуникации Грайса и трактует понимание высказывания в упрощённом по отношению к последней виде, отрицая Принцип Кооперации и все максимы, кроме Максимы Релевантности.

2. Согласно Теории релевантности, успешность коммуникации зависит от того, насколько адекватной ожиданиям адресата является релевантность сообщения. О релевантности информации говорят остенсивные сигналы, которыми на нашем материале и являются имплицитные (косвенные) средства указания на время.

3. Теория релевантности подчёркивает важность широкого контекста (знания о языке, ситуации и мире) для успешного осуществления коммуникации, а также для понимания имплицитно заложенной информации. На этом основании можно провести параллель между теорией имплицитности и теорией пресуппозиций и сделать вывод, что остенсивные сигналы, указывая на релевантность сообщения, также маркируют его пресуппозицию.

4. Мы проанализировали ряд контекстов, содержащих имплицитные средства темпоральной локализации действия, и пришли к заключению, что несовпадение контекстов адресата и адресанта приведёт к нераспознаванию остенсивных сигналов и, как следствие, к снижению релевантности сообщения и нереализации коммуникативных и информативных интенций адресанта.

5. Нами также были отмечены точки соприкосновения в понимании особенностей нелинейной обработки информации на естественном языке между когнитивной лингвистикой, а именно концепцией ментальных пространств Фоконье и Тернера, и Теорией релевантности.

6. Мы проследили различные подходы к проблеме разграничения имплицатур и эксплицатур, и предложили своё решение вытекающей из этого терминологической коллизии, адекватное задачам дальнейшего исследования.

7. В конце работы мы рассмотрели разработанное в рамках Теории релевантности понятие «слабой» имплицатуры на примере контекста с имплицитной темпоральной семантикой, в связи с чем были обозначены возможные перспективы дальнейшего исследования.

Таким образом, можно сделать вывод, что для дальнейшего изучения имплицитных средств временной локализации действия Теория релевантности представляет собой перспективный метод исследования в рамках когнитивно-прагматической парадигмы, поскольку даёт возможность комплексного анализа коммуникативного процесса с учётом интенции говорящего/пишущего и специфики инференции скрытых смыслов слушающим/читающим. На наш взгляд, основным преимуществом данной концепции является то, что она помогает проанализировать и объяснить, почему в отдельных случаях имплицитная информация может терять свою релевантность для собеседника, а также каким образом наше сознание способно компенсировать ошибки восприятия сообщения при несовпадении контекстов адресанта и адресата.

© Ларина О.В., 2023

Список литературы

1. Воронков В.В. Прагматический потенциал текстовых явлений пресуппозиции и имплицитности // Сб. Науч. Тр. МГПИИЯ. М., 1988. Вып. 309. С. 113-121.
2. Заботкина В. И. Когнитивно-прагматический подход к неологии. // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. Калининград, 1999. С. 3-10.

3. Корина Н.Б. К вопросу об использовании когнитивной методологии в лингвистических исследованиях [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ejournals.eu/pliki/art/6667/pl> (Дата доступа: 08.05.2023).
4. Ларина О.В. Функционирование имплицитных средств темпоральной локализации действия в англоязычном дискурсе: диссертация ... кандидата филологических наук/ О.В. Ларина. Москва, 2009. 232с.
5. Экспликатура. [Электронный ресурс]. – URL: <http://yazykoznanie.ru/> (Дата доступа: 08.05.2023).
6. Australia's bushfires intensify its debate about climate // *The Economist*, 27 Jan. 2020. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.economist.com/asia/2020/01/02/australias-bushfires-intensify-its-debate-about-climate-change> (Дата доступа: 08.05.2023).
7. Bierwisch M. How on-line is language processing? // *The process of language understanding/ Edited by Flores D'Arcais G.B., Jarvella R.J.* New York: John Wiley, 1983. P. 113-168.
8. Burkeman O. It's not enough to have a day off: you need others to share it with. // *The Guardian*, 15 Nov. 2019. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2019/nov/15/day-off-need-others-to-share-it-with-oliver-burkeman> (Дата доступа: 08.05.2023).
9. Carston R., Hall A. Implicature and explicature. // *Cognitive pragmatics*. De Gruyter Mouton, 2012. P. 47-84.
10. Fauconnier G., Turner M. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. Basic Books, 2003. 464 p.
11. Fillmore C. J. Frames and the semantics of understanding // *Quaderni di Semantica*, 6 (2), Bear Editions, 1985. P. 222-254.
12. Frege G. On concept and object. // *Mind / Edited by Gearch P.T.*, Black M. Oxford University Press, 1951. P. 168-180.
13. Grice H. Paul. *Studies in the Way of Words*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1989. 406 p.
14. Hinsliff G. Don't mock the rock – Tracey Emin's wedding is a message to single women // *The Guardian*, 25 Mar. 2016. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/mar/25/dont-mock-rock-tracey-emin-single-women> (Дата доступа: 08.05.2023).
15. How a balloon burst Sino-American talks // *The Economist*, 3 Feb. 2023. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.economist.com/china/2023/02/03/how-a-balloon-burst-sino-american-talks> (Дата доступа: 08.05.2023).
16. How to police political advertising // *The Economist*, 28 Nov. 2019. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.economist.com/leaders/2019/11/28/how-to-police-political-advertising> (Дата доступа: 08.05.2023).
17. In China, courts deny women divorces in the name of “social harmony” // *The Economist*, 10 Oct. 2019. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.economist.com/china/2019/10/10/in-china-courts-deny-women-divorces-in-the-name-of-social-harmony> (Дата доступа: 08.05.2023).
18. Matei A. You're not alone: how to survive your horrible boss // *The Guardian*, 19 Nov. 2019. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2019/nov/19/how-to-deal-with-bad-bosses> (Дата доступа: 08.05.2023).
19. Presupposition. // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. <http://plato.stanford.edu> (Дата доступа: 08.05.2023).
20. Schank R.C. An integrated understander. // *Computational Linguistics*. Volume 6, Issue 1 / R.C. Schank, M. Leibowitz, L. Birnbaum. Cambridge, MA: MIT Press, 1980. P. 13-30.
21. Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and Cognition* (2nd ed.). Blackwell Publishers, 1995. 326 p.
22. Sperber D., Wilson D. *Relevance Theory // The Handbook of Pragmatics*. / Edited by Horn L.R., Ward G. Blackwell publishing, 2006. P. 607-632.
23. Schmid H-J. Why Cognitive Linguistics must embrace the social and pragmatic dimensions of language and how it could do so more seriously. // *Cognitive linguistics*. De Gruyter Mouton, 2016 P. 543-557.
24. The 2020 presidential election will be decided in the suburbs // *The Economist*, 2 Jan. 2020. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.economist.com/united-states/2020/01/02/the-2020-presidential-election-will-be-decided-in-the-suburbs> (Дата доступа: 08.05.2023).
25. US in fighting spirit after Japanese attack on Pearl Harbour // *The Guardian*, 9 Dec. 1941. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.google.ru/amp/s/amp.theguardian.com/world/2015/dec/09/pearl-harbor-attack-us-japan-1941-archive> (Дата доступа: 08.05.2023).
26. Williams G.L. Mutual (Mis)understanding: Reframing autistic pragmatic “impairments” using relevance theory. // *Frontiers in Psychology*. Volume 12 / G.L. Williams, T.Wharton, C. Jagoe. Frontiers Media, 2021. P. 1-21.
27. Wu J. On Relevance theory's Explicature/Implicature and Grice's 'What is said'/Implicature. // *Journal of Linguistics and Communication Studies*. Volume 1. Pioneer Academic Publishing Ltd., 2022. P. 13-16.
28. Zhang J. A tentative analysis of pragmatic failure from the perspective of Relevance Theory. // *The Frontiers of Society, Science and Technology*. Volume 3, Issue 3. Francis Academic Press, 2021. P. 41-48.

References

1. Voronkov, V.V. Pragmatischeškiei potentsial tekstovykh iavlenii presuppozitsii i implikatsii [Pragmatic potential of discourse phenomena: presuppositions and implications] // *Sb. Nauch. Tr. MGPIIJa*. M., 1988 Vyl. 309. pp. 113-121.
2. Zobotkina, V. I. Kognitivno-pragmatischeškiei podkhod k neologii. [Cognitive-pragmatic approach to neology] // *Kognitivno-pragmatischeškie aspekty lingvisticheskikh issledovaniï*. Kaliningrad, 1999. pp. 3-10.
3. Korina, N.B. *K voprosu ob ispol'zovanii kognitivnoi metodologii v lingvisticheskikh issledovaniïakh* [The problem of using cognitive methodology in linguistic studies] [Èlektronnyï resurs]. – URL: <https://www.ejournals.eu/pliki/art/6667/pl> (Accessed 8 May 2023).
4. Larina, O.V. *Funktsionirovanie implitsitnykh sredstv temporal'noi lokalizatsii deïstviia v angliiazыchnom diskurse* [The functioning of implicit meadns of temporal reference in English discourse] : dissertatsiia ... kandidata filologicheskikh nauk/ O.V. Larina. Moskva, 2009. 232 p.

5. *Ėksplikatura* [Explicature], <http://yazykoznanie.ru> (Accessed 8 May 2023).
6. Australia's bushfires intensify its debate about climate // *The Economist*, 27 Jan. 2020. <https://www.economist.com/asia/2020/01/02/australias-bushfires-intensify-its-debate-about-climate-change> (Accessed 8 May 2023).
7. Bierwisch, M. How on-line is language processing? // *The process of language understanding*/ Edited by Flores D'Arcais G.B., Jarvella R.J. New York: John Wiley, 1983. pp. 113-168.
8. Burkeman, O. It's not enough to have a day off: you need others to share it with // *The Guardian*, 15 Nov. 2019, <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2019/nov/15/day-off-need-others-to-share-it-with-oliver-burkeman> (Accessed 8 May 2023).
9. Carston, R., Hall, A. Implicature and explicature. // *Cognitive pragmatics*. De Gruyter Mouton, 2012. pp. 47-84.
10. Fauconnier, G., Turner, M. *The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. Basic Books, 2003. 464 p.
11. Fillmore, C. J. Frames and the semantics of understanding // *Quaderni di Semantica*, 6 (2), Bear Editions, 1985. p. 222-254.
12. Frege, G. On concept and object. // *Mind* / Edited by Geach P.T., Black M. Oxford University Press, 1951. P. 168-180.
13. Grice, H. Paul. *Studies in the Way of Words*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1989. 406 p.
14. Hinsliff, G. Don't mock the rock – Tracey Emin's wedding is a message to single women. *The Guardian*, 25 Mar. 2016, <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/mar/25/dont-mock-rock-tracey-emin-single-women> (Accessed 8 May 2023).
15. How a balloon burst Sino-American talks // *The Economist*, 3 Feb. 2023, <https://www.economist.com/china/2023/02/03/how-a-balloon-burst-sino-american-talks> (Accessed 8 May 2023).
16. How to police political advertising // *The Economist*, 28 Nov. 2019, <https://www.economist.com/leaders/2019/11/28/how-to-police-political-advertising> (Accessed 8 May 2023).
17. In China, courts deny women divorces in the name of "social harmony" // *The Economist*, 10 Oct. 2019, <https://www.economist.com/china/2019/10/10/in-china-courts-deny-women-divorces-in-the-name-of-social-harmony> (Accessed 8 May 2023).
18. Matei, A. You're not alone: how to survive your horrible boss // *The Guardian*, 19 Nov. 2019, <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2019/nov/19/how-to-deal-with-bad-bosses> (Accessed 8 May 2023).
19. Presupposition. // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, <http://plato.stanford.edu>. (Accessed 08 May 2023).
20. Schank, R.C., et al. An integrated understander. // *Computational Linguistics*. Volume 6, Issue 1. Cambridge, MA: MIT Press, 1980. pp. 13-30.
21. Sperber, D., Wilson, D. *Relevance: Communication and Cognition* (2nd ed.). Blackwell Publishers, 1995. 326 p.
22. Sperber, D., Wilson, D. Relevance Theory. // *The Handbook of Pragmatics*. / Edited by Horn L.R., Ward G. Blackwell publishing, 2006. pp. 607-632.
23. Schmid, H-J. Why Cognitive Linguistics must embrace the social and pragmatic dimensions of language and how it could do so more seriously. // *Cognitive linguistics*. De Gruyter Mouton, 2016 pp. 543-557.
24. The 2020 presidential election will be decided in the suburbs // *The Economist*, 2 Jan. 2020, <https://www.economist.com/usa/2020/01/02/the-2020-presidential-election-will-be-decided-in-the-suburbs> (Accessed 8 May 2023).
25. *US in fighting spirit after Japanese attack on Pearl Harbour*. The Guardian, 9 Dec. 1941, <https://www.google.ru/amp/s/amp.theguardian.com/world/2015/dec/09/pearl-harbor-attack-us-japan-1941-archive> (Accessed 8 May 2023).
26. Williams, G.L., et al. Mutual (Mis)understanding: Reframing autistic pragmatic "impairments" using relevance theory. // *Frontiers in Psychology*. Volume 12. Frontiers Media, 2021. pp. 1-21.
27. Wu, J. On Relevance theory's Explicature/Implicature and Grice'What is said'/Implicature. // *Journal of Linguistics and Communication Studies*. Volume 1. Pioneer Academic Publishing Ltd., 2022. pp. 13-16.
28. Zhang, J. A tentative analysis of pragmatic failure from the perspective of Relevance Theory. // *The Frontiers of Society, Science and Technology*. Volume 3, Issue 3. Francis Academic Press, 2021. pp. 41-48.

Сведения об авторе:

Ларина Ольга Всеволодовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 8 МГИМО. Сфера интересов: грамматика английского языка, когнитивная лингвистика и прагматика, имплицитная семантика. E-mail: olga21.06larina@gmail.com
ORCID 0009-0003-6903-6861

About the author

Olga V. Larina, PhD, is Assistant Professor at Department of the English Language № 8, MGIMO. Spheres of interest: English grammar, cognitive linguistics and pragmatics, implicit semantics.
E-mail: olga21.06larina@gmail.com
ORCID 0009-0003-6903-6861

* * *

CONCEPT OF *THO* IN KOREAN GRAMMATICAL TRADITION

Valery E. Sukhinin

MGIMO University,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. In the article the author examines the specific concept of *tho* in Korean grammatical tradition basing on the analysis of the Korean scholars' publications since the early 20th century up to now. According to Russian bilingual dictionaries, this Korean linguistic term means formal morphemes and syntactic words though various authors define its specific meaning differently. This concept can be traced back to the term of 'empty words' of medieval Chinese linguistics and was originally used to name Korean grammatical elements inserted into hanmun (Koreanized literary Chinese wenyuan) texts for better understanding by speakers of the Korean language, which is typologically different from Chinese. This approach was partly inherited at the end of the 19th century after the transition of the literary language in Korea from hanmun to native Korean.

The grammatical categories covered by *tho* have changed over time. Today in the DPRK, it includes any grammatical postfix formants (which in Russian Koreanology are form-building endings and suffixes) and even word-formative markers of voice. This approach follows the tradition of the last work of 1914 by Chu Sigyeong, the founder of modern Korean linguistics. The majority of the South Korean linguists, influenced to a certain extent by the Japanese language grammar, refer to postfixes of predicates as endings, and to postfixes of nouns as particles, i.e. a syntactic part of speech. But at the same time, they do not reject completely the term *tho*. This interpretation follows the ideas of Choi Hyeonbae, dating back to the 20-30s of the last century.

The author is inclined to support the opinion that *tho* is a Korean term for naming specific Korean agglutinative postfixes and considers it quite a logical approach to be viable.

In conclusion, the approaches to the description of the Korean language grammar may be different, i.e. several variations are possible. However, the most important thing is that the systematic character of the description is observed, and the features of the object of the study – the Korean language of the agglutinative type – are taken into consideration. Besides, for the teaching purpose logicity and rational simplicity of grammar structure are also important if they do not contradict the language material.

Keywords: concept of *tho*, Korean grammatical tradition, heritage of Chu Sigyeong, Choi Hyeonbae, South Korean and North Korean approaches to classification of thos

For citation: Sukhinin V.E. (2023). Concept of *THO* in Korean Grammatical Tradition. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(4), pp. 55–68. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-55-68>

КОНЦЕПЦИЯ ТХО В КОРЕЙСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В.Е. Сухинин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В данной обзорной статье разбирается оригинальная концепция *тхо* в корейской грамматической традиции на основе анализа публикаций корейских авторов с начала XX века до наших дней. Согласно отечественным переводным словарям, этим термином корейского языкознания обозначаются разнообразные служебные морфемы и служебные слова, хотя их конкретное наполнение разными авторами определяется по-разному.

Данный концепт восходит к понятию «пустых слов» средневекового китайского языкознания и первоначально обозначал корейские грамматические элементы, вставляемые в тексты на ханмуне – корейизированном вэньяне для их лучшего восприятия носителями корейского языка, типологически отличного от китайского. Такой подход был отчасти унаследован и после перехода в конце XIX века с ханмуна на родной корейский в качестве литературного языка.

Конкретное наполнение категории *тхо* с течением времени изменялось. И в настоящее время в КНДР распространяется на любые грамматические форманты – постфиксы (в отечественном корееведении – формообразующие окончания и суффиксы) и даже на словообразующие залоговые показатели, что идёт от традиции последней работы 1914 года основоположника современного корейского языкознания Чу Сигёна. Большинство южнокорейских лингвистов, не без влияния японских грамматистов, считают постфиксы предикативов окончаниями, а постфиксы имён – частицами, то есть служебной частью речи, но при этом не отказываются полностью от термина *тхо*. Такая трактовка идёт в русле концепции Чхве Хёнбэ, восходящей к 20-30 годам прошлого века.

Автор склоняется к мнению о том, что *тхо* является корейским термином для обозначения специфических агглютинативных постфиксов корейского языка, и полагает, что такой довольно логичный подход имеет право на существование.

Вывод статьи: подходы к описанию корейского языка могут быть разные, то есть допускается многовариантность. Главное, чтобы была соблюдена системность описания и учитывались особенности объекта исследования – корейского языка агглютинативного типа. Кроме того, для преподавания важны также логичность и рациональная простота построения грамматической картины, если только она не противоречит языковому материалу.

Ключевые слова: концепция *тхо*, корейская грамматическая традиция, наследие Чу Сигёна, Чхве Хёнбэ, южнокорейские и северокорейские подходы к классификации *тхо*

Для цитирования: Сухинин В.Е. (2023). Концепция ТХО в корейской грамматической традиции. *Филологические науки в МГИМО*. 9(4), С. 55–68. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-55-68>

“What’s in a name? That which we call a rose
By any other name would smell as sweet.”
William Shakespeare, “Romeo and Juliet”

Введение. Материалы. Методология

Среди своеобразных терминов традиционной корейской грамматики внимание европейских исследователей давно привлекает категория тхо (토, для обозначения иногда используется иероглиф 吐 «тошнить» в его корейском фонетическом облике). Поскольку этим наименованием охватывается большое число формантов, составляющих основу грамматики корейского языка агглютинативного типа, для российских исследователей и преподавателей корейского языка крайне важно разобраться, что представляет собой эта категория, каковы её особенности и объём, как эволюционировали взгляды корейских учёных по этому вопросу. С этой целью автор сделает обзор, проанализирует наиболее примечательную корейскую лингвистическую литературу с начала XX века до наших дней, то есть рассматривающую современный корейский язык в его широком понимании, применяя для этого описательный метод в сравнительно-историческом разрезе. Насколько нам известно, подобных описаний отечественные корееведы ранее не выполняли.

Основная часть

Термин *тхо* зафиксирован уже в “Корейско-английском словаре” Дж. Гейла (конец XIX – начало XX вв.) и переводится как окончание – ending; концовки (грамматические формы) – terminations (grammatical forms) [12, с. 990]. В словаре А.А. Холодовича 1958 г. *тхо* (토 – 吐) трактуется как “*тхо*, формы словоизменения и служебные слова (в корейском языке)” [4, с. 791]. В двухтомном “Большом корейско-русском словаре” 1976 года – примерно так же: “*тхо* (формальные морфемы и служебные слова, термин корейского языкознания)” [3, том 2, с. 275]. Наконец, в словаре 1994 года под редакцией Ко Хёна (составители с российской стороны Ю.Н. Мазур и Л.Б. Никольский) читаем: “*тхо* (формообразующие аффиксы, прилепы-частицы, термин корейского языкознания)” [5, с. 667].

Если перейти к корейскоязычным толковым словарям, то в известном словаре Мун Сеёна (1938 г.) зафиксировано два значения этого термина: “1) прилепа (말걸씨), присоединяемая к имени и выражающая его отношения (синоним: частица 助詞); 2) корейские прилепы, которые присоединяются к отрезку фразы при чтении текстов на ханмуне для пояснения смысла: например, 면 (面), 은 (隱), 에 (崖), 하니 (爲尼), 하고 (爲古), 하야 (爲也), 으로 (乙奴), 이어날 (是於飛). Синоним: кугёль (口訣)” [22, с. 1454].

Примечательно, что внутри аффиксов некоторые иероглифы берутся по произношению своего корейского значения (爲 – 할위; 飛 – 날비), а другие – по чтению иероглифа (古 – 예고, 面 – 낮면), примерно как в системе иероглифической записи корейских текстов *иду* (吏讀). Заметим, что в настоящее время *тхо* в текстах на ханмуне (корейизированном старокитайском вэньяне) записываются буквами корейского алфавита¹.

Переходя к периоду после Освобождения Кореи в 1945 году, раскола страны на два государства, возьмём несколько изданий КНДР и Республики Корея.

В 6-томном словаре АН КНДР *тхо* трактуется как: 1) «Один из разрядов прилеп, присоединяемых для образования грамматических форм в корейском языке. Есть форманты, выражающие место (들, 에, 로, 며, 습니다, 아, 아라 и др.), и те, которые выражают какие-то дополнительные значения (는, 도, 만, 처럼, 조차). В зависимости от точки зрения исследователей к *тхо* также относят

¹ См., например, [24, с. 160-228].

форманты типа 시, 았, 쨌; 2) Прилепы, присоединяемые в конце частей фразы для обозначения грамматических отношений при чтении ханмунных текстов по образцу корейского языка (во фразе 천지시간 만물지중애 인간이 최귀하니 - 에, 이, 하니)» [29, том 5, с. 84].

В двухтомном “Большом словаре корейского языка” КНДР (1992) и в однотомном (2004) даются аналогичные толкования, но указывается на агглютинативный характер корейского языка и в ряды *тхо* включаются показатели предметности (대상토), сказуемости (폴이토), падежа (격토), вспомогательные (도움토), множественности (복수토), конечные (맺음토), соединительные (이음토), определительные (규정토), обстоятельственные (상황토), залоговые (상토), уважительности (존경토), времени (시간토), трансформации (바꿈토). А пример второго значения иллюстрируется такой же фразой, но в иероглифической записи (天地之間萬物之中에 人間이 最貴하니) [28, том 2, с. 719], [30, с. 1228].

Примерно в таком же ключе трактуется категория *тхо* в Энциклопедическом словаре КНДР; подчёркивается, что *тхо* является основным средством выражения грамматических значений и функций в корейском языке, может присоединяться не только к основе слова, но и к другим единицам – предложению и его части, причём несколько *тхо* могут присоединяться один за другим к слову [25, том 5, с. 270].

В южнокорейских словарях определение *тхо* в принципе не отличается от северокорейского: *тхо* 1) сокращение от 토씨, а 토씨 – 조사 (助詞), частица; 2) корейскоязычная часть, которую присоединяют и произносят после ханмунной части фразы [15, том 2, с. 3138, 3132]. В энциклопедическом словаре 토씨 обозначают как одну из частей речи (품사), синоним – 조사, частица [27, с. 1632].

Языковеды связывают зарождение концепции *тхо* с традициями китайского языкознания, в котором противопоставляли “полные слова” (ши цзы 實辭) и “пустые слова” (сюй цзы 虛辭). К последним относили служебные слова, местоимения, междометия, непроезводимые наречия и некоторые другие разряды слов. Первый словарь “пустых слов” появился в 1592 году [11, с. 225]. В современных южнокорейских толковых словарях к первым (실사) относят элементы типа основы имён, предикативов, то есть лексемы, выражающие понятия, а ко вторым (허사) – те, что не обладают самостоятельным значением, а выполняют грамматические функции, – то есть частицы, окончания [16, с. 1024, 1763]. Историческую связь концепции *тхо* с общим для стран Дальнего Востока понятием “пустых слов” отмечали Ю.Н. Мазур [6, с. 68] и Л.Б. Никольский [8, с. 5].

Перейдём от общих представлений о *тхо* в словарях к грамматическим работам, посмотрим, почему и как конкретно выделяют эту категорию и какое содержание в неё вкладывают разные авторы.

Считающийся основоположником современного корейского языкознания Чу Сигён (1876-1914) в своей грамматике (國語文法, 1910) выделяет 9 частей речи (갈래), включая частицы (곁: 어조사 - 가/이, 를/을, 도, 는, 에, 에서, 로/으로), союзы (잇: 접속사 - 와/과, 고, 면, 나/으나, 이나, 는데, 어), окончания (끝: 종지사 - 이다, 다, 냐, 아라, 어라, 도다, 오, 소). В своём последнем труде “Звуки речи” (말의 소리, 1914) он сократил число частей речи до шести, объединив некоторые из них, и ввёл термин *тхо* (토씨), объединив под ним конечные и соединительные *тхо* (끝는토, 잇는토) [36, с. 53-161, 227]. Это очень близко к подходу современных северокорейских лингвистов.

Наследие Чу Сигёна и сама его фигура пользуются большим уважением и на Севере, и на Юге Кореи, а также за рубежом [18, с. 232-256], [7, с. 203-207], [10, с. 138-140], [2, с. 94-112, 128-155]. Хотя встречаются и исключения. Например, один южнокорейский лингвист резко критикует предшественника за создание и использование малопонятной терминологии на основе исконно корейских лексических элементов и за чрезмерное следование синтаксическим подходам грамматики английского языка, а заодно и за нападки его учеников на учёных, придерживающихся иных взглядов (Пак Сынбин и его труд 조선어학 – Корейское языкознание, 1935), это в результате якобы затормозило развитие корейской лингвистики [26, с. 150-203].

Одним из самых известных последователей Чу Сигёна стал его ученик Чхве Хёнбэ, ещё в 1929 году издавший фундаментальную (более 900 стр.) “Граматику родного языка”, которая с тех пор трижды перерабатывалась и многократно переиздавалась [38]. Автор однозначно заявляет, что

термин *тхо* в его грамматике отнюдь не тождественен *тхо* в текстах на ханмуне – кореизированном старокитайском вэньяне. В последних *тхо* (吐) называются любые корейскоязычные вспомогательные дополнения при чтении текстов для их лучшего восприятия – суффиксы, вспомогательные корни, вспомогательные основы, окончания, частицы [38, с. 195]. В его же грамматике *тхо* (토씨 – 助詞, 關係詞) – это лишь определённая грамматическая категория. В *тхо* Чхве Хёнбэ выделяет четыре разряда: падежные частицы (자리토씨), соединительные частицы (이음토씨), вспомогательные частицы (도움토씨), восклицательные частицы (느낌토씨) [там же, с. 612]. Эту категорию автор включает в число одной из 10 частей речи [там же, с. 205], хотя и отмечает, что *тхо* не имеют собственного значения, а лишь выражают отношения между понятийными лексемами (생각씨) или уточняют их значение [там же, с. 612].

Кроме того, Чхве Хёнбэ, в отличие от своего учителя, не включает в категорию *тхо* аффиксы предикативов, называя их окончаниями (씨끝, 끝, 語尾, Termination, Ending), присоединяемыми к основам (씨줄기, 줄기, 語幹, Stamm, Stem) [там же, с. 163]. Его главный аргумент – основы предикативов (풀이씨), в отличие от основ имён (임자씨), самостоятельно не существуют в языке и не употребляются [там же, с. 163-165, 177-180]. Элементы между корнем и окончанием предикатива автор классифицирует как вспомогательные корни (도움뿌리 - 답, 스랍, 하) или вспомогательные основы (도움줄기 - 이, 히, 읍, 오, 시, 으).

Подобный подход к классификации грамматических формантов напоминает ситуацию в японском языкознании, где падежные аффиксы рассматриваются как падежные послелогии (служебная часть речи), а глагольные форманты – как суффиксы [1, с. 338, 345]. Впрочем, среди японских и зарубежных языковедов полного единства мнений в этом вопросе не существует [9, с. 125-140].

Что касается собственно *тхо*, которые Чхве Хёнбэ выделяет в отдельную часть речи, то он признаёт наличие ряда ограничений, которые на них накладываются. Например, в плане фонетики у них не действует закон начала слова (두음법칙 – изменения в произношении этимологических ㄷ и ㄴ перед гласными), существуют варианты падежных *тхо*, подбираемые в зависимости от конечной фонемы основы. *Тхо* не употребляется отдельно, например, в начале предложения, да и воспринимается носителями языка как часть имени, к которому он присоединяется. Это тем более справедливо в отношении формантов предикативов, которые Чу Сигён в последней своей работе также отнёс к *тхо*.

С другой стороны, рассуждает Чхве Хёнбэ, у *тхо* всё же можно наметить какое-то широкое значение. Если сравнить с английским языком, то там у артиклей также существуют фонетические варианты (a - an), они не имеют понятийного значения, но считаются отдельными словами. Связка с другими словами присутствует и у английских предлогов.

Аргументом в пользу признания *тхо* отдельной частью речи Чхве Хёнбэ считает и их многочисленность в корейском языке [38, с. 197-203]. Чтобы акцентировать отличие именных формантов от предикативных, учёный приводит такое образное сравнение: человек с ногами – это как бы предикатив с окончанием (씨 ㅁ), а человек на лошади – это имя с частицей (토씨) [там же, с. 201].

Во второй половине 1940-х и в 1950-е годы взгляды Чхве Хёнбэ на грамматику корейского языка и его терминология на основе исконно корейских лексических элементов пользовались приоритетом в Южной Корее². Интересно предложение Чхве Хёнбэ употреблять термин 토씨 *тхосси*, если элемент рассматривается в качестве отдельной части речи, и 토 *тхо*, если его считают просто грамматическим формантом [там же, с.123-124].

Следует отметить, что после обнародования в 1963 году Проекта унификации школьных грамматик авторы в основном перешли на синокорейскую терминологию, хотя термины из исконно корейских элементов иногда даются в скобках.

² См., например, одобренную Министерством культуры и образования в качестве учебника для средней школы, но с иероглифическими аналогами терминов (двойная система используется в качестве временной меры, но в одной книге должна быть одна система главной, а другая – дополнительной) [37, с. 123].

Для выделения частей речи южнокорейские грамматисты в основном используют три критерия: смысловый, функциональный и формальный [20, с. 58-59]. При этом разные авторы выделяют от 5 до 13 частей речи. Однако после выхода Проекта унификации школьных грамматик в основном используется 9-частная система (имя: существительное, местоимение, числительное; предикатив: глагол, прилагательное; атрибутив; наречие; междометие; частицы). Частицы (조사, 助詞, 토씨) определяются как часть речи, которая присоединяется к самостоятельному слову и выражает его отношение к другим словам. К частицам относятся падежные (격조사) и вспомогательные (보조사), а также соединительные (하고), нулевые (조사생략) и иногда частица сказуемого падежа (서술격조사 ‘이다’, то есть связка), которая носит предикативный характер [там же, с. 88-99].

Позиционные изменяемые форманты предикативов (конечные, срединные, определительные и субстантивные), согласно Проекту унификации, классифицируются как окончания (어미). Кроме того, в некоторых грамматиках вводилось понятие «вспомогательной основы» (보조어간, 도움줄기) – в частности при образовании залогов, хотя в других такие элементы относились к частицам или к префинальным окончаниям (선어말 어미, prefinal ending) [там же, с. 150-151].

В одной из последних стандартных грамматик, подготовленной под эгидой Государственного центра родного языка (국립국어원), представлены аналогичные с вышеизложенным подходы в определении сути частицы как отдельной части речи и её функции (слово, выражающее грамматическое отношение к другому слову – в основном к имени) [42, с. 295]. При этом отмечается, что хотя синтаксически³ частица обладает свойствами слова, морфологически (и фонетически) – свойствами аффикса [там же, с. 295-296].

Среди разрядов частиц выделяется падежные (이, 가), вспомогательные (만, 도), соединительные (와). Относительно форманта 이다 говорится, что хотя его часто определяют как частицу сказуемого падежа (서술격조사), по характеру он приближается к предикативам, соединяясь с последующими окончаниями [там же, с. 296]. Что касается вспомогательных частиц (보조사), отмечают авторы, то они выражают не отношения между словами, а привносят дополнительные значения.

Касательно спряжения предикативов говорится, что к основе (어간, 語幹, stem) присоединяются окончания (어미, 語尾, ending) подобно ветвям или листьям [там же, с. 256]. Например, в слове 떠나셨겠다 (“видимо, отправился”) к основе 떠나 присоединяются четыре окончания: 시 (гонографический аффикс), 었 (аффикс прошедшего времени), 겠 (аффикс модальности – вероятность), 다 (аффикс заключительной сказуемости повествовательной коммуникативной установки) [там же, с. 257].

Авторы объёмного (646 с.) сборника работ по проблеме частиц и окончаний в корейском языке отмечают, что, несмотря на продолжительную историю и немалые достижения в исследовании этих двух категорий, составляющих основу корейской грамматики, нельзя сказать, что все проблемы уже решены. В частности, не всё ясно с вопросом выделения *тхю* в качестве отдельной части речи, с вопросом – следует ли в основном исходить из формы или из значения при классификации *тхю* [43, с. 271]. Несмотря на подобную констатацию, большинство южнокорейских лингвистов вслед за Чхе Хёнбэ сходятся в том, что необходимо различать частицы как отдельные слова, присоединяемые к именам,⁴ и окончания как части слов, присоединяемые к предикативам. Такой подход закреплён в школьных учебниках и учебных пособиях по грамматике.

Например, в пособии по грамматике для средней школы [39] частицы (조사) рассматриваются как одна из частей речи (품사), “помогающая” имени (체언). Причём отмечается, что падежные (격조사) и соединительные частицы (접속조사) обозначают отношения, а вспомогательные (보조사) – добавляют значение [там же, с. 24]. К падежным формантам отнесена и частица сказуемого падежа (서술격조사) 이다 [там же, с. 32], хотя её изменения рассматриваются в разделе окончаний.

³ Сравните с подходом А.А. Пашковского, назвавшего аналогичные форманты японского языка «синтаксемами» [9, с. 140].

⁴ Упомянутый нами ранее Син Чхансун выступает резко против отнесения частиц 조사 к частям речи [26, с. 35].

Окончания предикативов подразделяются на заключительные (종결어미), соединительные (연결어미), трансформативные (전성어미), включая субстантивные (기, ㅁ) и атрибутивные (는, ㄴ, 던, ㄹ), а также предфинальные окончания (선어말어미) – например, показатели вежливости (시, 오, 읊, 삼) и времени (는, 았, 더, 겠) [там же, с. 43]. В более поздней грамматике для школы, подготовленной педагогическим институтом Сеульского университета, находим аналогичные подходы к изложению материала [13].

В пособии для повторения грамматики по программе старшей школы [41] даются положения двух вышеупомянутых учебников, но обращается внимание на следующие моменты. Частицы не обладают полной самостоятельностью, но признаётся их относительная самостоятельность, поскольку они могут отделяться от полнозначных слов, в связи с чем их рассматривают в качестве слов. Частицы не изменяются за исключением частицы сказуемого падежа (서술격조사), которая спрягается в основном по образцу прилагательных. Частицы обычно присоединяются к именам, но могут примыкать и к наречиям и наречным словам. Частицы могут соединяться между собой [41, с. 54].

По поводу предикативов отмечается, что их основа является реальной морфемой (실질형태소), но зависимой (의존형태소), а их окончания – формальной морфемой (형식형태소) и зависимой. Базовая (словарная) форма глагола состоит из основы и окончания 다, а залоговые формы глаголов помещаются в словари с включением суффиксов, то есть они рассматриваются как производные лексемы (파생어) [там же, с. 69-71].

При всей непривычности для российских корееведов отнесения окончаний имён к разряду слов-частиц, ещё более необычным для нас выглядит набор падежей: именительный (주격 – 이/가), сказуемый (서술격 – 이다 и спряжения этого форманта), целевой (목적격 – 을/를), вспомогательный (보격 – в качестве дополнения перед 되다, 아니다), атрибутивный (관형격 – 의), наречный (부사격 – 에, 에서, 에게, 로, 로서, 로써, 처럼, 보다, 하고), звательный (호격 – 아/야, (이)여, (이)시여) [40, с. 25-26]. Примечательно, что составители грамматики для иностранцев, подготовленной Государственным центром родного языка, из этого перечня исключили сказуемый и вспомогательный падежи, видимо, как самые спорные [44, с. 399].

В Северной Корее, где после Освобождения оказалось немало участников Корейского лингвистического общества, в том числе переехавших из Южной Кореи, включая учеников и последователей Чу Сигёна, подходы лингвистов к проблеме *тхо* изначально во многом перекликались со взглядами, например, Чхве Хёнбэ. Так, Пак Санджун в своей грамматике 1948 года [23] называет выражающие грамматические отношения имени форманты “частицами (*тхо*)” и указывает на их функциональное сходство с окончаниями (어미), присоединяемыми к основам предикативов [там же, с. 105]. Вместе с тем, признавая, что существует тенденция рассматривать именные частицы окончаниями, как и у предикативов, Пак Санджун предпочитает классифицировать их по отдельности, учитывая различия в характере именных и предикативных основ [там же, с. 116-117].

В коллективной грамматике 1949 года в структуре слова выделяются: корень, приставка, суффикс и *тхо* [33, с. 71]. Причём суффиксы определяются как словообразующие постфиксы, а *тхо* – как формообразующие. Отсутствие *тхо* в грамматической форме слова рассматривается как “нулевой *тхо*” (제로투) [там же, с. 73]. Авторы этой грамматики заявляют о несогласии с прежними теориями слова, рассматривавшими основу имени с *тхо* или основу предикатива с *тхо* как два независимых слова, либо основу имени без *тхо* и основу предикатива с *тхо* как слова, либо только *тхо* имени в качестве слова. При этом даётся ссылка на синтаксическую роль этих элементов в предложении, где отдельными членами выступают только слова, оформленные *тхо* [там же, с. 73-74]. В категорию *тхо* включается максимальное количество видов грамматических формантов (падежные, временные, наклонений, степеней вежливости и другие) [там же, с. 183-257], но залоговые форманты относятся к суффиксам [там же, с. 264]. При этом составители в качестве отдельной части речи выделяют частицы (조사), которые не обладают самостоятельностью, а лишь дополняют значение впереди идущего слова и придают ему различные нюансы значения [там же, с. 292], то есть речь идёт о том, что позже стало именоваться вспомогательными *тхо* (도움투).

Во второй половине 50-х годов в связи с подготовкой фундаментальной академической грамматики в КНДР на страницах журнала “Корейская филология (조선어문)” и в других изданиях развернулась дискуссия о характере *тхо*. Обширная подборка высказываний на эту тему с конца 40-х до начала 60-х годов представлена в “Сборнике по теории грамматики корейского языка” [39]⁵.

Выделим наиболее интересные для данной статьи моменты дискуссии. Диапазон взглядов весьма широк – от *тхо* как частица (т.е. слово) до *тхо* как суффикс. При этом высказывалось мнение о том, что представление любых *тхо* как частиц идёт от влияния западноевропейских грамматик начала XX века; классификация именных *тхо* как частиц, а предикативных как аффиксов – от влияния японской лингвистики (при этом утверждается, что в японском языке именные форманты носят агглютинативный характер, а предикативные – флективный, в отличие от корейского языка, где предикативные форманты тоже агглютинативные); наконец, после 1945 года под влиянием советского языкознания все форманты *тхо* стали относить к аффиксам. Корейские *тхо* якобы имеют уникальный характер и не могут быть правильно определены в категориях европейского языкознания (“*тхо* есть *тхо*”, но эта позиция не была принята большинством учёных, как нарушающая правила формальной логики). Залоговый показатель в основном относили к словообразовательным суффиксам, поскольку их сравнительно немного и они присоединяются не ко всем глаголам. Неоднократно подчёркивалось, что *тхо* определяют не столько морфологические характеристики слова, сколько синтаксические – как части предложения. Историки языка отмечали, что *тхо* возникли из слов, которые позже перешли в частицы, а также подчёркивали, что в старокорейском языке основа играла большую роль, чем сейчас. Так, она определяла характер гласных в *тхо*, то есть наблюдалась более строгая гармония гласных, а *тхо* были менее самостоятельными.

Посмотрим, как решается проблема *тхо* в последующих наиболее крупных работах северо-корейских авторов.

В академической грамматике 1960 года *тхо* рассматривается как одна из составных частей слова наряду с корнем, приставкой и суффиксом [34, с. 119], то есть фактически выступает как синоним “окончания” (такой термин у северо-корейских грамматистов более не используется). Причём суффиксы подразделяются на словообразующие и формообразующие, к последним относят передающие значения залога, вежливости, времени и субстантивации [там же, с. 122]. В качестве отличия *тхо* от формообразующих суффиксов называется передача через *тхо* грамматического значения, связанного с синтаксической функцией слова, то есть выражение связи слов в предложении или словосочетании (падежные формы; конечные, соединительные и определительные формы глаголов и прилагательных) [там же, с. 124]. Примечательно, что, в отличие от грамматики 1949 года, не выделяются частицы как части речи, а вместо них вводится разряд “вспомогательных *тхо*” (도움토) [там же, с. 191-207].

В университетской грамматике 1964 года, по сравнению с академической, число разновидностей *тхо* ещё более выросло за счёт формообразующих суффиксов – вежливости (ㄹ) [35, с. 190], времени (ㄹ, ㄹ) [там же, с. 257], множественности (들) [там же, с. 178], субстантивации [там же, с. 181]. Залоговые форманты по-прежнему считаются суффиксами, отмечается сочетание в них лексического и грамматического значения [там же, с. 257]. Касательно именной связки ㅁ(다) напомним, что разные авторы считали её корнем служебного слова, соединительной гласной или суффиксом, сами же авторы склоняются к решению о том, что имена (и другие части речи) сами по себе приобретают предикативные формы с участием ㅁ, на основании факультативности этого форманта и зависимости от его фонетического окружения [там же, с. 188-190].

По указанию Ким Ирсена о разработке единых грамматических норм сначала в 1972 года был выпущен Проект (초고), а в 1976 году после его широкого общественного обсуждения и корректировки опубликованы собственно Нормы [32]. В этой работе было однозначно заявлено, что грамматические формы слова при всём их многообразии создаются лишь на основе *тхо* (오직 토에 의

⁵ Обзор на русском языке см.: [8, с. 10-11].

해서만 이루어진다). Но сразу за этим утверждением даётся уточнение: “Конечно, грамматические связи слов могут также выражаться при помощи служебных слов или другими средствами” [там же, с. 217]. Здесь же вводится “нулевой *тхо*” (령토) [там же, с. 218]. Все *тхо* разделяются на именные и предикативные (대상토와 풀이토), а также на позиционные и вставные (자리토와 끼움토) [там же, с. 231].

К именным позиционным *тхо* относятся падежные (격토), а к именным вставным – *тхо* множественности (복수토), к предикативным позиционным – конечные (맺음토), соединительные (이음토), определительные (엮음토) и обстоятельственные (꾸밈토), к прочим вставным – трансформативные (바꿈토), залоговые (상토), гонорифический (존경토), временные (시간토) и вспомогательные (도움토) [там же, с. 236].

В Нормах закреплена система падежей: именительный (주격), винительный (대격), притяжательный (속격), дательный (여격), местный (위격), творительный (조격), совместный (구격), звательный (호격), а также абсолютный (절대격) с нулевым *тхо* [там же, с. 237]. Отмечается, что помимо основных падежных *тхо* используются их аналоги, а также *тхо* с глаголами, употребляемыми только как служебные [там же, с. 243, 252]. В отечественном корееведении последние именуются послелогами.

Относительно *тхо* конечной сказуемости указывается, что в них одновременно выражается и категория коммуникативной установки (말법: формы повествовательные (알림), вопросительные (물음), пригласительные (추김), повелительные (시킴)), и категория степени вежливости (말차림: высокая (높임), равная (같음), низкая (낮춤)) [32, с. 257]. В то же время отмечается, что в этих *тхо* присутствуют “кусочки” (쪼각), которые, строго говоря, могут рассматриваться как морфемы с определённым грамматическим значением, однако их по привычке включают в состав единого *тхо*: ㄴ, 는 – обозначают время, совпадающее с моментом речи; ㅂ/습 – говорящий понижает себя; 더, 디, 리, 르, 마 – модальность очности, предположения, намерения и обещания и другие [там же, с. 260].

По поводу ㅇ из разряда трансформативных *тхо* (к которым также относятся субстантиваторы ㅁ, 기) говорится, что он может опускаться после гласных [там же, с.309].

Нормы 1976 года стали ориентиром для последующих грамматик в КНДР, особенно школьных.

Например, в научной грамматике 1979 года [31] в основном применяются подходы Норм, но привлекает внимание предложенная градация процесса перехода некоторых *тхо* в пассив. На самой продвинутой стадии находятся такие форманты, как 사, 읊, которые могут быть вычленены только при специальном исследовании; на средней стадии находятся 르진저, 르새, 매, 로되 и другие, которые могут использоваться в литературных произведениях на исторические темы; наконец, на самой низкой степени размещаются 노라, 로다, 도다, 르진데, 르소냐, 가로서니 и другие, иногда используемые в стилистических целях, например, в поэзии [там же, с. 242].

Интересные рассуждения касательно *тхо* находим в работе Ким Ёнгу [19]. Во введении автор подчёркивает: “*Тхо*, характерное только для корейского языка, будучи типичным агглютинативным элементом (교착물), является замечательным средством выражения грамматических значений и надёжным средством создания грамматических форм. Национальная особенность корейского языка заключается в многочисленности *тхо*, их строго системном развитии и обогащении” [там же, с. 22]. Отмечается, что *тхо* – это не слово, а, следовательно, не частица и не служебное слово, оно не имеет семантических, фонетических и грамматических черт, которыми должны обладать слова. *Тхо* не имеет своего значения, отдельно не произносится и не употребляется, не изменяется, не является флексией в слове и не входит в его состав. *Тхо* – это агглютинативный аффикс (교착접사) для образования грамматических форм, который отличается от служебных слов (보조적단어) и от обычных аффиксов (접사일반) [там же, с. 112].

Ли Гынён в томе “Морфология” из серии по теоретической грамматике корейского языка [21] подчёркивает, что при анализе агглютинативного языка нельзя слепо использовать понятия и термины, разработанные для флективных языков. Поэтому исследователи корейского языка взяли оригинальный термин *тхо* для обозначения агглютинативных элементов (교착물) корейского

языка, не будучи удовлетворёнными термином «аффикс» (뎃붙이) из лингвистики, сложившейся в основном на материале флективных языков. И в таких исканиях, по его мнению, есть позитивный аспект [там же, с. 14].

Как отмечается в книге, особо чётко выделяются агглютинативные свойства корейского языка в таких его характеристиках, как образование почти всех грамматических форм при помощи *тхо*; присоединение одних и тех же *тхо* к разным частям речи и к словосочетаниям при том, что части речи меняют свою принадлежность присоединением специальных трансформативных *тхо*; обилие *тхо* (более 300 современных и более 500, если добавить устаревшие); большое разнообразие грамматических значений у *тхо*, включая множество оттенков (существуют даже особые гонорифические *тхо* и *тхо* степеней вежливости адрессива, которые редки в других языках) [там же, с. 15].

Ли Гынён поддерживает определение *тхо* как морфемы, выражающей грамматические значения в слове, данное в Нормах [там же, с. 39], но при этом отмечает, что этот термин – оригинальное наименование агглютинативных элементов корейского языка (조선어의 교착물에 대한 고유한 명칭), а не термин, характеризующий определённую языковую единицу в системе языковых единиц [там же, с. 40].

В имеющихся в нашем распоряжении школьных грамматиках (для 4 класса средней школы и 1-3 классов повышенной средней школы 1969-1978 годов выпуска) составители строго придерживаются Норм 1976 года [17]. Такие же подходы проявляются в учебных пособиях для иностранцев, например, в Самоучителе корейского языка 1994 года [14]. Обращает на себя внимание то, что автор последнего термин *тхо* последовательно переводит на русский язык как “окончание” с учётом языковых представлений иностранных пользователей.

Результаты

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что за 100 с лишним лет развития корейского языкознания концепт *тхо* (сам термин пришёл из особого способа чтения текстов на ханмуне) претерпел немало изменений, но в целом сохранился до наших дней. При этом менялись подходы к определению сущности *тхо*, их наполнения и классификации.

В настоящее время в КНДР термином *тхо* обозначают максимально широкий круг грамматических формантов (то, что раньше относилось к окончаниям, суффиксам, частицам), что идёт от традиции последней работы Чу Сигёна 1914 года. В РК же вслед за концепцией Чхве Хёнбэ, восходящей к 20-30-м годам прошлого века, термином *тхо* (토씨) называют именные форманты, относя их к частицам, а предикативные – окончаниями (씨 끝); при этом исконным терминам часто предпочитают синокорейские.

Подходы к этой проблематике советских (А.А. Холодович, Ю.Н. Мазур, Л.Б. Никольский) и российских корееведов представляют отдельную большую тему для исследования, особенно если иметь в виду пересмотр своих воззрений авторами на протяжении десятилетий.

В целом же можно сказать в заключение, что подходы к описанию грамматики корейского языка могут быть разные, то есть допускается многовариантность. Главное – чтобы была соблюдена системность описания и учитывались особенности объекта исследования – корейского языка агглютинативного типа. Кроме того, для преподавания важны также логичность и рациональная простота построения грамматической картины, если только она не противоречит языковому материалу.

Естественно, настоящая статья не расставляет все точки на “i”, а приглашает коллег к дальнейшей дискуссии.

© Сухинин В.Е., 2023

Список литературы

1. Алпатов В.М. Японский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык / В.М. Алпатов. М.: Индрик, 1997. 408 с.
2. Аникина В.В. Зарождение и становление лингвистической традиции в Корее / В.В. Аникина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 2014. 168 с.
3. Большой корейско-русский словарь. В двух томах / под редакцией Л.Б. Никольского и Цой Ден Ху. М.: "Русский язык", 1976. 812 + 672 с.
4. Корейско-русский словарь. Составил А.А. Холодович. Издание третье, репродуцированное со второго издания 1958 г. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959. 896 с.
5. Корейско-русский словарь / под редакцией Ко Хёна. Пхеньян, "Наука и энциклопедия". М.: "Русский язык", 1994. 892 с.
6. Мазур Ю.Н. Склонение в корейском языке / Ю.Н. Мазур. М.: Издательство МГУ. 1962. 116 с.
7. Мазур Ю.Н. Чу Си Гён и современное корейское языкознание. // Проблемы Дальнего Востока. 1974. № 2. С. 203-207.
8. Никольский Л.Б. Служебные слова в корейском языке / Л.Б. Никольский. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 180 с.
9. Пашковский А.А. Слово в японском языке / А.А. Пашковский. М.: URSS. Издание второе, исправленное. 2006. 208 с.
10. Сухинин В.Е. В память о Чу Сигёне // Вестник российского корееведения. 2014. № 6. С. 138-140.
11. Яхонтов С.Я. Китайская языковедческая традиция // Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В.Н. Ярцева. М.: "Советская энциклопедия", 1990. С. 225.
12. A Korean-English Dictionary by James Scarth Gale (Seoul, Korea). Printed by Fukuin Printing Co., Ltd., Yokohama, 1911 (Первое издание 1897 г.). 1155 p.
13. 고등 학교 문법. 서울대학교 사범대학 국어표준연구소 교육부, 서울 [Грамматика для старшей школы. Отдел образования НИИ обучения государственному языку Педагогического института Сеульского университета]. Сеул. 2000 (1996 – первое издание). 237 с.
14. 공익현. 혼자서 배울 수 있는 조선말. 평양. 외국문도서관출판사 [Ким Ихён. Самоучитель корейского языка]. Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках. 1994. 1080 с.
15. 국어대사전, 1-2 권, 서울, 금성출판사 [Большой словарь государственного языка. В 2 томах]. Сеул: Изд-во "Кымсон". 1993 (5 тираж; 1991 – первый тираж). 3812 с.
16. 국어대사전 (남광우, 이응백, 이을환 - 감수자), 서울, 민중서관 [Большой словарь государственного языка]. Редакторы: Нам Гвану, Ли Ынбэк, Ли Ырхван. Сеул: Из-во "Минджун согван". 1992. 1830 + 40 с.
17. 국어문법 중학교 제 4 학년용, 평양, 교육도서출판사, 1969; 국어문법 고등학교 제 1 학년용, 평양, 교육도서출판사, 1978; 국어문법 고등학교 제 2 학년용, 평양, 교육도서출판사, 1978; 국어문법 고등학교 제 3 학년용, 평양, 교육도서출판사, 1978 [Грамматика родного языка. Для 4 класса средней школы; для 1-3 классов старшей школы]. Пхеньян: Изд-во учебной литературы. 1969, 1978.
18. 김병제, 조선어학사. 평양. 과학백과사전출판사 [Ким Бёндже. История корейского языкознания]. Пхеньян: Изд-во "Наука и энциклопедия". 1984. 276 с.
19. 김용구. 조선어문법. 평양, 사회과학출판사 [Ким Ёнгу. Грамматика корейского языка]. Пхеньян: Изд-во литературы по общественным наукам. 1989. 367 с.
20. 남기십, 고영근, 표준국어문법. 개정판. 서울. 탐출판사 [Нам Гисим, Ко Ёнгин. Стандартная грамматика государственного языка]. Исправленное издание. Сеул: Изд-во «Тхап». 1998. (1985 – первое издание, 1993 – исправленное издание). 461 с.
21. 리근영. 조선어리론문법 (형태론), 평양. 과학백과사전출판사 [Ли Гынён. Теоретическая грамматика корейского языка (Морфология)]. Пхеньян: Изд-во «Наука и энциклопедия». 1985. 304 с.
22. 文世榮, 朝鮮語辭典. 경성. [Мун Сеён, Словарь корейского языка]. Сеул. 1938. 1634 + 26 + 23 с.
23. 朴相稜, 朝鮮語 文法, 평양 [Пак Санджун. Грамматика корейского языка]. Пхеньян. 1948. 220 с.
24. 불자수행집, 팔달선원, 수원, 불기 2537 [Справочник по практике буддизма]. Монастырь Пхальгаль, Сувон, РК, 2537 г. буддийской эры. 1994. 248 с.
25. 백과전서, 전 6 권, 평양. 과학백과사전출판사 [Энциклопедия. В 6 томах]. Пхеньян: Изд-во "Наука и энциклопедия". 1984.
26. 申昌淳. 二十一世紀의 國語文法 - 國語統辭構造研究. 서울. 태학사. [Син Чхансун. Грамматика государственного языка в XXI веке – Изучение синтаксической структуры государственного языка]. Сеул: Изд-во "Тхэхакса". 2019. 231 с.
27. 世界大百科事典. [New World Encyclopedia]. 서울. 韓國教育文化社 [Всемирный энциклопедический словарь]. Сеул: Изд-во "Корейское образование и культура". 1995. 1772 с.
28. 조선말대사전, 1-2 권, 평양. 사회과학출판사 [Большой словарь корейского языка. В 2 томах]. Пхеньян: Изд-во литературы по общественным наукам. 1992. 1990 + 2160 с.
29. 조선말사전, 전 6 권, 평양, 과학원 출판사 [Словарь корейского языка. В 6 томах]. Пхеньян: Изд-во Академии наук КНДР. 1960-1962.
30. 조선말사전, 평양, 과학백과사전출판사 [Словарь корейского языка]. Пхеньян: Изд-во "Наука и энциклопедия". 2004. 1727 с.
31. 조선문화어문법. 평양, 과학백과사전출판사 [Грамматика корейского культурного языка]. Пхеньян: Изд-во «Наука и энциклопедия». 1979. 456 с.
32. 조선문화어문법규범. 평양. 김일성종합대학출판사 [Грамматические нормы корейского культурного языка]. Пхеньян: Изд-во Университета имени Ким Ирсена. 1976. 550 с.

33. 조선어문법, 조선어문학회. 평양 [Грамматика корейского языка. Корейское филологическое общество]. Пхеньян. 1949. 400 с.
34. 조선어문법. 1 과학원 언어문학연구소, 평양. 과학원출판사 [Грамматика корейского языка. Том 1. Институт языка и литературы АН КНДР]. Пхеньян: Изд-во Академии наук. 1960. 480 с.
35. 조선어문법. 김일성종합대학 어문학연구소 조선어학연구소. 평양. 고등교육도서출판사 [Грамматика корейского языка. Отдел корейского языка, Институт филологии Университета имени Ким Ирсена]. Пхеньян: Изд-во литературы для высшей школы. 1964. 531 с.
36. 주시경유고집. 평양. 조선민주주의인민공화국과학원 [Рукописное наследие Чу Сигёна]. Пхеньян: АН КНДР. 1957. 236 с.
37. 최현배. 조선말본, 서울, 정음사 [Чхве Хёнбэ. Грамматика корейского языка]. Сеул: Изд-во “Чонымса”. 1949 (9 издание, первое издание – 1948, 1). 123 с.
38. 최현배. 우리말본. 서울. 정음문화사 [Чхве Хёнбэ. Грамматика родного языка]. Сеул: Изд-во “Чоным мунхваса”. 1999 (18 издание. 1929 – первое издание. 1955 – дополненное и исправленное. 1961 – третье исправленное издание). 938 с.
39. 토문제 // 조선어문법리론집. 2. 편자 김백련. 평양. 김일성종합대학출판사 [Проблема *тохо* // Сборник по теории грамматики корейского языка]. Том 2. Составитель Ким Бэкрён. Пхеньян: Изд-во Университета имени Ким Ирсена. 1966. С. 44- 152.
40. (필승) 중학 국어 문법, 송재욱 저 (1, 2, 3 학년용). 서울. 과학사 [Грамматика государственного языка для средней школы]. Составитель Сон Джэук (для 1, 2, 3 классов). Сеул: Изд-во «Квахакса». 1993 (переиздание). 160 с.
41. (하이라이트) 高校 文法 자습서, 조규빈 편서. 서울. 志學社 [Самоучитель по грамматике для старшей школы]. Составитель Чо Гюбин. Сеул: Изд-во «Чихакса», 1994. 335 с.
42. 한국어 표준문법 [Standard Korean Grammar]. 서울, 집무당 [Стандартная грамматика корейского языка]. Сеул: Изд-во «Чипмудан». 2020 (4 тираж первого издания; 2018 – 1 тираж первого издания). XXXIII + 692 с.
43. 한국어의 토씨와 씨끝. 김승건 엮음. 서울. 서광학술자료사 [Частицы и окончания в корейском языке]. Составитель Ким Сынгон. Сеул: Изд-во научных материалов «Согван». 1992. 646 с.
44. 외국인을 위한 한국어 문법, 1 체계편. 국립국어원 지음. 서울. 커뮤니케이션 북스 [Грамматика корейского языка для иностранцев. Часть 1 «Система»]. Составлено Государственным центром родного языка. Сеул: Изд-во «Комюникейшн 북스». 2005. 570 с.

References

1. Alpatov, V. M. *Iaponskiy iazyk // Iazyki mira. Mongolskie iazyki. Tunguso- manchzhurskie iazyki. Iaponskiy iazyk. Koreyskiy iazyk*. M.: Indrik [Japanese language // Languages of the World. Mongolian languages. Tungus-Manchu languages. Japanese language. Korean language. Moscow, “Indrik”]. 1997. 408 p.
2. Anikina, V.V. *Zarozhdenie i stanovlenie lingvisticheckoy traditsii v Koree*. [Origin and development of linguistic tradition in Korea. Moscow], M.: Izdatelskiy dom Vyshey shkoly ekonomiki [“Higher School of Economics Publishing House”]. 2014. 168 p.
3. *Bolshoy koreysko-russkiy slovar*. V dvukh tomakh. Pod redaktsiey L.B. Nikolskogo i Tsoy Den Khu. M.: “Russkiy iazyk” [Big Korean-Russian Dictionary. In two volumes. Edited by L.B. Nikolsky and Choi Jeong Hu. Moscow, “Russkiy iazyk”]. 1976. 812 + 672 p.
4. *Koreysko-russkiy slovar*. Sostavil A.A. Kholodovich. Izdanie tretye. reproducirovannoye so vtorogo izdaniia 1958 g. M.: Gosudarstvennoe izdatelstvo inostrannykh i natsionalnykh slovarey [Korean-Russian Dictionary. Compiled by A.A. Kholodovich. Third edition, reproduced from the second edition of 1958. Moscow, “State Publishing House of Foreign and National Dictionaries”]. 1959. 896 p.
5. *Koreyskogo-russkiy slovar*. Pod redaktsiey Ko Khena. [Korean-Russian Dictionary. Edited by Ko Hyeon] Pyongyang: “Nauka i entsiklopediia” – Moskva: “Russkiy iazyk”. 1994. 892 p.
6. Mazur, Yu.N. *Sklonenie v koreyskom iazyke*. [Declination in Korean language]. M.: Izdatelstvo MGU Moscow, 1962. 116 p.
7. Mazur, Yu.N. *Chu Si Gen i sovremennoe koreyskoe iazykoznanie [Chu Sigyeong and modern Korean linguistics] // Problemy Dalnego Vostoka* [“Problems of the Far East”] // 1974. № 2. P. 203-207.
8. Nikolskiy, L.B. *Sluzhebnye slova v koreyskom iazyke* [Syntactic words in Korean language]. M.: Izdatelstvo vostochnoy literatury. 1962. 180 p.
9. Pashkovskiy, A.A. *Slovo v iaponskom iazyke* [Word in the Japanese language]. M.: URSS. Izdaniye vtoroye. Ispravlennoe [Moscow, “URSS”. Second edition. Revised]. 2006. 208 p.
10. Sukhinin, V.E. *V pamyat o Chu Sigene*. [In memory of Chu Sigyeong] // *Vestnik rossiyskogo koreevedeniia* [Proceedings of Korean Studies in Russia]. 2014. № 6. P. 138-140.
11. Yakhontov, S.Y. *Kitayskaia iazykovedcheskaia traditsiia* [Chinese linguistics tradition] // *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar*. [Linguistic Encyclopedia Dictionary]. Glavnyy redaktor Iartseva V.N. Moskva. “Sovetskaia entsiklopediia” // Editor-in-chief V.N. Iartseva. Moscow, “Soviet Encyclopedia” Publishing House. 1990. P. 225.
12. *A Korean-English Dictionary* by James Scarth Gale (Seoul, Korea). Printed by Fukuin Printing Co., Ltd., Yokohama, 1911 (First Edition 1897). 1155 p.
13. *고등 학교 문법*. 서울대학교 사범대학 국어표준연구소 교육부, 서울 [Grammar for High School. Seoul National University Teachers Training College, Education Department of Standard Korean Institute, Seoul]. 2000 (1996 – first edition). 237 p.
14. 공익현. *혼자서 배울 수 있는 조선말*. 평양. 외국문도서출판사 [Kim Ikhyeon, *Korean Teach-yourself Book for Russian speakers*]. Pyongyang.: Foreign Languages Publishing House. 1994. 1080 p.

15. 국어대사전, 1-2 권, 서울, 금성출판사 [*Big Dictionary of the Korean language. In two volumes.* Seoul: Kumsong Publishers]. 1993 (5th print; 1991 – first print). 3812 p.
16. 국어대사전 (남광우, 이응백, 이을환 - 감수자), 서울, 민중서관 [*Big dictionary of the Korean language*]. Editors Nam Gwangu, Lee Eunbaek, Lee Eulhwan, Seoul: Minjung seogwan Publishers. 1992. 1830 + 40 p.
17. 국어문법 중학교 제 4 학년용, 평양, 교육도서출판사, 1969; 국어문법 고등학교 제 1 학년용, 평양, 교육도서출판사, 1978; 국어문법 고등학교 제 2 학년용, 평양, 교육도서출판사, 1978; 국어문법 고등학교 제 3 학년용, 평양, 교육도서출판사, 1978. [*Mother Tongue Grammar. For 4th form of middle school; For 1-3 forms of high school*]. Pyongyang: Education Books publishing House. 1969, 1978.
18. 김병제, 조선어학사. 평양. 과학백과사전출판사 [Kim Byeongje. *History of Korean linguistics.*] Pyongyang: “Science and Encyclopedia” Publishing House. 1984. 276 p.
19. 김용구. 조선어문법. 평양, 사회과학출판사 [Kim Yonggu. *The Korean language grammar*]. Pyongyang: “Social science books” Publishing House. 1989. 367 p.
20. 남기십, 고영근, 표준국어문법. 개정판. 서울. 탑출판사 [Nam Gisim, Ko Yeonggeun. *Standard grammar of the Korean language*]. Revised edition. Seoul: “Thap” Publishers. 1998 (1985 – 1st edition, 1993 – revised edition). 461 p.
21. 리근영. 조선어리론문법 (형태론), 평양. 과학백과사전출판사 [Lee Geunyeong. *Theoretical grammar of the Korean language (Morphology)*]. Pyongyang: “Science and Encyclopedia” Publishing House. 1985. 304 p.
22. 文世榮, 朝鮮語辭典. 경성. [Mun Seyeong. *The Korean language dictionary*] Seoul. 1938. 1634 + 26 + 23 p.
23. 朴相稜, 朝鮮語 文法, 평양 [Park Sangjun. *The Korean language grammar*]. Pyongyang. 1948. 220 p.
24. 불자수행집, 팔달선원, 수원, 불기 2537 [*Buddhist practice guide*]. Phaltal Temple, Suwon, ROK. 2537 of Buddhist Era. 1994. 248 p.
25. 백과전서, 전 6 권, 평양. 과학백과사전출판사 [*Encyclopedia. In 6 volumes*]. Pyongyang: “Science and Encyclopedia” Publishing House. 1984.
26. 申昌淳. 二十一世紀의 國語文法 - 國語統辭構造研究. 서울. 태학사. [Shin Changsun. *Mother tongue grammar in the XXIst century - Study of the syntactic structure of the Korean language*]. Seoul: “Thaehaksa” Publishers. 2019. 231 p.
27. 世界大百科事典. [*New World Encyclopedia*]. 서울. 韓國教育文化社. Seoul: “Korean Education and Culture” Publishers. 1995. 1772 p.
28. 조선말대사전, 1-2 권, 평양. 사회과학출판사 [*Big dictionary of the Korean language. In 2 volumes*]. Pyongyang: “Social Science Books” Publishing House). 1992. 1990 + 2160 p.
29. 조선말사전, 전 6 권, 평양, 과학원 출판사 [*The Korean language dictionary. In 6 volumes*]. Pyongyang: DPRK Academy of Sciences Publishing House). 1960-1962.
30. 조선말사전, 평양, 과학백과사전출판사 [*The Korean language dictionary*]. Pyongyang: “Science and Encyclopedia” Publishing House). 2004. 1727 p.
31. 조선문화어문법. 평양, 과학백과사전출판사 [*Grammar of Korean cultural language*]. Pyongyang: “Science and Encyclopedia” Publishing House. 1979. 456 p.
32. 조선문화어문법규범. 평양. 김일성종합대학출판사 [*Grammatical norms of Korean cultural language*]. Pyongyang: Kim Il-sung University Publishing House). 1976. 550 p.
33. 조선어문법, 조선어문학회. 평양 [*The Korean language grammar. The Korean Philological Society*]. Pyongyang. 1949. 400 p.
34. 조선어문법. 1. 과학원 언어문학연구소, 평양. 과학원출판사 [*Korean grammar. Volume 1.*]. Institute of language and literature of the DPRK Academy of Sciences. Pyongyang: Academy of Sciences Publishing House. 1960. 480 p.
35. 조선어문법. 김일성종합대학 어문학연구소 조선어학연구소. 평양. 고등교육도서출판사 [*Korean grammar*]. Kim Il-sung University Institute of Philology, Department of the Korean Language. Pyongyang: Higher School Books Publishing House. 1964. 531 p.
36. 주시경유고집. 평양. 조선민주주의인민공화국과학원 [Chu Sigyeong works heritage]. Pyongyang. DPRK Academy of Sciences). 1957. 236 p.
37. 최현배. 조선말본, 서울, 정음사 [Choi Hyeonbae. *Korean grammar*]. Seoul.: “Cheongumsa” Publishers. 1949 (9th edition, 1st edition – 1948, 1).123 p.
38. 최현배. 우리말본. 서울. 정음문화사 [Choi Hyeonbae. *Mother tongue grammar*]. Seoul: “Cheongum munhwasa” Publishers. 1999 (18th edition. 1929 – 1st edition, 1955 – revised and enlarged edition, 1961 – 3rd revised edition). 938 p.
39. 토문제 // 조선어문법리론집. 2. 편자 김백련. 평양. 김일성종합대학출판사 [Problem of tho // *Materials on the theory of Korean language grammar. Volume 2.*]. Compiled by Kim Baekryeong. Pyongyang.: Kim Il-sung University Publishing House. 1966. P. 44-152.
40. (필승) 중학 국어 문법, 송재욱 저 (1, 2, 3 학년용). 서울. 과학사 [*Mother tongue grammar for middle school*]. Compiled by Song Jaeok (for grades 1, 2, 3). Seoul: “Kwahaksa” Publishers. 1993 (reprint). 160 p.
41. (하이라이트) 高校 文法 자습서, 조규빈 편서. 서울. 志學社. [*Self-taught Korean grammar for high school*]. Compiled by Cho Gyubin. Seoul: “Chihaksa” Publishers. 1994. 335 p.
42. 한국어 표준문법. 서울, 집무당 [Standard Korean Grammar]. Seoul: “Chipmudang” Publishers). 2020 (4th print of the 1st edition, 2018 – 1st print of the 1st edition). XXXIII + 692 p.
43. 한국어의 토씨와 씨끝. 김승건 엮음. 서울. 서광학술자료사 [*Particles and endings in Korean*]. Compiled by Kim Seung-geon. Seoul: “Seogwang” Science Materials Publishing House. 1992. 646 p.
44. 외국인을 위한 한국어 문법, 1 체계편. 국립국어원 지음. 서울. 커뮤니케이션 북스 [*Korean language grammar for foreigners*]. Volume 1 – structures. Compiled by the State Korean Language Center. Seoul: Communication Books Publishers). 2005. 570 p.

Сведения об авторе:

Сухинин Валерий Евгеньевич – доцент ВАК, Чрезвычайный и Полномочный Посол, профессор кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: корееведение, включая язык, литературу, историю Кореи, российско-корейские отношения. Email: v.e.suhinin@yandex.ru; v.sukhinin@my.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0002-3083-5506

About the author:

Valery E. Sukhinin, Associate Professor in Oriental Languages, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Professor at the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian Languages MGIMO University. Research interests: Korean studies, including language, culture, and history of Korea and Russian-Korean relations. Email: v.e.suhinin@yandex.ru; v.sukhinin@my.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0002-3083-5506

* * *

CRITERIA FOR ASSESSING INTERPRETATION FROM THE TEXTUAL AND SPEECH ASPECTS PERSPECTIVES

Svetlana K. Pavlikova

Odintsovo Affiliate of MGIMO University,
3, Ul. Novosportivnaya, 143007, Odintsovo, Russia

Victor I. Yershov

MGIMO University,
76, Prospect Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia

Abstract. The comparative analysis of a range of interpretation assessment scales and criteria that focus on textual, speech and behavioural aspects has helped identify the core area of interpretation assessment criteria, which includes the parameters concerned with the faithfulness of meaning transfer and the quality of target language production, as well as phonologic aspects of interpreter speech, including prosody, the latter two subsumed under the rubric “Delivery” in the aforementioned scales and sets of criteria. Two professional interpreter performance assessment scales have been analyzed from the point of view of the criteria of assessment presented therein. Various other interpretation assessment instruments were further studied to identify the core area of interpretation assessment criteria – the criteria found across the selection of the assessment instruments – and the variable area – those that are found in some of the assessment instruments included in this study. As shown by our comparative analysis, apart from the criteria relating to meaning transfer, target language quality, and phonology that form the core area of interpretation assessment criteria, this area also includes the parameters concerned with such phenomena as vocalized pauses, backtracking, self-corrections, repetitions, and false starts, the status of which within the area of interpretation assessment has not been fully defined. We propose that these core criteria be understood as breakdowns in the implementation of the speech programme. Aspects of an interpreter’s behaviour (kinesthetics, proxemics) that also come under the rubric “Delivery” in interpretation assessment criteria, however, form the variable zone alongside the parameters related to an interpreter’s unconscious mechanical behaviour.

Keywords: interpretation instruction, assessment, criteria-based assessment, criteria-based assessment of interpretation, assessment scales, descriptors

For citation: Svetlana Pavlikova, Victor Yershov (2023). Criteria for assessing interpretation from the textual and speech aspects perspectives. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(4), pp. 69–82. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-69-82>

КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ УСТНОГО ПЕРЕВОДА КАК ПРОДУКТА РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

С.К. Павликова

Одинцовский филиал Московского государственного института
международных отношений МИД России,
143007, Россия, Одинцово, ул. Новоспортивная, 3.

В.И. Ершов

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема оценивания в контексте обучения устному переводу. Рассмотрено критериально-ориентированное оценивание, основанное на использовании рейтинговой шкалы. Сравнительный анализ ряда шкал и критериев оценки устного перевода как продукта речевой деятельности студентов помог выделить основную зону критериев оценки устного перевода, которая включает параметры, оценивающие верность передачи смысла исходного текста и соответствие переведённого текста нормам переводящего языка, а также фонологические (в том числе просодические) аспекты речи переводчика, которые в вышеупомянутых шкалах и критериях относятся к параметру «Подача». Были проанализированы две профессиональные шкалы оценки устного перевода, разработанные в рамках проектов «Межучрежденческий языковой/лингвистический круглый стол / Interagency Language Roundtable» (США) и шкала австралийской организации по аккредитации устных переводчиков NAATI. Шкалы были проанализированы с точки зрения содержащихся в них критериев оценки. Далее были изучены инструменты оценки устного перевода студентов с целью выявления критериев оценки устного перевода, встречающихся в большинстве проанализированных инструментов оценки (основная зона), и критериев, которые отмечаются лишь в некоторых рассмотренных инструментах (вариативная зона). Как показал сравнительный анализ, помимо критериев, оценивающих содержательную и языковую/стилистическую стороны перевода, а также фонологические аспекты речи (в том числе просодику), основная зона также представлена параметрами, имеющими отношение к таким явлениям, как вокализованные паузы, самокоррекция, повторы и фальстарты, статус которых в области оценки устного перевода до конца не определён. Мы предполагаем, что параметры, относящиеся к этим явлениям, входят в основную зону критериев оценки и должны интерпретироваться как сбои в реализации речевой программы. Аспекты поведения переводчика (кинестетика, проксемика), которые также рассматриваются в рамках критерия «подача», входят в вариативную зону наряду с параметрами, соотносимыми с бессознательным механическим поведением переводчика.

Ключевые слова: Методика обучения устному переводу, оценивание, критериально-ориентированное оценивание, критерии оценивания устного перевода, оценочные шкалы, дескрипторы

Для цитирования: Павликова С.К., Ершов В.И. (2023). Критерии оценивания устного перевода как продукта речевой деятельности студентов. *Филологические науки в МГИМО*. 9(4), С. 69–82. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-69-82>

Введение

В современных условиях интенсивного развития общества повышение качества и эффективности подготовки переводчиков сохраняет актуальность. Одним из способов оптимизации переводческой подготовки является совершенствование процедур оценивания. Оценивание получило широкое освещение в методической литературе по подготовке переводчиков. Ряд исследований рассматривают оценивание для выявления профессионального уровня владения устным переводом [12], [18]. Ещё одно направление исследований включает работы, посвящённые оцениванию качества устного перевода как продукта речевой деятельности студентов [1], [2], [3], [9], [10], [14], [18], [22], [23], [24], [25]. В ряде исследований, направленных на оценивание качества перевода студентов, оно рассматривается как инструмент выявления индивидуальных трудностей обучающихся [14], [17], [22], [23]. Имеются исследования, посвящённые надёжности тестов и стратегиям оценивания экзаменаторов [26]. Отдельные исследования рассматривают оценивание в рамках процесса сертификации профессиональных переводчиков [15], [16], [19]. Помимо прочего, есть авторы, которые рассматривают проблему оценки способностей будущих студентов-переводчиков [13]. В настоящем исследовании мы сосредоточим внимание на аспектах оценивания качества перевода как продукта речевой деятельности студентов-переводчиков.

Исходя из фундаментальных положений теории деятельности [7], речевая деятельность представляет собой «активный, целенаправленный, мотивированный, предметный (содержательный) процесс выдачи и (или) приёма сформированной и сформулированной посредством языка мысли (волеизъявления, выражения чувств), направленный на удовлетворение коммуникативно-познавательной потребности человека в процессе общения» [4, с. 51]. Продуктом речевой деятельности является текст, то есть «сложное, неоднородное, многоплановое явление» (И.А. Зимняя), в котором может быть выделено несколько планов, или уровней: мотивационный, предметный, план смыслового содержания, план языкового оформления [там же, с. 167, 168], а также фонационный план звучащего текста (интонационно-произносительные особенности) [там же, с. 210–219]. Совершенствование процедур оценивания текста перевода как продукта речевой деятельности студентов представляется значимым с точки зрения формирования умений перевода. Критериальное оценивание, предположительно, повышает объективность оценки; позволяет осуществлять экспертизу результативности курса, этапа, программы обучения; вносить обоснованные изменения в программу обучения с учётом трудностей обучающихся; созданные на основе критериев листы взаимной проверки и самопроверки позволяют организовать такие формы работы, как парная и групповая, а также являются инструментом развития рефлексии и средством формирования интеллектуальных действий оценивания и контроля как основы становления важнейших для переводчика метакогнитивных умений.

Критериальное оценивание деятельности студентов

В соответствии с современными подходами, оценивание компетентности студента-переводчика осуществляется на основе критериев / критериального оценивания. Согласно одним источникам, оценивание (assessment) рассматривается в рамках функции контроля: как «измерение, определение, оценка уровня... компетенции, то есть на первое место выдвигается оценочная функция контроля»¹. С другой стороны, оценивание определяется с позиций *применения* опыта обучающего, когда оценке подлежит *реализация* сформированных умений (компетенций) в деятельности (компетентность) [5, с. 105]. Критериально-ориентированное оценивание как вид оценивания

¹ Колесникова И.Л. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков: справочное пособие / И.Л. Колесникова, О.А. Долгина. М.: Дрофа, 2008. С. 346.

компетентности обучающегося [8] основано на использовании рейтинговой шкалы – «континуума от полного несоответствия требованиям владения до полного соответствия» [5, с. 107]. Уровни шкалы рассматриваются как уровни владения деятельностью. Уровни описываются с помощью ряда дескрипторов [там же, с. 107], а оценивание осуществляется на основе соотнесения дескрипторов и умений, демонстрируемых обучающимся в деятельности. В свою очередь, критерии оценивания как стандарты соответствия указывают на составляющие подлежащих оцениванию умений [8]. Рейтинговые шкалы лежат в основе уровневых систем оценивания, с помощью которых демонстрируемые умения (компетенции) путём подбора дескрипторов соотносятся с тем или иным уровнем владения деятельностью (переводом).

Рейтинговые шкалы оценивания профессионального устного перевода

Рейтинговые шкалы для оценивания профессионального уровня владения устным переводом (уровневые шкалы) направлены на оценивание реализации профессиональных компетенций специалиста в самой переводческой деятельности и предлагают ориентиры для разработки учебных шкал оценивания перевода студентов-переводчиков. Одна из таких рейтинговых шкал предложена в рамках проекта *Interagency Language Roundtable (ILR)* («Межучрежденческий языковой/лингвистический круглый стол»). Данный проект ориентирован на разработку линейки шкал для оценивания уровня владения языком и переводом госслужащими федеральных правительственных учреждений Соединённых Штатов Америки². Отметим, что шкала применяется при оценивании трёх видов устного перевода (синхронного, последовательного и перевода с листа). Описаны 3 диапазона (профессиональный, ограниченный оперативный и минимальный) и 10 уровней владения (нулевой уровень характеризуется как отсутствие владения деятельностью). Уровни 5, 4+, 4, 3+, 3 определяются как профессиональные. Межуровневые различия, свидетельствующие о разных уровнях владения устным переводом, прослеживаются в формулировках дескрипторов, выраженных оценочными качественными характеристиками (*to excel/делать исключительно хорошо; mastery/мастерство; to exemplify the highest standards/является образцом высочайших стандартов; adequate delivery/приемлемая подача*), а также наречиями (*often/часто, rapidly/оперативно*). Уровневая шкала оценивания ILR эксплицитно не содержит параметров оценки устного перевода, которые, впрочем, содержатся в ней в имплицитном виде.

Помимо этого, линейка шкал для определения уровня владения устным переводом разработана австралийской организацией по аккредитации письменных и устных переводчиков NAATI. На сайте этой австралийской организации по аккредитации переводчиков представлены шкалы для определения уровня владения переводом с листа, последовательным и синхронным видами перевода³. Три шкалы включают 5 уровней, среди которых первый уровень характеризуется наивысшей степенью профессионализма, а на последнем, пятом уровне владение переводом не описывается. Межуровневые различия выражены такими качественными характеристиками в дескрипторах, как *minor, major, some, limited*, по (незначительный, значительный, некоторый, ограниченный, отсутствие), оценочной фразой *skilfully applies* (умело применяет).

Шкала для определения уровня владения устными видами перевода NAATI содержит критерии (параметры) оценивания. Данная шкала предусматривает в качестве объекта оценивания два класса компетенций – переводческие (компетенции переноса) и языковые, при этом ряд аспектов, связанных с фонологическим оформлением высказывания и кинестетико-проксемическим поведением, несмотря на разнородность стоящих за ними явлений, отнесены к рубрике «риторические компетенции» – подтип переводческих компетенций. Причины рассмотрения фонологических, в том числе просодических параметров речи (таких как владение голосом) с позиций компетен-

² ILR Homepage (govtilr.org) [Электронный ресурс] (дата доступа 20.03.2023).

³ Certified-Interpreter-Assessment-Rubrics.pdf (naati.com.au) [Электронный ресурс] (дата доступа 20.02.2023).

ций переноса не вполне понятны: если, например, интонирование высказывания имеет отношение к коммуникативному намерению говорящего, которое необходимо при переводе сохранить, то этого нельзя сказать о таких параметрах, как произношение, темп, громкость и тембр речи. Кроме того, и в этой шкале, как и в предыдущей, дескрипторы носят оценочный качественный характер (*умело, отлично*) и содержательно мало определены, в том числе количественно. И так, шкалы ILR и NAATI ориентированы на холистическое оценивание высоко профессиональными переводчиками (профессиональные шкалы) и не содержат достаточно подробных и объективных дескрипторов, а шкала NAATI, кроме прочего, содержит параметры оценивания, теоретические основания для выделения которых недостаточно определены. Данные профессиональные шкалы имеют ценность для обучения переводческой деятельности, поскольку предлагают ориентиры для разработки инструментов оценивания, однако они были бы недостаточными в контексте обучения переводу, поскольку не позволяют подробно описать результаты переводческой деятельности индивидуального студента.

Критерии оценивания устного перевода студентов

Ряд работ направлен на определение параметров для оценивания устного перевода студентов. Имеется консенсус в том, что устный перевод оценивается как с точки зрения содержания (соответствие содержания переведённого текста содержанию исходного текста), так и с позиций способа презентации данного содержания средствами переводящего языка (выражение и подача) [21, с. 204], однако нет единства мнений в том, каким должен быть эффективный и прозрачный инструмент оценивания. Например, в исследовании Аликиной Е.В. [1, с. 69] рассматриваются следующие параметры оценки, сформулированные с позиций категоризации ошибок и вычета баллов. Первый критерий оценивания устного перевода – «понимание». Он включает следующие параметры: «пропуск фактов, искажение логики и фактов, добавления, переспросы» [там же]. Вторым параметром оценивания – «выражение», который включает параметры: «лексико-грамматические ошибки, стилистические ошибки, самоисправления и повторы, незаконченные фразы, сорная лексика и фонологические отклонения» [там же]. Третий критерий оценивания – «поведение», и он включает параметры: «излишне тихий/громкий голос, паузы и медленный темп, отсутствие обращенности, несоответствующая поза, чрезмерная жестикация» [там же].

В приведённом оценочном инструменте второй критерий «выражение» обобщает разнородные параметры, а именно стилистические и фонологические, а третий критерий «поведение» обобщает ещё некоторые фонологические параметры (просодические аспекты речи, такие как качество голоса и темп речи) и кинесико-проксемические поведенческие параметры (жестикация, поза).

Ещё одно исследование рассматривает параметры оценивания устного перевода студентов. Работа С. Келлетт делает упор на фонологические аспекты речи студента-переводчика и его кинесико-проксемическое поведение и предлагает такие группы критериев для оценки подачи в процессе устного перевода, как звучание (*voice quality*), выражение лица, контроль рук, поза [17]. Представленный в работе С. Келлетт инструмент оценивания организован в форме проверочного листа, и его достоинством является то, что в нём невербальные и некоторые фонологические, в том числе просодические параметры оценки раскрыты с помощью подробного перечня дескрипторов – прилагательных или фраз с глаголом. Каждый из параметров – «звучание», «выражение лица», «контроль рук», «поза» раскрыт с помощью 8–20 дескрипторов.

Так же параметры оценки устного перевода представлены в крупной монографии по методике подготовки переводчиков Р. Сеттона и Э. Доранта [24, с. 424–425]. Авторы рассматривают три набора критериев (*sets of criteria*): общие (*general*), специфические для вида перевода (*mode-specific*) и поведенческие (*behavioural*). По их мнению, все виды устного перевода (синхронный, последовательный, синхронный с текстом / с листа) должны оцениваться с помощью основных критериев общего характера: содержательная верность оригиналу (*fidelity*); корректность выражения (*expression*) (языковая грамотность перевода); подача (*delivery*) – гладкость и естественность звучания, быстрый темп, способность производить нужное впечатление [там же].

Э. Гиллис рассматривает те же критерии оценки (содержательная верность оригиналу, корректность выражения, подача), при этом более подробно раскрывает их с помощью таких вопросов, как: *Понятен ли смысл текста перевода в целом? Есть ли в переводе нарушения логики? и т.д.* [14, с. 36].

Ещё одним исследованием, направленным на разработку и проверку параметров оценивания устного перевода является исследование Дж. Ли [18]. В представленном в нём инструменте оценивания, нацеленном на формирование внутреннего контроля и самооценки и поэтому имеющим педагогическую направленность, также используются три набора критериев: “Содержательная верность оригиналу” (Accuracy), “Качество переведённого текста” (Target Language Quality), “Подача” (Delivery). Данный инструмент оценивания имеет уровневую шкалу, в которой представлены 7 уровней для оценки качества устного перевода. Межуровневые различия в плане содержания выражаются такими качественными характеристиками, как *в основном* (5-й уровень), *мало незначительных отступлений* (4-й уровень), *много отступлений* (3-й уровень), *серьёзные отступления* (2-й).

Это лишь некоторые из имеющихся критериев оценки устного перевода студентов, и они могут быть очень полезны при обучении студентов-переводчиков. Но чтобы совместить эти разнообразные критерии, необходима их систематизация по единым основаниям. В качестве таковых мы предлагаем использовать уровни текста «как сложного и неоднородного (многопланового) явления» [15, с. 192], которые могут быть соотнесены с дескрипторами, выявленными на основе анализа двух профессиональных шкал оценивания устного перевода (ILR, NAATI) и инструментов оценивания устного перевода студентов, представленных в работах [14], [17], [18], [22], [23], [24], [26].

Передача содержания исходного текста средствами языка перевода будет заслуживать высокой оценки при условии сохранения переводчиком особенностей конкретного текста на всех выделенных И.А. Зимней уровнях текста: **мотивационном, предметно-денотативном, смысловом**, а также в планах: **языковом и фонационном** (выделенный И.А. Зимней речевой план, под которым понимается «своеобразие способов формирования и формулирования мысли» [4, с. 193], не рассматривается в нашей схеме. Сохранение при переводе текстового своеобразия на **мотивационном уровне** выражается в построении текста перевода с тем же коммуникативным намерением, что реализуется в выборе языковых средств, в способах выражения мысли и в интонировании высказывания и что означает достижение прагматической эквивалентности. Сохранение особенностей исходного текста на **предметно-денотативном уровне** выражается в корректном использовании переводчиком специальной терминологии; специфических в культурном отношении понятий; культурных аллюзий, идиом и пр. Следование оригиналу на уровне **смыслового содержания** выражается в верной и корректной передаче всего содержания текста (денотативно-предикатных отношений), в том числе, деталей, нюансов. В **языковом плане** переводчик избегает калькирования и следует нормам и правилам переводящего языка, избегая лексических, грамматических, в том числе синтаксических ошибок; при этом перевод звучит привычно и естественно (идиоматично). В **фонационном плане** переводчик осуществляет эффективный контроль речевой программы⁴: планирует, контролирует начало и окончание высказывания (начинает вовремя и доводит до конца), контролирует программу в момент её развёртывания, обеспечивая соответствие программы условиям осуществления перевода (темпу речи оратора, степени отклонения оратора от заранее написанного текста). Нарушения контроля реализации речевой программы проявляются в паузации, вокализованных паузах хезитации (запаздывание при планировании), самоисправлениях/самоперебивах/ фальстартах, повторах (чрезмерная коррекция)⁵. Также в фонационном плане пе-

⁴ Следует отметить, что внутренняя программа высказывания, согласно А.А. Леонтьеву, представляет собой иерархию пропозиций, она – «содержание высказывания», которое удерживается в оперативной памяти при порождении дальнейших высказываний и которое является инвариантом перевода» [6, с. 115].

⁵ Яковлева Э.Б. в ряде своих работ по феномену хезитации выделяет «две главные функции, которые выполняют хезитационные периоды: функцию планирования проспективной речевой программы и функцию восстановления качества речи, реализуемую в виде контроля и коррекции, внутри которых выделяются и другие функции» [11, с. 95].

реводчик осуществляет эффективный контроль речевого сигнала: чётко и корректно произносит звуки (отсутствие акцента), корректно расставляет ударение и интонирует сообщение⁶; регулирует громкость, тональность голоса, темп речи, обеспечивает нужную степень эмоциональной окрашенности сообщения (избегает монотонности).

Содержание оценивания устного перевода в профессиональной и педагогической практике (выраженное в критериях и дескрипторах) в соотношении с уровнями и планами текста как «сложного и неоднородного (многопланового) явления», выделенными И.А. Зимней, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Соотношение уровней текста как «сложного и неоднородного (многопланового) явления» [4, с. 192] с критериями и дескрипторами оценивания.

Уровень (план) текста по И.А. Зимней	Критерии оценивания по инструментам оценивания	Дескрипторы	Источник
Мотивационный уровень	«содержательная верность оригиналу» / Accurasy [14], [18], [24]	«+» Сообщение передано точно/ с сохранением заложенного коммуникативного эффекта.	[18]
		«+» Переводит смысловое содержание и передаёт коммуникативное намерение без необоснованных опущений, добавлений и искажений.	NAATI
		«+» Верная передача содержания речевого сообщения при достижении семантической и прагматической эквивалентности.	[18]
Предметно-денотативный уровень	«содержательная верность оригиналу» / Accurasy [14], [18], [24]	«+» Владеет... лингво-культурным контекстом и терминологией в специальных отраслях. Может отражать многие нюансы, культурные аллюзии и идиомы. Переводит идиоматические и культурно окрашенные выражения. «-» Может передать часть смысла высказывания при обмене краткими сообщениями, предметное содержание которых является обыденным.	ILR
Смысловой уровень	«содержательная верность оригиналу» / Accurasy [14], [18], [24]	«+» Передаёт выраженный говорящим смысл верно и корректно, в том числе все детали и нюансы, отражает особенности стиля, регистр. Способен осуществлять корректную передачу неформального, формального и в высокой степени формального дискурса.	ILR
Языковой план	«Корректность выражения» / Expression, Target Language Quality [14], [18], [24]	«+» Демонстрирует превосходные навыки устного перевода, в том числе, владение обоими рабочими языками. «-» Может не всегда следовать нормам и правилам переводящего языка. Способ выражения в переводящем языке часто имеет ошибочный характер. Средства выражения могут звучать неестественно или непривычно.	ILR
		«+» Употребляет языковые средства компетентно и идиоматически, что проявляется в совершенном владении прагматическими, лексическими, грамматическими, синтаксическими средствами языка, функциональными стилями и регистрами.	NAATI
		Есть ли грамматические ошибки? Наблюдается ли калькирование? Есть ли неидиоматические обороты речи?	[14]
		«-» Грамматические ошибки, неидиоматические выражения, калькирование, несоответствие перевода нормам целевой культуры или ожиданиям целевой аудитории (неправильный регистр).	[18]

⁶ Зимняя И.А., рассматривая фонационное оформление высказывания, замечает, что нарушение обратной связи (слухового контроля) вследствие «десинхронизации проприоцептивной и слуховой информации о произнесении артикуляционного комплекса... дезорганизуется весь фонационный выход» [4, с. 217], по причине чего в речи переводчика могут присутствовать удлинённые гласные звуки и неестественный интонационный рисунок [4, с. 217].

Фонационный план	"Подача" / Delivery [14], [18], [24].	«-» Прибегает к паузам хезитации, повторам или исправлениям. Паузы хезитации, повторы или исправления могут быть заметными, но они не мешают донесению сообщения.	ILR
		Есть ли паузы хезитации? Наблюдаются ли частые самоисправления?	[14]
		Контроль времени: немедленное начало перевода, соблюдение требований ко времени звучания перевода.	[24]
		Степень синхронизации речи переводчика с речью оратора: Сохраняет ли переводчик достаточную для выполнения перевода степень отставания от оратора, не запаздывает ли чрезмерно и не забегают ли вперёд, особенно при наличии текста перевода? Проверка соответствия устной речи письменному тексту: Следит ли переводчик за отступлениями от письменного текста в устной речи оратора	[24]
фонационный план (просодика)	"Подача" / Delivery [14], [18], [24].	«+» Обладает приятным голосом.	ILR
		«+» Отличное владение голосом. Демонстрирует чёткое произношение; речь беглая, характеризующаяся приятной для восприятия тональностью и громкостью.	NAATI
		Использует ли переводчик голос таким образом, чтобы отчётливо звучал для всех находящихся в помещении?	[24]
		Ясный, чёткий, беглый, колеблющийся, едва слышный, слишком быстрый, слишком медленный, монотонный, высокий, приятный (голос, звучание).	[17]
		«-» Присутствует ли неестественный интонационный рисунок?	[14]
		«-» Монотонная интонация и раздражающе медленный темп речи; некорректное произношение, акцент, неправильное ударение.	[18]

Однако среди рассмотренных нами дескрипторов выделяется ещё ряд таких, которые мы не можем соотнести с текстом как многоуровневым явлением, с тем или иным его уровнем (планом). Рассмотренные дескрипторы содержат указание, во-первых, на **невербальные аспекты речевого общения** (кинестетические), такие как выражение лица, жестикуляция, зрительный контакт с аудиторией; во-вторых, на **непроизвольное поведение (машинальные состояния и действия)**, как то манипуляция с предметами. Наконец, ещё одна группа дескрипторов указывает на **физиологические состояния** (нервная дрожь, дрожь в руках, сглатывание) и образует отдельный класс критериев, которые могут быть также включены в инструменты оценивания устного перевода. Всё это принято относить к параметру "Подача" (Delivery), что ещё раз заставляет убедиться, насколько разнородные критерии оценки принято объединять в одну группу (Таблица 2).

Таблица 2. Поведенческие критерии оценивания устного перевода

Невербальные аспекты поведения (общения): кинестетика	"Подача" / Delivery	«-» Слишком серьёзное, напряжённое, расслабленное, раздражённое выражение лица, гримаса. Жестикуляция.	[17]
		«+»Зрительный контакт с аудиторией.	[24]
Неосознаваемый уровень поведения: машинальные действия и непроизвольные реакции	"Подача" / Delivery	«-»Раздражающий шум (как следствие манипуляции с предметами).	[14]
		«-»Раскачивается, откинулся на стуле и пр. Игра с кольцами, украшениями; поправляет причёску; играет с ручкой; стучит пальцами по столу; покусывает губы; держит руку в кармане.	[16]
		«-» Нервная дрожь, дрожь в руках, сглатывание, вздохи.	[17], [26]

Из приведённого выше описания следует, что критерии оценивания профессионального перевода и перевода студентов обобщаются в следующие группы: «Содержательная верность оригиналу», «Корректность выражения/качество переведённого текста», «Подача». Однако очевидно и то, что содержание данных параметров оценивания устного перевода существенно различается от исследования к исследованию. При этом также очевидно, что часть критериев имеют более частотный характер, что позволяет отнести их к общей зоне, тогда как прочие, будучи менее частотными, относятся к вариативной зоне (периферии). Мы провели сравнительный анализ критериев, представленных в шкалах ILR, NAATI, а также в работах [14], [17], [18], [22], [23], [24], [26] с целью выявления общей зоны, объединяющей наиболее частотные критерии, встречающиеся в большинстве проанализированных работ, а также вариативной (периферийной) зоны, включающей менее частотные критерии оценивания устного перевода.

Результаты исследования

Общая зона: частотные критерии оценки устного перевода

1. Содержательная верность оригиналу (Accuracy)

1.1. В данном критерии отражается требование к содержательному тождеству исходного и переведённого текстов на мотивационном уровне (один из уровней текста как сложного и многопланового явления по И.А. Зимней). Данный параметр встречается в 5 из 9 проанализированных работ и раскрывается в таких дескрипторах, как: *сохранение заложенного коммуникативного эффекта* [18]; *передача коммуникативного намерения*⁷ без необоснованных опущений, добавлений и искажений (NAATI); *верная передача содержания речевого сообщения при достижении семантической и прагматической эквивалентности* [там же].

1.2. Требование к тождеству исходного и переведённого текстов на предметно-денотативном уровне отражается в таких дескрипторах, как: *владение лингво-культурным контекстом и терминологией в специальных отраслях; способность передавать многие нюансы, культурные аллюзии и идиомы* (ILR); *владение терминологией* [22, с. 199]; *некорректное употребление терминов; единство темы* [26, с. 326]. Данный параметр оценки раскрыт в 5 из 9 работ.

1.3. Требование к смысловому тождеству исходного и переведённого текстов на смысловом уровне нашло отражение в 8 из 9 проанализированных инструментов и раскрывается в таких дескрипторах, как: *Передаёт выраженный говорящим смысл верно и корректно, в том числе все детали и нюансы* (ILR); *передаёт информацию, идеи* [22]; *переводит содержание пропозиций корректно; содержание передано точно* [18]; *Понятен ли смысл текста перевода в целом? Есть ли в переводе нарушения логики?* [14]; *Является ли перевод верным, корректным/точным, полным, надёжным?* [24]; *перевод осмыслен/makes sense; связность предложений между собой; использование средств связности; последовательность, логичность, целостность; резюмирование вместо перевода (как ошибка)* [26].

2. Корректность выражения/ качество переведённого текста (Expression/TL Quality)

Требования к языковому плану переведённого текста отражены в данном параметре, который встречается в 8 из 9 работ и раскрывается в следующих дескрипторах: *владение обоими рабочими языками; следование нормам и правилам переводящего языка; корректность способа выражения, звучание на языке перевода* (ILR); компетентное и идиоматическое употребление языковых средств, что проявляется в совершенном владении *прагматическими, лексическими, грамматическими, синтаксическими средствами языка, функциональными стилями и регистрами* (NAATI);

⁷ Мотив и коммуникативное намерение отличаются, но взаимосвязаны: «Мотив – это побуждающее начало данного речевого действия, тогда как коммуникативное намерение выражает то, какую коммуникативную цель преследует говорящий, планируя ту или иную форму воздействия на слушающего» [4, с. 256].

следование грамматическим нормам переводящего языка, отказ от калькирования и неидиоматичных оборотов [14]; (не)правильный выбор регистра [18], [23]; выбор и порядок слов; краткость и простота формулировок; буквальный перевод (как ошибка) [26].

3. Подача (Delivery)

3.1. В этом параметре находит отражение требование к произношению слов и интонированию фраз и предложений переводчиком. Это фонационные характеристики звучащего текста, связанные с коммуникативным намерением говорящего [4, с. 211]. Данный параметр упоминается в 8 из 9 работ и раскрывается в таких дескрипторах, как: *чёткое произношение языковых единиц* (NAATI), [17], [14], [18], [22], *корректное ударение* [18]; *гладкость и естественность звучания* [24]; *(не)внятность звучания, артикуляционная (не)чёткость* [23]; *акцент, дикция* [26]; *естественный интонационный рисунок* [14], [20], [24], [22], [23]; *удобство восприятия* [26].

3.2. Кроме того, данный параметр отражает требования к другим аспектам фонационного плана высказывания, связанным с просодией (не связана с коммуникативным намерением говорящего [4, с. 211]). Просодические аспекты речи – тембр и качество голоса, его громкость, ритм речи и дыхание – упоминаются во всех работах и раскрываются в следующих дескрипторах: *приятный голос* (ILR), *владение голосом, беглость речи, приятная тональность и громкость* (NAATI); *использует ли переводчик голос таким образом, чтобы отчётливо звучал для всех находящихся в помещении* [24]; *невнятный, ясный, чёткий, беглый, колеблющийся, едва слышимый, слишком быстрый, слишком медленный, монотонный, высокий, приятный (голос, звучание)* [17]; *раздражающе медленный темп речи* [18]; *ритм* [22]; *приятный голос, убедительное звучание* [23]; *темп речи; звучание, например, скушающий, усталый и т.д.; контроль дыхания; паузация; высота голоса* [26].

3.3. Кроме того, к категории “Подача” большинством относятся такие явления, как паузы хезитации, повторы, самоисправления (ILR), (NAATI), [14], [18], фальстарты [22]; вызывающие раздражение междометия и восклицания; незаконченные предложения [23]; оговорки [26]. Как и пункты 3.1, 3.2, эти явления указывают на характер реализации речевой программы. В благоприятных условиях переводчик планирует, контролирует начало и окончание высказывания (начинает вовремя и доводит до конца), контролирует программу в момент её развертывания, обеспечивая соответствие программы условиям осуществления перевода (темпу речи оратора, степени отклонения оратора от заранее написанного текста) [24, с. 425]. Нарушения контроля реализации речевой программы проявляются в паузации, вокализованных паузах хезитации (запаздывание при планировании), самоисправлениях/самоперебивах/фальстартах, повторах (чрезмерная коррекция) [11, с. 95].

Вариативная (периферийная) зона критериев оценивания устного перевода

1. Стратегии перевода

В некоторых работах [22], [26] предлагаемые критерии предусматривают оценивание стратегий перевода: *решения и стратегии по подбору эквивалентов* [22]; *запаздывание как стратегия (lagging)* [26].

2. Кинесико-проксемическое поведение

Данная группа критериев рассматривается лишь в части работ: [17], [24], [22]. Рассматриваются такие аспекты кинесико-проксемического поведения, как *выражение лица: слишком серьёзное, напряжённое, расслабленное, раздражённое выражение лица, гримаса* [17]; *зрительный контакт с аудиторией* [17], [24], [22]; *жестикауляция* [17], [22]; *положение рук* [17]; *поза* [17], [22].

3. Машинальное поведение и непроизвольные реакции

Неосознаваемое поведение рассматривается в [14], [17] в следующих аспектах: хаотические движения органов лица, частей тела (ног) [17]; машинальная игра с предметами [14], [17]; нервная дрожь, дрожь в руках, сглатывание, вздохи [17], [26].

4. Использование материальных средств перевода

Подходит ли переводчик профессионально к использованию микрофона, консоли, каналов, кнопки кратковременного глушения и т.д. [24].

Выводы

Таким образом, оптимизация процедур оценивания является средством улучшения процесса подготовки переводчиков. Предметом оценки является проявление компетенций индивида в деятельности (компетентность) [5], при этом вид оценивания – критериально-ориентированное оценивание – направлен как на определение уровня владения деятельностью (холистическое оценивание, профессиональные шкалы оценивания), так и на оценку качества переведённого текста (педагогические оценочные критерии).

Мы проанализировали профессиональные шкалы для оценки уровня владения устным переводом ILR и NAATI, критерии оценки устного перевода студентов, представленные в работах [14], [17], [18], [22], [24], [26], в результате чего была выявлена общая и вариативная (периферийная) зоны, куда входят, соответственно, основные и вариативные критерии оценивания устного перевода.

К **общей зоне** относятся критерии, в которых отражены требования к тождеству исходного и переведённого текстов на мотивационном уровне; предметно-денотативном уровне; а также на смысловом уровне (уровни и планы текста – по И.А. Зимней). Эти критерии в совокупности раскрывают содержание параметра “Содержательная верность оригиналу (Assuracy)”. Данный критерий раскрыт в большинстве рассмотренных работ. Также к общей зоне относится критерий “Корректность выражения/качество переведённого текста”, который также раскрыт в большинстве работ. Он отражает требования к лексическому, грамматическому и стилистическому аспектам высказывания. Кроме того, общая зона содержит ряд совершенно разнородных критериев, обобщённых с помощью термина “Подача (Delivery)”. Сюда относятся фонационные аспекты высказывания (ударение, интонация, артикуляция), связанные с коммуникативным намерением говорящего и просодические аспекты высказывания (тембр, качество, громкость голоса, темп и дыхание, ритм речи), с коммуникативным намерением не связанные. Также к общей зоне относятся критерии, в которых отражены требования к корректности реализации речевой программы, что выражается в подавлении вокализованных пауз, сопротивлении самоисправлениям, повторам и фальстартам.

К **вариативной (периферийной) зоне** относятся поведенческие критерии, направленные на оценку кинесико-проксемических аспектов поведения, а также на выявление неосознаваемого машинального поведения и нежелательных физиологических реакций на стресс. К вариативной зоне также относятся критерии, оценивающие использование материальных средств перевода. Вариативная зона содержит критерии, направленные на оценку стратегии как избираемого переводчиком способа решения переводческих проблем.

Представляется необходимым на основе проведённого анализа разработать такой инструмент оценивания, в котором, во-первых, были бы учтены и корректно сгруппированы все параметры оценивания устного перевода студентов и в котором, во-вторых, основные и вариативные критерии и параметры оценивания имели бы *разный* удельный вес.

© Павликова С.К., Ершов В.И., 2023

Список литературы

1. Аликина Е.В. Введение в теорию и практику устного последовательного перевода: учеб. пособие / Е.В. Аликина. М.: Восточная книга, 2010. 192 с.
2. Бузаджи Д.М. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок: Коллективная монография / Д.М. Бузаджи, В.В. Гусев, В.К. Ланчиков, Д.В. Псурцев. М.: ВЦП, 2009, 119 с.
3. Волкова Т.А. Качество устного последовательного перевода и параметры исходного текста: экспериментальное исследование и дидактический аспект/ Т.А. Волкова, А.С. Коврова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. № 3. 2021. С. 139–149.
4. Зимняя И.А. Лигвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт / И.А. Зимняя. Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
5. Зимняя И.А. Коммуникативная компетентность, речевая деятельность, вербальное общение / И.А. Зимняя, И.А. Мазаева, М.Д. Лаптева; под ред. И.А. Зимней. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. 400 с.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. 287 с.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
8. Мазаева И.А. Компетентностно-ориентированные формы оценивания профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности (критериальное оценивание) // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 5 (32). С. 84–89.
9. Мурдускина О.В. Оценка качества устного перевода при подготовке переводчиков в вузе // Карельский научный журнал. № 4 (21). Т. 6. 2017. С. 57–59.
10. Муханова Н.Ж. Система оценки качества устного перевода // Международный научно-исследовательский журнал. № 11 (30). 2014. С. 115–117.
11. Яковлева Э.Б. Феномен речевых хезитаций / Э.Б. Яковлева. М.: ИНИОН РАН, Центр гуманитарных научно-информационных исследований, 2021. 215 с.
12. Angelleli, C. V. Testing and assessment in translation and interpreting studies: A call for dialogue between research and practice // Testing and Assessment in Translation and Interpreting. John Benjamins Publishing Company, 2010. PP 1–10.
13. Angelleli, C. V. Using a rubric to assess translation ability: Defining the construct // Testing and Assessment in Translation and Interpreting. John Benjamins Publishing Company, 2010. PP. 13–47.
14. Gillies, A. Conference Interpreting. A student's practice book. Routledge, 2013. 279 p.
15. Han, Ch. H. Building the validity for interpreter certification performance testing. A thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Department of Linguistics. Faculty of Human Sciences. Macquire University. Sydney, Australia, 2015. 272 p.
16. Hlavac, J. A cross-national overview of translator and interpreter certification procedures // The International Journal for Translation and Interpreting Research. Vol. 5. No. 1, 2013. PP. 34–65.
17. Kellett, C.J.M. Video-aided testing of student delivery and presentation in consecutive interpretation // The Interpreters' Newsletter 6, 1995. PP. 43–6.
18. Lee, J. Rating Scales for Interpreting Assessment Performance // The Interpreter and Translator Trainer, 2:2, 2014. PP. 165–187. – URL: Rating Scales for Interpreting Performance Assessment: The Interpreter and Translator Trainer: Vol 2, No 2 (tandfonline.com) (Accessed 22 March 2023).
19. Liu, M. Design and Analysis of Taiwan's interpretation certification examination // Assessment issues in language translation and interpreting / D. Tzagari & R. van Deemter (eds.). Frankfurt: Peter Lang, 2013. PP. 163–178.
20. Nida, E.A. and Taber, C.R. The Theory and Practice of Translation. E. J. Brill, Leiden, 1969. 220 p.
21. Poehhacker, F. Introducing Interpreting Studies. Second Edition. Routledge, 2016. 267 p.
22. Postigo Pinazo, E. Self-Assessment in Teaching Interpreting // TTR: Traduction, Terminologie, Rédaction. Vol. 21. No. 1. 2008. PP. 173–209. – URL: Self-Assessment in Teaching Interpreting – TTR – Érudit (erudit.org) (Accessed 20 March 2023).
23. Schjoldager, A. Assessment of Simultaneous interpreting // Dollerup and Appel, (eds.) Teaching Translation and Interpreting 3. Benjamins, 1996. PP. 187–195.
24. Setton, R., Dawrant A. Conference Interpreting: A Trainer's Guide. John Benjamins, 2016. 650 p.
25. Tiselius E. Revising Carroll's Scales // Testing and assessment in translation and interpreting studies: a call for dialogue between research and practice / edited by Claudia V. Angelelli, Holly E. Jacobson, Amsterdam: John Benjamins. PP. 95–121.
26. Wu, Sh.-Ch. Assessing Simultaneous Interpreting. A Study on Test Reliability and Examiners' Assessment Behaviour. PhD Thesis. School of Modern Languages, Newcastle University, 2010. 333 p.

References

1. Alikina, E.V. *Vvedenie v teoriyu i praktiku ustnogo posledovatel'nogo perevoda: ucheb. posobie* [Introduction to the theory and practice of interpretation: coursebook] / E.V. Alikina. M.: Vostochnaia kniga. 2010. 192 s.
2. Buzadzhi, D.M. *Novyyi vzgliad na klassifikatsiiu perevodcheskikh oshibok: Kollektivnaya monografiia* [A new approach to the classification of translation errors: Joint monograph]/ D.M. Buzadzhi, V.V. Gusev, V.K. Lanchikov et al. M.: VTsP. 2009. 119 s.
3. Volkova, T.A. *Kachestvo ustnogo posledovatel'nogo perevoda i parametry iskhodnogo teksta: eksperimentalnoe issledovaniie i didakticheskii aspekt* [Interpretation quality and source text parameters: an experimental study and didactic implications]/ T.A. Volkova, A.S. Kovrova // Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznanii i pedagogiki. 2021. № 3. S. 139–149.

4. Zimniaia, I.A. *Ligvopsikhologiia rechevoi deiatelnosti* [Lingvopsychology of speech activity] / I.A. Zimniaia. M.: Moskovskii psikhologo-sotsialnyi institut. Voronezh: NPO «MODEK». 2001. 432 s.
5. Zimniaia, I.A. et al. *Kommunikativnaia kompetentnost, rechevaia deiatelnost, verbalnoie obshcheniie* [Communicative competence. Speech activity. Verbal communication] / I.A. Zimniaia., I.A. Mazaieva, M.D. Lapteva; pod red. I.A. Zimnei. M.: Izdatelstvo «Aspekt Press». 2020. 400 s.
6. Leontiev, A.A. *Osnovy psikhoinvistiki* [The Foundations of Psycholinguistics] / A.A. Leontiev. M.: Smysl; SPb.: Lan, 2003. 287 s.
7. Leontiev, A.N. *Deiatelnost. Soznaniie. Lichnost* [Activity. Consciousness. Personality] / A.N. Leontiev. M.: Smysl; Izdatelskii tsentr «Akademii». 2004. 352 s.
8. Mazaieva, I.A. Kompetentnostno-orientirovannyye formy otsenivaniia professionalnoi inoazychnoi kommunikativnoi kompetentnosti (kriterialnoie otsenivaniie) [Competence-based forms of assessment of foreign language communicative competence (criteria-based assessment)] // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2013. № 5 (32). S. 84–89.
9. Murduskina, O.V. Otsenka kachestva ustnogo perevoda pri podgotovke perevodchikov v vuze [Interpretation assessment in interpreter training at university] // *Karelskii nauchnyi zhurnal*. 2017. T. 6. № 4 (21). S. 57–59.
10. Mukhanova, N.Zh. Sistema otsenki kachestva ustnogo perevoda [A system of assessment of interpretation quality] // *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 2014. № 11 (30). S. 115–117.
11. Yakovleva, E.B. *Fenomen rechevykh khezitatsyi* [The phenomenon of hesitation in speech] / E.B. Yakovleva. M.: INION RAN. Tsentr gumanitarnykh nauchno-informatsionnykh issledovaniy. 2021. 215 s.
12. Angelleli, C. V. Testing and assessment in translation and interpreting studies: A call for dialogue between research and practice // *Testing and Assessment in Translation and Interpreting*. John Benjamins Publishing Company, 2010. PP. 1–10.
13. Angelleli, C. V. Using a rubric to assess translation ability: Defining the construct // *Testing and Assessment in Translation and Interpreting*. John Benjamins Publishing Company, 2010. PP. 13–47.
14. Gillies, A. *Conference Interpreting. A student's practice book*. Routledge, 2013. 279 p.
15. Han, Ch. H. *Building the validity for interpreter certification performance testing*. A thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Department of Linguistics. Faculty of Human Sciences. Macquarie University. Sydney, Australia, 2015. 272 p.
16. Hlavac, J. A cross-national overview of translator and interpreter certification procedures // *The International Journal for Translation and Interpreting Research*. Vol. 5. No. 1, 2013. PP. 34–65.
17. Kellett, C.J.M. Video-aided testing of student delivery and presentation in consecutive interpretation // *The interpreters' Newsletter* 6, 1995. PP. 43–6.
18. Lee, J. Rating Scales for Interpreting Assessment Performance // *The Interpreter and Translator Trainer*, 2:2, 2014. PP. 165–187, Rating Scales for Interpreting Performance Assessment: The Interpreter and Translator Trainer: Vol 2, No 2 (tandfonline.com) (Accessed 22 March 2023).
19. Liu, M. Design and Analysis of Taiwan's interpretation certification examination // *Assessment issues in language translation and interpreting* / D. Tsagari & R. van Deemter (eds.). Frankfurt: Peter Lang, 2013. PP. 163–178.
20. Nida, E.A. and Taber, C.R. *The Theory and Practice of Translation*. E. J. Brill, Leiden, 1969. 220 p.
21. Poehhacker, F. *Introducing Interpreting Studies*. Second Edition. Routledge, 2016. 267 p.
22. Postigo Pinazo, E. Self-Assessment in Teaching Interpreting // *TTR: Traduction, Terminologie, Rédaction*. Vol. 21. No. 1. 2008. PP. 173–209, Self-Assessment in Teaching Interpreting – TTR – Érudit (erudit.org) (Accessed 20 March 2023).
23. Schjoldager, A. Assessment of Simultaneous interpreting // *Dollerup and Appel*, (eds.) *Teaching Translation and Interpreting* 3. Benjamins, 1996. PP. 187–195.
24. Setton, R., Dawrant, A. *Conference Interpreting: A Trainer's Guide*. John Benjamins, 2016. 650 p.
25. Tiselius E. Revising Carroll's Scales // *Testing and assessment in translation and interpreting studies: a call for dialogue between research and practice* / edited by Claudia V. Angelelli, Holly E. Jacobson, Amsterdam: John Benjamins. P. 95–121.
26. Wu, Sh.-Ch. *Assessing Simultaneous Interpreting. A Study on Test Reliability and Examiners' Assessment Behaviour*. PhD Thesis. School of Modern Languages, Newcastle University, 2010. 333 p.

Сведения об авторах:

Павликова Светлана Кимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Одинцовского филиала МГИМО МИД России (Россия, Одинцово). Сфера научных и профессиональных интересов: методика обучения переводу, процессуальная транслатология.
E-mail: s.k.pavlikova@inno.mgimo.ru ORCID ID: 0009-0000-9854-1734

Ершов Виктор Иванович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 6 МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: теория перевода, методика обучения переводу. E-mail: ershovich@mail.ru ORCID ID: 0000-0003-3765-6954

About the authors:

Svetlana K. Pavlikova, PhD in Linguistics, is Associate Professor, the English Language Department, Odintsovo Affiliate of MGIMO University. Spheres of research and professional interest: translator and interpreter training, process-oriented translation studies. E-mail: s.k.pavlikova@inno.mgimo.ru
ORCID ID: 0009-0000-9854-1734

Viktor I. Yershov, PhD in Linguistics, is Associate Professor, English Department No. 6, MGIMO University. Spheres of research and professional interest: translation studies, translator and interpreter training.
E-mail: ershovich@mail.ru ORCID ID: 0000-0003-3765-6954

* * *

THE CONCEPT “KIMONO” IN FIGURATIVE UNITS OF THE JAPANESE LANGUAGE

Olga R. Likholetova

MGIMO University
76, Prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russia

Abstract. The purpose of this article is to describe Japanese phraseological units and lexemes with figurative meanings as a fragment of the lexical-phraseological system of the Japanese language, to identify the images underlying their formation, and to study their linguistic and cultural characteristics. The material for the work is the data from the dictionaries of the Japanese language, in which figurative units connected with the nominations of the types and details of kimono are recorded. The research is based on the linguacultural approach, which identifies linguistic units with national-cultural semantics, reflecting national and specific vision of the world on the lexical-phraseological level. Semantic-thematic analysis allowed us to identify four groups of the most frequent lexemes, representing the concept “kimono”, on the basis of which phraseological units were formed. The group of figurative units, which do not include the names of kimono or its details, but which implicitly refer to this concept, was also examined. The etymological analysis revealed the cognitive basis for the formation of phraseological units and the mechanism of metaphorization of these lexical units. From the whole considered corpus of language units, the most representative are gesture phraseological units formed on the basis of idiomaticization of gesture units. The second largest group consisted of phraseological units derived from the clearly regulated ritual and rules of putting on and wearing kimono. They reflect the aesthetic views of the Japanese about the ideal image of kimono.

The method of quantitative analysis allowed us to confirm the significance of the concept “kimono” as a symbol of Japanese culture and to reveal its phraseological productivity. A large number of figurative language units, related to kimono, indicates that this concept has pronounced culturally marked characteristics, reflects special models of worldview and stereotypes of behavior.

The considered language units require special attention to the cultural context in which they function. The study of figurative meanings of words nominating kimono parts, as well as stable combinations, created on their basis, allows expressing the cultural information they contain.

The concept “kimono” is one of the most important constants of Japanese culture, so its study from the position of cultural linguistics is extremely relevant.

Keywords: phraseology, linguacultural, figurative units, kimono, Japanese culture, connotations, world picture

For citation: Likholetova, O. R. (2023). The concept “KIMONO” in figurative units of the Japanese language. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(4), pp. 83–95. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-83-95>

КОНЦЕПТ «КИМОНО» В ОБРАЗНЫХ ЕДИНИЦАХ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

О.Р. Лихолетова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Цель данной статьи – описание японских фразеологизмов и образных лексем как фрагмента лексико-фразеологической системы японского языка, выявление образов, лежащих в основе их образования, исследование их лингвокультурологических характеристик. Материалом для работы послужили данные словарей японского языка, в которых зафиксированы образные единицы, связанные с номинациями видов и деталей кимоно. Исследование базируется на лингвокультурологическом подходе, при котором на лексико-фразеологическом уровне выявляются языковые единицы с национально-культурной семантикой, отражающие национально-специфическое видение мира. Семантико-тематический анализ позволил выделить четыре группы наиболее часто встречающихся лексем, репрезентирующих концепт «кимоно», на базе которых образовались фразеологизмы. Также рассмотрена группа образных единиц, не имеющих в своём составе названий видов кимоно или его деталей, но имплицитно отсылающих к данному концепту. Этимологический анализ позволил выявить когнитивные основания формирования фразеологизмов и механизм метафоризации указанных лексических единиц. Из всего рассмотренного корпуса языковых единиц наибольшей репрезентативностью обладают жестовые фразеологизмы, образованные на основе идиоматизации жестовых единиц. Вторую по численности группу составили фразеологизмы, происходящие из чётко регламентированного ритуала и правил надевания и ношения кимоно. Они отражают эстетические представления японцев об идеальном образе кимоно.

Метод количественного анализа позволил подтвердить значимость концепта «кимоно» как символа японской культуры и выявить его фразеологическую продуктивность. Большое количество образных языковых единиц, относящихся к кимоно, свидетельствует о том, что этот концепт обладает ярко выраженными культурно маркированными характеристиками, отражает особые модели мировосприятия и стереотипы поведения.

Рассмотренные языковые единицы требуют особого внимания к культурному контексту, в котором они функционируют. Исследование переносных значений слов, номинирующих детали кимоно, а также устойчивых сочетаний, созданных на их базе, позволяет эксплицировать заключённую в них культурную информацию.

Концепт «кимоно» представляет собой одну из важнейших констант японской культуры, поэтому его изучение с позиций лингвокультурологии чрезвычайно актуально.

Ключевые слова: фразеологизмы, лингвокультура, образные единицы, кимоно, японская культура, коннотации, картина мира

Для цитирования: Лихолетова О.Р. (2023). Концепт «Кимоно» в образных единицах японского языка. *Филологические науки в МГИМО*. 9(4), С. 83–95. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-83-95>

Введение (INTRODUCTION)

Статья посвящена семантическому и этимологическому анализу образных лексических и фразеологических единиц, репрезентирующих концепт японской национальной одежды «кимоно», в основе которых лежат метафоры, связанные с названиями видов и деталей кимоно. Кимоно как символ японской культуры обладает своими способами кодирования, сохранения и трансляции социально-культурного опыта, ценностей и смыслов.

В последние десятилетия наблюдается растущий интерес к исследованиям взаимодействия языка и национальной культуры и особенностей отражения в языке национального видения картины мира. Согласно теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа, носители разных языков классифицируют события, предметы и явления в мире по-разному, а особые способы мировосприятия создают основу для формирования национально специфической оценки окружающей действительности. Следовательно, лингвистические исследования при описании отдельных характеристик языковой системы не могут быть достаточно репрезентативными без учёта национально-культурной детерминированности. Знания только лингвистических особенностей недостаточно для реализации процесса успешной коммуникации. Оно должно быть подкреплено пониманием культурного контекста, в рамках которого осуществляется общение. «В реально-историческом функционировании языка и культура неотделимы: невозможно существование языка (в полнозначном понимании этого слова), который не был бы погружён в контекст культуры, и культуры, которая не имела бы в центре себя структуры типа естественного языка» [8, с. 487-488].

Материал и методы исследования (METHODOLOGY AND MATERIALS)

Анализ фразеологизмов как образных средств языка и их функционирование как культурно обусловленного феномена опирается на лингвокультурологический метод, основанный на взаимосвязи и взаимодействии культуры и языка, а также на семантический, этимологический и описательный методы.

Хорошо известно, что национальная самобытность мировосприятия наиболее ярко отражается в образных средствах языка. Особенно это относится к тем образным языковым единицам, которые обладают такими категориальными признаками, как устойчивость и воспроизводимость в виде устоявшихся выражений. «Лингвокультурологические исследования, посвящённые вопросам изучения национального своеобразия языковой картины мира и отдельных её фрагментов, предполагают изучение фразеологических единиц, в том числе паремий и идиом, отражающие архетипические представления народа. Фразеологизмы, отражая изменения, происходящие во всех областях жизни, позволяют обратить внимание не только на языковую, но и на социальную трансформацию концептов» [3, с. 24]. В современной лингвистике существует понятие «фразеологическая картина мира», в которой знания об окружающем мире аккумулированы в виде фразеологизмов. Как отмечает В.А. Маслова, «в большинстве фразеологизмов есть «следы» национальной культуры, которые должны быть выявлены; ... главное при выявлении культурно-национальной специфики – вскрыть культурно-национальную коннотацию» [10, с. 82].

Образность, являющаяся основным признаком фразеологизмов, – это «лексико-семантическая категория, обобщающая свойство единиц лексико-фразеологического уровня языка, проявляющаяся в способности обозначить определённое явление внеязыковой действительности (предмет, свойство, процесс, ситуацию) в ассоциативной связи с другим, не тождественным обозначаемому явлением, на основе их реального или мнимого сходства посредством метафорической внутренней формы языковой единицы» [11, с. 19-20].

В понимании образности языковых единиц мы исходим из концептуальной теории метафоры, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, которые утверждают, что метафоры лежат в основе главных принципов человеческого познания. Они базируются на ассоциациях и отображают

креативный когнитивный процесс, в ходе которого одна концептуальная область проецируется в другую. Это вопрос не столько языка, сколько мышления. Метафора отражает отношение человека к реальности и является средством концептуализации событий [6].

Вопросы, связанные с объяснением языковых явлений на основе особенностей когнитивных механизмов человека, в частности языковой метафоры и языковой образности, широко отражены в работах многих отечественных лингвистов: Н.Д. Арутюновой, В.Н. Телия, О.И. Блиновой, Е.А. Юриной, В.А. Масловой, Е.С. Кубряковой, Ю.Н. Караулова и др.

В японистике фразеологии посвящено достаточно большое количество работ. Вопросы фразеологии, её функционирования в контексте японской культуры и актуализации в речи активно разрабатывались С.А. Быковой, Т.М. Гуревич, Н.Н. Изотовой, Н.Ю. Тразановой, А.Б. Недосуговой, Н.А. Завьяловой, О.П. Фроловой и другими авторами. В частности, работы Т.М. Гуревич и Н.Н. Изотовой посвящены разработке идеи видения языка через призму «культурного кода как ценностной матрицы, включающей константы культуры, инструмента соотношения информации с определёнными знаками (символами), позволяющего перейти от значения к смыслу, к объективизации субъективного значения» [4, с. 8]. Обращение к фразеологии мотивировано по утверждению Т.М. Гуревич тем, что «роль культурного кода наряду с лексикой выполняют штампы, клише, фразеология, которые дают возможность субъекту речи идентифицировать себя с соответствующей лингвокультурной общностью. В отличие от лексических средств языка это более сложные коммуникативные единицы, передающие определённую сложившуюся систему коннотаций, оценок образного восприятия мира» [2, с. 103-104]. Авторы также подробно исследовали семантическую структуру фразеологизмов, вопросы коммуникативно-прагматических особенностей фразеологической деривации, концептуализации фрагментов действительности во фразеологической номинации. Большое внимание уделялось культурным и эмотивным коннотациям.

Японские учёные традиционно рассматривали фразеологизмы с точки зрения их семантики, композиционных и экспрессивных особенностей, культурных аспектов. Исследования Миядзи Ютака, Кунихиро Тэцуя, Сираиси Дайдзи, Морита Ёсиюки, Нисио Торая, Ёсида Норико, Тадзима Икудо и др. в основном были сосредоточены на структурных, количественных и семантических аспектах фразеологии. Многие исследования опирались на методы сравнительно-сопоставительного анализа фразеологизмов двух неродственных языков. Последние десятилетия стали активно развиваться направления, основанные на методологии когнитивной лингвистики, рассматривающей язык как общий когнитивный процесс получения, хранения, переработки знаний. Это стало научной базой для выявления когнитивных основ формирования значений фразеологизмов и их изучения с точки зрения явных и неявных смыслов, возникающих в процессе метафоризации. Вопросы семантической интерпретации идиоматических выражений посвящены работы Окады Тосихиро и Идо Рё [12]. Корпусные исследования семантических изменений идиом описаны Сасаки [15]. В этом же направлении проводятся исследования Исиды Присциллы [13], Фудзимаки Кадзума [16], Накамуры Акира [14], Цутия Томоюки [17].

В данном материале рассматриваются две категории образных единиц: собственно образные слова, возникшие на базе наименований видов и деталей кимоно и являющиеся результатом семантической деривации, и фразеологизмы, в состав которых входят указанные наименования. Материал отобран методом сплошной выборки из толковых, словообразовательных, паремийно-логических словарей и интернет-источников. Отбор материала мотивирован тем, что описание кимоно сопряжено с использованием большого количества культурно-маркированных реалий, которые невозможно понять без знания культуры. Они ярко демонстрируют специфику образного отражения действительности и уникальность культурного опыта японцев. Для верификации значений исследуемых фразеологических единиц использовались одноязычные и двуязычные отечественные и зарубежные словари.

Результаты исследования (RESULTS)

Под фразеологизмами мы понимаем целостные по значению, устойчивые и семантически неделимые словосочетания, обладающие образностью и экспрессивной окраской. В эту категорию кроме фразеологических сращений, сочетаний и единств, определённых Виноградовым В.В., включаются все устойчивые сочетания, имеющие образный компонент и переносное значение, в том числе пословицы, поговорки, крылатые выражения [1, с. 140-161]. Под концептом мы понимаем ментальную единицу высокой степени абстрактности, отражающую знания, культурный опыт, представление человека о фрагменте мира.

Одежда – один из важнейших элементов материальной культуры. Она относится к реалиям, которые выходят за рамки утилитарных характеристик, отражая представления об этических, духовных ценностях, стереотипах и нормах поведения. Одежда не только демонстрирует внешний вид, но и является социальным маркером статуса человека, выражением его личной идентичности. Во многих языках существуют фразеологизмы, характеризующие одежду как символ социальной значимости: «по одежке встречают, а провожают по уму», *衣は威なり कोरोмо ва и нари* (одежда придаёт достоинство), *公郷にもつづれ кузэ-ни мо цудзурэ* (человек даже высокого ранга выглядит вульгарно, если он носит плохую одежду).

Лексика, относящаяся к сфере одежды, обладает ярко выраженными национально-культурными характеристиками и символикой. Одежду можно считать одним из невербальных знаков передачи информации посредством символических сообщений. Для Японии с её высококонтекстной культурой обращение к невербальным компонентам коммуникации и их вербальное описание, так же, как и выявление особенностей передачи информации при помощи них, особенно актуально.

Ю.М. Лотман отмечает, что «каждый существенный культурный объект, как правило, выступает в двух обликах: в своей прямой функции, обслуживая определённый круг конкретных общественных потребностей, и в “метафорической”, когда признаки его переносятся на широкий круг социальных фактов, моделью которых он становится» [7, с. 377]. Кимоно можно отнести к таким культурным объектам. В японском языке существует значительное количество фразеологизмов и образных выражений, относящихся к кимоно, посредством которых отражается широкий спектр значений.

Кимоно – это конструктивно сложный многослойный национальный костюм, который в целом и части которого по отдельности обладают своей коммуникативной символикой. Образ кимоно может многое сказать о социальном и семейном положении его владельца. Например, форма рукавов является гендерным признаком: у мужского кимоно по сравнению с женским рукава более узкие и не такие глубокие. Замужние женщины носят кимоно с короткими рукавами, а у незамужних девушек длина рукавов может достигать до пола, а ширина – до полуметра. Пояс оби замужние и незамужние женщины завязывают по-разному. Гейши завязывают пояс кимоно особым узлом, ученицы гейш оставляют концы пояса не завязанными, а воротник кимоно у них не белого цвета, как у гейш, а красного.

Факт использования кимоно как вида национальной одежды из обыденного повседневного явления исторически перешёл в феномен культуры и женщина, одетая в кимоно, стала одним из самых узнаваемых национальных символов Японии. Кимоно часто рассматривается как воплощение традиционных культурных ценностей Японии и женской красоты. В языке часто закрепляются образные выражения, ассоциирующиеся с культурно-национальными эталонами, в виде фразеологизмов.

Будучи символом элегантности и эстетизма, кимоно требует знания традиций и строгого соблюдения правил, связанных с облачением в него и ношением.

Эстетическая оценка тесно связана с пониманием ценностей, присущих конкретному социуму, поэтому образ кимоно, не отвечающий принятым нормам, неаккуратно надетое кимоно вызывает неодобрение и осуждение окружающих. Фразеологизмы, созданные на основе диссонанса между идеальным и актуальным образом кимоно, имеют пейоративную окраску, то есть выражают отрицательную эмоционально-эстетическую оценку:

石臼に着物を着せたよう *исиусу-ни кимоно-о кисэта ё*: (как будто надели кимоно на ступу);
 箔の小袖に縄の帯する *хаку-но косодэ-ни нава-но оби-суру* (подвязать дорожное шитое золотыми нитями кимоно верёвкой);
 縹子の小袖に木綿裏 *сюсу-но косодэ-ни момэнура* (хлопчатобумажная подкладка у шёлкового кимоно).

В кимоно важно, чтобы при облачении в него ни одна из деталей не была перекошена, и места, где они соприкасаются, чётко прилегали друг к другу, были правильно выровнены. Выражение 辻袷合せ *цудзицума авасэ* (совпадение швов в месте пересечения правой и левой сторон подола кимоно) явилось основанием для образования фразеологизма со значением «придать своему высказыванию связность, не допустить противоречий, следовать логике, чтобы высказывание соответствовало ситуации». 辻 *цудзи* – это крестообразный шов, применяемый при изготовлении кимоно, а 袷 *цума* – полы кимоно, которые должны быть аккуратно выровнены. Лексема 辻袷 *цудзицума* при метафорическом переносе приобретает значение «согласованность, последовательность». Согласованность и точность во всём очень важны, как и ровные швы и детали кимоно.

Считается неэстетичным, даже неприличным, если из-под кимоно видны ноги. Идиома 足が出る *аси-га дэру* (ноги торчат) мотивирована ситуацией, при которой для изготовления кимоно не хватало ткани, а готовое изделие оказывалось таким коротким, что из-под него выглядывали ноги. Смысл фразеологизма опирается на ситуацию, когда запланированную работу невозможно сделать в рамках отведённого бюджета или когда в работе вдруг проявляются скрытые недочёты.

Признак «выявления дефектов, которые до сих пор были скрыты» также реализуется через фразеологизм 襤褸が出る *боро-га дэру* (букв. вылезает лохмотья). Он этимологически восходит к ситуации, когда потрёпанные, грязные части одежды, которые были спрятаны под кимоно, вдруг становятся видны. Лексема 襤褸 *боро*, состоящая из иероглифов 襤 (лохмотья, тряпки) и 褸 (подол кимоно), в результате метафоризации приобрела значение «недостаток, неудача».

Значение фразеологизма 襟を正す *эри-о тадасу* (поправить воротник) происходит от сложного ритуала облачения в кимоно, при котором воротник чётко фиксируется посередине специальным зажимом, чтобы остальные детали не смещались. 襟を正す *эри-о тадасу* имеет два значения: «поправить воротник, привести одежду в порядок, чтобы выглядеть опрятно» и «принять серьёзный вид». Производное от этого фразеологизма значение указывает на серьёзный подход к делу.

Традиционный пояс 帯 *оби* – неотделимый и один из важнейших компонентов кимоно. Его часто называют 後ろの顔 *усиро-но као* (образ сзади). Пояс 帯 *оби* несёт сложную смысловую нагрузку и фиксирует определённые характеристики японской культуры. Недаром в языке закрепилось выражение 着物一枚に帯3本 *кимоно итимаи-ни оби самбон* (три оби для одного кимоно), то есть, используя разные оби для одного и того же кимоно, можно полностью изменить образ. Или むしろを着ていても帯は錦 *мусиро-о китэитэ мо оби ва нисики* (хотя кимоно из рогожи, пояс оби из парчи). Пояс оби определяет общий вид кимоно, а его завязывание и ношение является большим искусством.

В основе значений приведённых в пример фразеологизмов лежит образность как форма осознания окружающей действительности с позиций эстетического идеала.

По лексико-семантическому признаку отобранные для данной работы образные языковые единицы можно разделить на несколько тематических групп, включающих наименование деталей кимоно.

1. Фразеологизмы, имеющие в своём составе компонент 袖 *содэ* (рукав) и 袂 *тамото* (край рукава)

Ношение кимоно накладывает отпечаток на поведение его владельца. Во времена, когда нельзя было выражать свои чувства словами прямолинейно, как сейчас, женщины пытались привлечь к себе внимание противоположного пола при помощи невербальных сигналов, обращаясь к жестикуляции. Например, покачивание рукавом вправо-влево передаёт значение «нравится», вперёд-назад – «не нравится», придерживание рукой рукава и покачивание им вертикально выражало кокетство, покачивание по горизонтали – каприз, упрямство.

В Японии издавна считается, что душа обитает в рукавах, а взмах им может отогнать злых духов и привлечь к себе душу другого человека. Поэтому этот жест часто использовался для выражения чувств и стал мотивацией значения фразеологизма 袖を振る *кодэ-о фуру* (взмахнуть рукавом), то есть привлечь к себе внимание.

Стихотворение из поэтической антологии Манъёсю подтверждает то, что взмах рукавом с древних времён имел метафорическое значение.

あかねさす紫野行き標野行野守は見ずや君が袖振る *аканэсасу мурасакиноюки симэноюки номори ва мидзюя кими-га кодэфуру*

(Иду полями нежных мурасаки,
Скрывающих пурпурный цвет в корнях,

Иду запретными полями,
И, может, стражи замечали,

Как ты мне машешь рукавом?) (перевод А.Е. Глускиной) [9, с. 74]

Близким по значению является фразеологизм 袖を引く *кодэ-о хику* (потянуть за рукав) – незаметно привлечь внимание другого человека.

Кимоно с длинными рукавами 振袖 *фурисодэ* вошли в обиход в эпоху Эдо (1603-1868 гг.) и до сих пор являются традиционным нарядом девушек и незамужних женщин. Длинные рукава подчёркивали статус незамужней женщины, а в зависимости от взмаха рукавом кимоно можно было определить то, как молодые женщины отвечали на ухаживания мужчин. Лексема 振る *фуру* кроме ядерного значения «махнуть, тряхнуть чем-либо» используется в метафорическом значении «отвергать, бросать, лишать чего-либо», которое этимологически восходит к указанному жесту и часто употребляется для обозначения отказа от благосклонности другого человека. 振られるのが怖いから告白はしなかつた *фурарэру но-га ковай кара кокухаку ва синакатта* (не признался, потому что боялся быть отвергнутым).

Идиома 袖にする(袖になす) *кодэ-ни суру (кодэ-ни насу)* произошла от проявления невнимательного отношения к собеседнику, когда его слушают, засунув руки в рукава кимоно, или от жеста взмаха рукавами, чтобы избавиться от собеседника. То есть взмах рукавом может быть способом эвфемистического отказа от услуг другого человека, выражения холодного отношения к собеседнику и к обсуждаемому вопросу, игнорирования собеседника. Используется также как выражение отказа жениху.

袖にすがる *кодэ-ни сугару* (цепляться за рукава) этимологически восходит к жесту удержания человека за рукав в попытке заставить прислушаться к собеседнику, прося о помощи, взывая к состраданию. ない袖を振る *най кодэ-о фуру* (букв. тряхнуть рукавом, которого нет) употребляется при попытке изобразить то, чего нет на самом деле. К этой же семантической группе относятся фразеологизмы с лексемой 袂 *тамото* (нижняя часть рукава кимоно). Например, фразеологизм 袂を分かち *тамото-о вакацу* (букв. отделить рукава), то есть расстаться с кем-то, распроститься с кем-то. Мотивацию данного фразеологизма можно реконструировать, если учитывать традицию укорачивать рукава кимоно после замужества, что служило символом ухода дочери из родительского дома, расставания с родителями. В современном дискурсе фразеологизм имеет отрицательную коннотацию и используется в контексте драматического разрыва отношений, развода супругов, увольнения с работы, при выходе из какой-либо организации.

Часто способом формирования значений фразеологизмов является метафорическое переосмысление конкретной ситуации. Например, фразеологизм 袂を連ねる *тамото-о цуранэру* (букв. рукав к рукаву) произошёл от образа группы людей, одетых в кимоно и сидящих в одном ряду, и в переносном смысле означает «стать коллегами, вместе выполнять определённые действия, делать в унисон».

Утилитарные функции, многофункциональность кимоно закреплены в ряде фразеологизмов. Поговорка 無い袖は振れない *най кодэ ва фурэнай* (рукавом, которого нет, не взмахнёшь) используется как эвфемистическое выражение ситуации невозможности предоставить то, о чём просят. Этимология поговорки восходит к обычаю пользоваться рукавом кимоно как карманом. Лексема 袖

codэ (рукав) имеет метафорическое значение «вместилище денег». Фразеологизм *袖の下 codэ no сита* (из-под рукава) обозначает ситуацию незаконной конфиденциальной передачи подарка или денег другому человеку, то есть взятки.

Экспрессивные фразеологизмы, построенные на метафорическом переносе, могут отражать эмоциональное состояние, быть средством эмоционально-образного воздействия на человека и фиксировать базовые эмоции в языке. *袖をしぼる codэ-o сибору* (выжимать рукава), то есть плакать так, что рукава становятся мокрыми от слёз, и их надо отжимать; *袖を目に当てる codэ-o мэ-ни атару* (прижимать рукава к глазам) – примеры репрезентации эмоционального состояния печали, горя, страдания.

В ходе исследования было обнаружено более десяти идиом с компонентом *袖 codэ* (рукав), номинирующих внешнее проявление негативного эмоционального состояния, выраженного посредством слёз: *袖の時雨 codэ-no сигурэ* (мелкий осенний дождь на рукавах), *袖の雨 codэ-no амэ* (дождь на рукавах), *袖の露 codэ-no цую* (роса на рукавах), *袖の雫 codэ-no сидзуку* (капли на рукавах), *袖の淵 codэ-no фути* (бездна слёз в рукаве), *袖の湊 codэ-no минато* (гавань из слёз в рукаве), *袖の浦 codэ-no ура* (бухта слёз в рукаве). Указанные идиомы ассоциируются с горькими слезами, льющимися на рукава кимоно. Идиомы *袖の氷 codэ-no ко:ри* (лёд на рукавах), *袖のしがらみ codэ-no сигарами* (букв. плотина, препятствие из рукава) используются в ситуации сдерживания слёз с помощью рукава. Как видно из примеров, часто фразеологизмы, выражающие жесты, мимику, физиологические проявления в виде смеха, слёз, вздохов и т.д., связаны с эмоциональными переживаниями, но прямо их не обозначают. При этом фразеологический образ и общее значение создаётся лексемами, которые не являются прямыми номинациями эмоций. В данном случае мотивирующий образ создаётся лексемой *袖 codэ* (рукав).

Образный потенциал и продуктивность лексемы *袖 codэ* (рукав) в процессе образования фразеологизмов свидетельствует о высокой степени значимости и символическом значении этой детали кимоно в японской культуре.

Религиозно-обрядовая тематика является неотъемлемой частью культуры. Традиции, связанные с религией, репрезентируют национально-культурные духовные ценности любого народа. Примером использования фразеологизмов с компонентом *袖 codэ* «рукав» в религиозном дискурсе является поговорка *袖振り合うも他生の縁 codэ фуриау мо тасё:-но эн* (соприкосновение рукавами – связь с прошлой жизнью). Он имеет буддийское происхождение и передаёт смысл буддийского постулата о взаимосвязанности, неизбежности событий, причинно-следственной связи явлений: даже малейшее прикосновение к рукаву незнакомца на дороге обусловлено событиями прошлой жизни и какими бы незначительными ни были эти события, они происходят не случайно, а по законам кармы.

Кимоно подчёркивает не только социальный и экономический статус, но также может указывать на моральные ценности. О крайне скупых людях говорят *袖から手を出すも嫌い codэ-кара тэ-o дасу мо кирай* (не любит даже вынимать руки из кармана). В поговорке *いただくものは夏も小袖 itадаку моно ва нацу мо косодэ* (тёплое кимоно в подарок подойдёт даже летом) актуализированы семантические признаки концепта «жадность», «алчность». *小袖 косодэ* – это вид тёплого кимоно, предназначенного для зимних морозов. Для использования в тёплый период оно не подходило, но в подарок даже летом тёплое кимоно воспринимается с благодарностью.

2. Фразеологизмы, имеющие в своём составе компонент *襟 эри* (воротник)

Воротник кимоно является не менее культурно маркированной деталью, чем рукав, и критерием социальной стратификации. В японском политическом дискурсе часто используется идиома *領袖 рё:сю:* (вождь, глава), записываемая двумя иероглифами: *領袖 рё:*, который имеет значение «воротник» и *袖 сю:* – «рукав». Воротник и рукава являются наиболее заметными и важными частями кимоно, поэтому возникшее в результате семантической деривации лексема *領袖 рё:сю:* означает центральную, ключевую фигуру группы или руководителя группы. В современном языке часто используется для обозначения «лидера фракции».

Во многих фразеологических единицах, содержащих различные наименования деталей кимоно, актуализируется мотив богатства, благосостояния или, наоборот, бедности. В средние века в Японии только представители высшего класса имели возможность носить парадное кимоно 十二単 *дзю:ни хитоэ* (двенадцатислойное кимоно), изготовленное из дорогих тканей, в частности, импортного шёлка. Двенадцать слоёв последовательно надевались друг на друга так, чтобы воротники, рукава и полы нижних слоёв кимоно, были видны из-под верхних. Таким образом, богатство и бедность можно было определить по толщине воротника. Воротник двенадцатислойного кимоно был очень объёмным, и это легло в основу значения фразеологизма 襟付きが厚い *эрицуки-га ацуи* (толстый воротник) – значит богатый; а менее объёмные воротники говорили о скромном достатке 襟が薄い *эри-га усуй* (тонкий воротник) – выглядеть бедно.

Одним из свойств фразеологизмов является их коннотативно-оценочная возможность, которая позволяет подчеркнуть характеристики человека. Например, идиома 襟に付く(襟元につく) *эри-ни цуку* (*эримото-ни цуку*) (букв. прикрепиться к воротнику) является характеристикой льстивого человека, указывает на стремление угождать, льстить кому-то, пресмыкаться перед кем-то. Лексема 襟 *эри* (воротник) имеет метафорическое значение «богатый человек», «влиятельный человек». Прикрепиться к воротнику – значит быть угодливым по отношению к богатым и влиятельным людям, следовать за богатыми и влиятельными людьми.

Ситуация, когда высказываются истинные чувства и мысли, признаются в том, что на уме, презентуется идиомой 胸襟を開く *кё:кин-о хираку* (раскрыть душу). 胸襟 *кё:кин* – это место, где на груди заканчивается воротник и в переносном смысле означает «душа, сердце».

3. Фразеологизмы, имеющие в своём составе компонент 帯 *оби* (пояс кимоно)

Несмотря на то, что пояс 帯 *оби* имеет немаловажное значение в создании образа кимоно, с ним связано на удивление мало фразеологических единиц. Кроме указанных выше 着物一枚に帯3本 *кимоно итимаи-ни оби самбон* (три оби для одного кимоно) и むしろを着ていても帯は錦 *мусиро-о китэйтэ мо оби ва нисики* (хотя кимоно из рогожи, пояс оби из парчи), было выявлено всего два фразеологизма с этим компонентом: 五両で帯買って三両で紵ける *горё:-дэ оби каутэ сан рё:-дэ кукэру* (купить ткань для оби за 5 рё и доплатить еще 3 рё за шитьё потайным швом). Существует вариант поговорки 五両の帯に三両のくけ代 *горё:-но оби-ни сан рё:-но кукэдай* (доплата 3 рё за пояс в 5 рё). В современном дискурсе используется в ситуации необходимости неожиданных дополнительных трат. Пояс оби является одним из главных украшений кимоно и делается из более дорогой, чем само кимоно, ткани. Его эстетика зависит от уровня мастерства изготовления. Дефекты в технологии пошива не допускаются, в частности, не должны быть видны швы, поэтому за искусное изготовление пояса необходимо доплачивать деньги. Образ 帯 *оби* также явился мотивацией для образования поговорки 帯に短し襷に長し *оби-ни мидзикаси тасуки-ни нагаси* (короток для пояса оби и слишком длинный для тесёмок тасуки). Употребляется в контексте, когда предметы, находящиеся под рукой, не могут быть использованы ни для каких целей. Смысл опирается на ситуацию, когда ткань слишком коротка для изготовления пояса оби и слишком длинна для использования в качестве тесёмок тасуки – аксессуара, удерживающего для удобства длинные рукава кимоно.

4. Фразеологизмы, имеющие в своём составе компоненты 裾 *сусо* (пола кимоно) и 褌 *цума* (подол кимоно)

裾 *сусо* и 褌 *цума* – это те части кимоно, которые при носке находятся близко к земле, легко пачкаются, не бросаются в глаза, считаются не такими значительными деталями, как, например, рукава и воротник, и ассоциируются с выражением つまらないもの *цумаранай моно* (ничтожный, нестоящий). Часто употребляются с отрицательной коннотацией: о низкопробном товаре в торговле говорят 裾もの *сусомоно* (некачественный товар). Идиома 裾を搔く *сусо-о каку* (букв. скрести подол) передаёт значение «перехитрить, обвести вокруг пальца, предать». Идиома 裾を捲る *сусо о макуру* (закатать полы кимоно) – языковая репрезентация эмоции гнева, выражение угрозы.

Фразеологизмы с указанными компонентами неоднородны с точки зрения эмоциональной экспрессии. Они также могут иметь положительную и нейтральную экспрессивную окраску. 裾分け *сусовакэ* (букв. разделить подол) означает поделиться с кем-то тем, что вы сами получили. Этимоло-

гия фразеологизма восходит к обычаю распределять еду среди членов семьи, делиться полученным товаром или прибылью с людьми более низкого ранга. Мотивацией данного фразеологического значения является представление о подоле как о второстепенной, не основной части кимоно. Поэтому *裾分け* *сусовакэ* не употребляется в речи по отношению к вышестоящим людям. Фразеологизм *裾を肩に結ぶ* *сусо-о ката-ни мусубу* (букв. привязать подол к плечам) характеризует отношение человека к труду и означает «не жалея сил, старательно что-то делать, браться за любую работу, готовность идти на многое». Он образовался из свободного словосочетания *裾を結ぶ* *сусо-о мусубу* (подвязывать полы кимоно). Подготовка к работе начинается с приведением одежды в тот вид, в котором она не будет отвлекать от работы. Длинный подол кимоно сковывает движения, с ним неудобно работать, поэтому его подвязывали, чтобы он не мешал. Этот фразеологизм символизирует трудолюбие и часто вызывает ассоциации с тяжёлой работой. Старательность, исполнительность и ответственность является проявлением высших ценностей в японской культуре.

В Японии считается, что соблюдение правил надевания и ношения кимоно способствует даже повышению духовности и нравственности. Кимоно ограничивает движения, способствуя выработке определённого типа поведения, поэтому оно всегда ценилось не только за элегантность, но и за манеры облачённого в него человека. Движения должны быть плавными и грациозными, манеры сдержанными и женственными. Например, значение идиомы *裾捌き* *сусосабаки* (грациозность манер) сформировалось путём метафорического переноса первичного значения лексемы *裾捌き* *сусосабаки* (букв. обращение с подолом кимоно), которая обозначает специфическую походку одетой в кимоно женщины, когда при движении ноги не задевают подол кимоно, поэтому полы не путаются и не пачкаются. А лексема *捌く* *сабаку* (управлять, иметь дело с чем-либо) в результате семантического расширения приобрело значение «удачно решить сложный вопрос». Фразеологизм *左襟を取る* *хидари дзума-о тору* (стать гейшей) произошёл от характерного жеста гейш при ходьбе придерживать левой рукой полу кимоно.

Цвет кимоно также следует рассматривать как своеобразный знак культуры, аккумулирующий в себе социальные установки. Например, фразеологизм *赤着物を着せられる* *акакимоно-о кисэраэру* (быть одетым в красное кимоно), то есть попасть в тюрьму – это метафорическое переосмысление буквального значения старой традиции эпох Мэйдзи (1868–1912 гг.) и Тайсё (1912–1936 гг.) надевать на заключённых красную одежду.

Существуют фразеологизмы, не имеющие в своём составе лексем, обозначающих кимоно или его детали, но имплицитно отсылающие нас к концепту «кимоно». Идиома *端折る* *хасэру* (подогнуть, подобрать, сократить) произошла от способа укорачивания кимоно. Как известно, при крое кимоно не подгоняется под фигуру конкретного человека, а в процессе одевания укорачивается при помощи складок, которые уходят под пояс оби. Подгибать подол кимоно не позволяет находящаяся на нём роспись. В результате семантической деривации свободное словосочетание *端を折る* *хаси-о ору* (подогнуть край) трансформировалось в идиому со значением «сократить, пропустить, опустить», например, детали в разговоре. В основе значения метафоры *左前になる* *хидаримаэ-ни нару* (запах на левую сторону) лежит традиция надевать кимоно с запахом на правую сторону, а на умершего человека наоборот – с запахом на левую сторону. Кимоно с запахом на левую сторону отождествляется со смертью, поэтому данный фразеологизм имеет отрицательную коннотацию и передаёт значение «дела идут плохо». Обычно при этом имеется в виду экономическое положение. *合い口* *айкути* – места соединения деталей кимоно с узорами, которые должны чётко совпадать, чтобы создавался единый образ. В переносном значении метафора употребляется при выражении совпадения эмоционального состояния двух людей, умения подстраиваться под настроение собеседника. Подобное стремление к гармонизации отношений с окружающими людьми характерно для культуры межличностного общения в Японии.

В японской языковой картине мира концепт «кимоно» обладает ярко выраженными культурно маркированными характеристиками, отражает особые модели мировосприятия и стереотипы поведения. Этим объясняется большое количество образных языковых единиц, построенных на базе наименований деталей кимоно, посредством которых характеризуется национальная специфика и культурная самобытность Японии.

В ходе исследования было выявлено четыре лексико-семантические группы: фразеологизмы, имеющие в своём составе компоненты 袖 *содэ* (рукав) и 袂 *тамото* (край рукава); фразеологизмы, имеющие в своём составе компонент 襟 *эри* (воротник); фразеологизмы, имеющие в своём составе компонент 帯 *оби* (пояс); фразеологизмы, имеющие в своём составе компоненты 裾 *сусо* (пола кимоно) и 褌 *цума* (подол кимоно), а также фразеологические единицы, которые не вошли ни в одну из вышеуказанных групп, так как в них не содержится наименований видов кимоно или его деталей, но которые отсылают нас к концепту «кимоно».

Этимологический анализ показал, что из всего корпуса рассматриваемых образных единиц в количественном отношении выделяются фразеологизмы, образовавшиеся в процессе идиоматизации жестовых единиц и семантической деривации от жестов к жестовым фразеологизмам. Переход от жеста к жестовому фразеологизму означает «символическое превращение жеста как физического движения тела в культурный и языковой элемент» [5, с. 306]. Такие образные единицы построены на базе коммуникативных жестов, используемых при сознательной, целенаправленной невербальной передаче информации собеседнику. Фразеологических единиц, восходящих к симптоматическим жестам, выражающим эмоциональное состояние, было обнаружено мало, всего две.

Фразеологизмы, происходящие от чётко регламентированного ритуала и правил надевания и ношения кимоно, составляют вторую по численности группу. Они отражают эстетические представления японцев об идеальном образе кимоно. Рассмотренные фразеологизмы свидетельствуют о том, что японцы предъявляют высокие требования к эстетическим качествам, а отход от них резко осуждается.

Заключение (CONCLUSION)

Исследование показало, что образное мышление японцев характеризуется семантическим своеобразием, а образные лексемы и фразеологизмы с компонентом «кимоно» передают широкий спектр смыслов, начиная от утилитарных характеристик вплоть до эмоционально-оценочных значений.

Образные средства языка, номинирующие виды и детали кимоно требуют развёрнутых комментариев, особого внимания к культурному контексту, в котором они функционируют, так как неспособность понять и интерпретировать образ препятствует адекватному восприятию коммуникативной ситуации. И, наоборот, понимание культурного контекста демонстрирует уровень прагматической компетенцией участников общения.

© Лихолетова О.Р., 2023

Список литературы

1. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография/ В.В. Виноградов. М.: Флинта: Наука, 1997. с.140-161.
2. Гуревич Т.М. Без поговорки речь не молвится. Полвека в японоведении. Сборник статей и очерков. МГУ имени М.В.Ломоносова, филологический факультет, ОСИПЛ, выпускники японской группы 1968г. / В.М.Алпатов и др. М.: Издательство «Моногатари», 2013. 336с.
3. Изотова Н.Н. Своеобразие концепта “счастье” в японской лингвокультуре: дис. кандидата культурологии наук: 24.00.01/ Изотова Н.Н.; МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва., 2012. 211 с.
4. Изотова Н.Н. К вопросу о прочтении «культурного кода» в лингвокультурологии / Н.Н. Изотова. Культура и цивилизация, 10 (4А), с. 5-11. DOI: 10.34670/AR.2020.42.95.001.
5. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. Москва: Новое литературное обозрение, 2002. 592с.
6. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. /Дж. Лакофф, М. Джонсон. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. Лотман Ю. М. Куклы в системе культуры. //Лотман Ю.М. Избранные статьи в трёх томах. Т.1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. с.377-380.
8. Лотман Ю. М. Семиосфера. О семиотическом механизме культуры / Ю. М. Лотман. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. 704 с.
9. Манъёсю: [Собрание мириад листьев – антология]: в 3-х томах/ перевод с японского и комментарий А.Е. Глускиной. М.: Главная редакция восточной литературы, 1971. 678с.

10. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208с.
11. Юрина Е.А. Образность в системе лексико-семантических категорий языка // Вестник Томского государственного университета: Бюллетень оперативной научной информации 2004, № 32. Томск. с. 25-58.
12. 岡田聡宏・井門亮「省略語・イディオム解釈とアドホック 概念」『言語・文化・社会』12, 学習院大学, 2014, pp. 1-29. Сокращения, толкование идиом и ad-hoc концепт. Язык, литература, общество № 12, университет Гакусюин, с. 1-29.
13. 石田プリシラ「慣用句の意味を分析する方法」『日本語と日本文学』37, 筑波大学国語国文学会, 2003, pp. 13-26. / Исида Присцилла. Способы анализа значений фразеологизмов. Японский язык и литература № 37. Общество изучения японского языка и литературы университета Цукуба, 2003, с.13-26.
14. 中村明「感情表現の慣用句と比喩(〈特集〉日本語の形容詞とその 周辺—意味・機能から)」『国文学 解釈と鑑賞』74 (7), 至文堂, 2009, pp. 70-81. / Накамура Акира. Идиомы и метафоры для выражения эмоций (Особенность: японские прилагательные и их окружение – от их значений и функций). Японская литература: интерпретация и оценка. №74 (7). Сибундо. 2009, с.70-8.
15. 佐々木文彦「コーパスを利用した言葉の意味・用法の変化の研究—「敷居が高い」を例に—」『第4回コーパス日本語学ワークショップ予稿集』2013年9月国立国語研究所, pp. 1-10. / Корпусные исследования изменений в значении и употреблении слов. На примере «высокий порог». Материалы 4-го семинара по корпусному японоведению. Сентябрь 2013, Институт японского языка. С. 1-10.
16. 藤巻一真「慣用句における移動と解釈の問題」Scientific approaches to language 6, 神田外語大学, 2007, pp. 1-12. / Фудзимаки Кадзума. Вопросы перемещения и интерпретации в идиомах. Научный подход к языку 6, Университет иностранных языков Канда, 2007, с. 1-2.
17. 土屋知行「言語の創造性の基盤としての定型表現—慣用句およびことわざの拡張用法の調査」『認知科学』18 (2), 2011, pp. 370-374. / Цутия Томоюки. Устойчивые выражения как основа творчества в языке: исследование расширенного использования идиом и пословиц. Когнитивная наука 18 (2), 2011, с. 370-374.

References

1. Vinogradov, V.V. Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinits v russkom yazyke [On the main types of phraseological units in the Russian language] // *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* / V.V. Vinogradov. M.: Flinta: Nauka, 1997. p.140-161.
2. Gurevich, T.M. Bez poslovitsy rech' ne molvitsia [Without a proverb speech is not spoken.]. *Polveka v iaponovedenii. Sbornik statei i ocherkov*. MGU imeni M.V. Lomonosova, filologicheskii fakul'tet, OSiPL, vypuskniki yaponskoi gruppy 1968. / V.M. Alpatov i dr. M.: Izdatel'stvo «Monogatari», 2013. 336 p.
3. Izotova, N.N. *Svoeobrazie kontsepta "schast'e" v iaponskoi lingvokul'ture* [The peculiarity of the concept "happiness" in Japanese linguoculture]: dis. kandidata kul'turologii nauk: 24.00.01/ Izotova N.N.; MGU im. M.V. Lomonosova. Moskva. 2012. 211p.
4. Izotova, N.N. K voprosu o prochtenii «kul'turnogo koda» v lingvokul'turologii [Towards a reading of the "cultural code" in linguocultural studies]/ N.N. Izotova. *Kul'tura i tsivilizatsiia*, 10 (4A), p. 5-11.
5. Kreidlin, G.E. Neverbal'naiia semiotika: iazyk tela i estestvennyi iazyk [Non-verbal semiotics: body language and natural language]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 592 p.
6. Lakoff, George, Johnson, Mark. *Metafori, kotorymi my zhivem [Methaphors We Live By]*: Per. s angl. / Pod red. i s predisl. A. N. Baranova. M.: Editorial URSS, 2004. 256 p.
7. Lotman, Yu. Kukly v sisteme kul'tury [Dolls in a cultural system] // *Lotman Yu. Izbrannye stat'i v trekh tomakh. T.I. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury*. Tallinn: Aleksandra, 1992. p. 377-380.
8. Lotman, Yu. *Semiosfera. O semioticheskom mekhanizme kul'tury* / Yu. M. Lotman. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2004. 704 p.
9. Man'esyu, *Sobranie miriad listev – antologiya* [Myriad Leaves Collection - Anthology]: v 3-kh tomakh/ perevod s iaponskogo i kommentarii A.E. Gluskinoi. M.: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1971. 678 p.
10. Maslova, V.A. *Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii/* V.A. Maslova. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2001. 208 p.
11. Yurina, E.A. *Obraznost' v sisteme leksiko-semanticheskikh kategorii iazyka* // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Byulleten' operativnoi nauchnoi informatsii*. 2004. № 32.- Tomsk: p. 25-58.
12. 岡田聡宏・井門亮「省略語・イディオム解釈とアドホック 概念」『言語・文化・社会』12, 学習院大学, 2014, pp. 1-29. [Okada T. and Ido R. (2014) 'Abbreviations, idiom interpretation and ad hoc concepts', *Language, Culture and Society* 12, Gakushuin University, pp. 1-29.]
13. 石田プリシラ「慣用句の意味を分析する方法」『日本語と日本文学』37, 筑波大学国語国文学会, 2003, pp. 13-26. [Ishida P. 'How to analyse the meaning of idiomatic phrases', *Japanese Language and Japanese Literature* 37, *The Society for the Study of Japanese Language and Literature*, University of Tsukuba, 2003, pp. 13-26.]
14. 中村明「感情表現の慣用句と比喩(〈特集〉日本語の形容詞とその 周辺—意味・機能から)」『国文学 解釈と鑑賞』74 (7), 至文堂, 2009, pp. 70-81. [Nakamura A. "Idioms and Metaphors for Expressing Emotions (<Feature> Japanese Adjectives and Their Surroundings: From their Meanings and Functions). *Japanese Adjectives and their Meanings and Functions*", *Kokubunshugaku: Henshitsu to Kanzan (Interpretation and Appreciation of Japanese Literature)*, 74 (7), Shibundo, 2009, pp. 70-81. 2009, pp. 70-81.]
15. 佐々木文彦「コーパスを利用した言葉の意味・用法の変化の研究—「敷居が高い」を例に—」『第4回コーパス日本語学ワークショップ予稿集』2013年9月国立国語研究所, pp. 1-10. [Sasaki F. 'A study of changes in the meaning and usage of words using corpora – 'shiki ga takai' as an example', *Proceedings of the 4th Corpus Japanese Studies Workshop*, National Institute for Japanese Language and Linguistics, September 2013.]

-
16. 藤巻一真「慣用句における移動と解釈の問題」Scientific approaches to language 6, 神田外語大学, 2007, pp. 1-12. [Fujimaki K. 'Problems of movement and interpretation in idiomatic phrases', *Scientific approaches to language* 6, Kanda University of International Studies, 2007, pp. 1-12.]
 17. 土屋智行「言語の創造性の基盤としての定型表現—慣用句およびことわざの拡張用法の調査」『認知科学』18 (2), 2011, pp. 370-374. [Tomoyuki Tsuchiya, "Formal expressions as a basis for creativity in language: An investigation of extended usages of idiomatic phrases and proverbs", *Cognitive Science*, 18 (2), 2011, pp. 370-374.]

Сведения об авторе:

Лихолетова Ольга Романовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры японского и других языков МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: японский язык, лингвокультурология, лингвострановедение, педагогика. E-mail: o.liholetova@inno.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0003-1523-4590

About the author:

Olga R. Likholetova, PhD, Philology, is Associate Professor at the Japanese language Department. Field of research: linguistics, cultural linguistics.
E-mail: o.liholetova@inno.mgimo.ru ORCID ID: 0000-0003-1523-4590

* * *

ARGOT TRANSLATION IN S. DOVLATOV'S PROSE (BASED ON THE TRANSLATION OF "PUSHKIN HILLS" AND "CRAFT" INTO SPANISH AND PORTUGUESE)

Yulia I. Mikaelyan

MGIMO University
76, Prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russia

Abstract. Using the example of translations of the novella "Pushkin Hills" and the novel "Craft" into Portuguese (Brazilian national version) and Pyrenean version and Argentine national version of Spanish, the article analyzes the strategies for translating prison slang vocabulary discovered in S. D. Dovlatov's writings. Prison jargon is an important element of the writer's idiosyncrasy, and it is found in almost all his texts. For example, Dovlatov often uses prison jargon to define his characters by linguistic means, in their direct speech. The cultural marking of the Russian prison-camp jargon is particularly difficult to translate. Due to historical circumstances in the twentieth century, many lexemes from prison jargon moved into colloquial speech, while maintaining a special expressiveness and connotations. Prison jargon is present in all languages and cultures, however, as a rule, it is used by a rather narrow circle of people, while for people far from the prison environment, the meanings of these jargonisms are unclear. As a result, the translation of jargonisms in which the Russian reader of Dovlatov instantly reads the implicit information referring to the prison environment poses a difficult task for translators, as in most cases there are no connotative equivalents in the translation language. Within the framework of the communicative-functional approach, due to the comparative analysis of translated texts, the article examines the translation strategies used by translators to convey the stylistic originality and expressiveness of prison jargon found on the pages of S. Dovlatov's works. The analysis of the translated texts has demonstrated that due to the fact that the prison jargon used by the writer mainly refers to the layer of non-equivalent vocabulary, in order to achieve the communicative equivalence of the translation texts, translators turn to both the strategy of foreignization and the strategy of domestication, adapting the text to the culture of translation; often slang and reduced expressions are replaced in translation by stylistically neutral ones; in some cases, translators also turn to free translation (for example, when translating puns). Such translation substitutions inevitably lead to distortions of the author's intention and to the loss of some expressions of the original text. Nevertheless, the reception of Dovlatov's works by foreign readers demonstrates that the translation of his prose with at least partial preservation of cultural and stylistic originality is possible.

Keywords: Sergei Dovlatov, Russian literature, literary translation, translation strategies, jargon, communicative-functional approach, communicative equivalence

For citation: Mикаэлян, Yu. I. (2023). Argot translation in S. Dovlatov's prose (based on the translation of "Pushkin Hills" and "Craft" into Spanish and Portuguese). *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(4), pp. 96–107. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-96-107>

Исследовательская статья

ПЕРЕВОД АРГО В ПРОЗЕ С. Д. ДОВЛАТОВА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ ПОВЕСТИ «ЗАПОВЕДНИК» И РОМАНА «РЕМЕСЛО» НА ИСПАНСКИЙ И ПОРТУГАЛЬСКИЙ ЯЗЫКИ)

Ю.И. Микаэлян

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье на примере переводов повести «Заповедник» и романа «Ремесло» на португальский язык (бразильский национальный вариант) и испанский язык (пиренейский вариант и аргентинский национальный вариант) анализируются стратегии перевода тюремной жаргонной лексики, присутствующей в произведениях С.Д. Довлатова. Тюремный жаргон является важным элементом идиостиля писателя и встречается практически во всех его текстах. Например, Довлатов нередко использует тюремные жаргонизмы для характеристики своих персонажей языковыми средствами, в их прямой речи. Особую сложность при переводе представляет культурная маркированность русского тюремно-лагерного жаргона: в силу исторических обстоятельств в XX веке многие лексемы из тюремного жаргона перешли в разговорную речь, сохраняя при этом особую экспрессивность и коннотации. Тюремный жаргон присутствует во всех языках и культурах, однако, как правило, употребляется довольно узким кругом лиц, в то время как для людей, далёких от тюремной среды, значение этих жаргонизмов непонятно. В результате перевод жаргонизмов, в которых русский читатель Довлатова мгновенно считывает имплицитную информацию, отсылающую к тюремной среде, ставит непростую задачу перед переводчиками, поскольку в большинстве случаев в языке перевода нет коннотативных эквивалентов. В рамках коммуникативно-функционального подхода, за счёт сопоставительного анализа переведённых текстов, в статье исследуются стратегии перевода, используемые переводчиками для передачи стилистического своеобразия и экспрессивности тюремного жаргона, встречающегося на страницах произведений С. Довлатова. Анализ переведённых текстов продемонстрировал, что в связи с тем, что тюремные жаргонизмы, используемые писателем, преимущественно относятся к пласту безэквивалентной лексики, для достижения коммуникативной эквивалентности текстов перевода переводчики обращаются как к стратегии форенизации, так и к стратегии доместикации, адаптируя текст под культуру перевода; нередко жаргонные и сниженные выражения заменяются в переводе стилистически нейтральными; в некоторых случаях переводчики обращаются и к свободному переводу (например, при переводе каламбуров). Подобные переводческие трансформации неизбежно ведут к искажению авторского замысла и частичной утрате экспрессии, присутствующей в оригинале. Несмотря на это, восприятие произведений Довлатова зарубежными читателями демонстрирует, что перевод его прозы с хотя бы частичным сохранением культурного и стилистического своеобразия возможен.

Ключевые слова: С. Довлатов, русская литература, художественный перевод, стратегии перевода, жаргонная лексика, коммуникативно-функциональный подход, коммуникативная эквивалентность

Для цитирования: Микаэлян Ю.И. (2023). Перевод арго в прозе С.Д. Довлатова (на примере переводов повести «Заповедник» и романа «Ремесло» на испанский и португальский языки). *Филологические науки в МГИМО*. 9(4), С. 96–107. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-96-107>

Последние десятилетия явления глобализации продолжают сближать носителей разных языков и культур, в связи с чем всё большую актуальность приобретают исследования в области семиотики, переводоведения и межкультурной коммуникации, а также восприятия национальных литератур у иностранных читателей. Тесные межкультурные связи способствуют и процессу перевода на иностранные языки художественной литературы. Это, в свою очередь, позволяет читателям знакомиться как с новыми зарубежными авторами, ранее не переводившимися, так и с новыми переводами уже широко известных произведений.

Книги С. Д. Довлатова (1941–1990), одного из крупнейших русских писателей второй половины XX века, начали переводить на иностранные языки ещё при жизни автора. Уже первые публикации на английском языке, в начале 80-х гг., имели большой успех среди англоязычной публики США (Довлатов проживал в Нью-Йорке с 1978 года вплоть до самой смерти в 1990 году); тогда же произведения писателя начали активно переводиться и на другие европейские языки.

Одна из характерных особенностей авторского языка Довлатова, которую отмечают все исследователи его творчества, – это, с одной стороны, стилистическая безупречность авторской речи, а с другой, разнообразие стилевых регистров в прямой речи персонажей. И если в авторской речи писатель всегда придерживается нейтральной, стилистически выверенной литературной нормы, то речь его героев изобилует в том числе и сниженной лексикой, и просторечиями, и жаргонизмами. Жаргонную лексику, которая встречается в текстах писателя, можно сгруппировать вокруг пластов тем, представляющих важность для художественного мира Довлатова, которые являются лейтмотивами большинства его произведений. К ним относится тюремный жаргон, а также жаргонные слова и выражения, связанные с темой алкоголя и алкоголизма; профессиональный журналистский жаргон и др.

Другой характерной чертой прозы Довлатова является её сильный автобиографизм. В своих произведениях писатель перерабатывал собственный жизненный опыт и часто в основу сюжета ставил события из своей биографии, используя в качестве прототипов персонажей реальных людей – родственников и знакомых. Как известно, в армии Довлатов служил лагерным охранником в Республике Коми (1962–1965), и этот опыт сильно повлиял на его становление как писателя. «Тюремному» опыту полностью посвящён роман «Зона», однако отголоски лагерной темы так или иначе встречаются во всех его произведениях. Как отмечает И.Н. Сухих, один из крупнейших российских исследователей творчества Довлатова, «зона догоняет довлатовских героев, в том числе центрального, автопсихологического персонажа, всю жизнь. Почти в каждой книге есть эпизод, навязчивый мотив неожиданной встречи с ней» [9, с. 205–206]. Для характеристики персонажей языковыми и стилистическими средствами, через их прямую речь, Довлатов часто использует тюремный жаргон. Перевод подобных фрагментов может представлять ряд сложностей для переводчиков, поскольку помимо адекватной передачи смысла и сохранения авторского замысла в задачи переводчика входит также и сохранение авторского стиля на языке перевода.

Цель данной статьи – в рамках коммуникативно-функционального подхода рассмотреть возможные стратегии перевода и культурной адаптации тюремно-лагерного жаргона, который встречается в произведениях писателя. Для этого будут проанализированы переводы повести «Заповедник» и романа «Ремесло» на пиренейский вариант и аргентинский национальный вариант испанского языка и на бразильский вариант португальского языка. Переводы этих текстов вышли в трёх странах почти одновременно: повесть «Заповедник» была опубликована в 2016 году в Бразилии и Аргентине (браз., *Parque cultural*; арг., *La reserva nacional Pushkin*), в Испании в 2017 году (исп., *Retiro*); роман «Ремесло» вышел в 2016 году в Аргентине (*El oficio*), в 2017 году – в Бразилии и Испании (браз., *O oficio*; исп., *Oficio*).

Как отмечает В.С. Модестов в своей книге «Искусство художественного перевода», «перевод изначально не может быть равным оригиналу, потери и добавления неизбежны, но он должен соответствовать ему по силе и направленности содержательного и эмоционального воздействия на читателей» [6, с. 31]. Включение читателя в перевод, а также необходимость принимать во внимание в том числе и особенности экстралингвистического характера позволяют рассматривать проблему перевода художественного текста (и в частности, перевода тех или иных пластов лексики, встречающихся в художественном тексте) в рамках коммуникативно-функционального подхода, выдвигающего на первый план функцию, цель переводимого текста [10, с. 47]. Его разработка началась в 70-е годы Катариной Райс и Хансом Фермеером, авторами переводческой концепции, получившей название теории скопоса (нем. *Skopostheorie*, от гр. «скопос» – цель). В статье «Тип, вид и индивидуальность текста: принятие решений при переводе» (*Type, kind and individuality of text: decision making in translation*) Райс отмечает, что одна из главных целей межъязыкового перевода – это «создание текста, функционально эквивалентного оригиналу» [19, с. 160] (Здесь и далее перевод иноязычных работ мой. – Ю. М.).

Применительно к теме нашего исследования, согласно данной концепции, переведённое выражение должно обладать той же экспрессией и теми же коннотациями, которые вызывает жаргонное выражение в исходном тексте. Важно отметить, что сохранение экспрессии и коннотаций не предполагает привязки к семантической эквивалентности, которая во многих случаях не может обеспечить адекватную передачу смысла исходного текста. Так, говоря о стратегии перевода и проблеме эквивалентности, выдающийся российско-испанский лингвист и теоретик перевода З.Д. Львовская отмечает, что иногда, «несмотря на наличие языковых эквивалентов в языке перевода, они не могут использоваться по экстралингвистическим причинам», а «стратегия и конкретный выбор переводчика в пользу того или иного варианта перевода зависят не от того, имеются или не имеются соответствия в языке перевода (формальный фактор), а от других, чисто коммуникативных факторов, которые оказываются релевантными, чтобы сохранить в переводном тексте концептуальную программу автора исходного текста и обеспечить приемлемость переводного текста в принимающей культуре» [5, с. 22-23]. В дальнейшем Львовская приходит к выводу, что коммуникативная эквивалентность является «единственной и действительной эквивалентностью в переводе», а для её достижения иногда может быть необходимо заменить в тексте перевода семантическое содержание исходного текста. Подобное семантическое несовпадение двух текстов при переводе «является универсальным феноменом» [там же, с. 54].

Сложности с переводом тюремной лексики в текстах Довлатова возникают в первую очередь из-за того, что «феня», русский тюремный жаргон (исследователи также обозначают его терминами «тюремно-лагерный жаргон», «воровской жаргон»), представляет собой культурно-специфическое явление, существующее в России и на просторах бывшего СССР. Тюремный жаргон существует во всех языках и культурах (в испаноязычных странах, в том числе в Испании и Аргентине, он обозначается термином *jerga carcelaria* или *jerga de prisión*, в Бразилии – *gíria de cadeia*), однако обычно им пользуется довольно закрытая социальная группа, а обыватели, как правило, с этими выражениями не знакомы. Идея зашифрованности, тайности содержится в самой лексеме *jerga*

(«жаргон», «арго»), согласно словарной статье в словаре Испанской королевской академии, где ей даётся следующее определение: «Lenguaje especial utilizado originalmente con propósitos crípticos por determinados grupos, que a veces se extiende al uso general»¹ [23].

Ситуация с советским тюремно-лагерным жаргоном принципиально иная: в силу исторических обстоятельств в СССР в XX веке началось распространение тюремной лексики за пределы тюрем и лагерей, и многие лексемы со временем перешли в разряд разговорной речи. Во время сталинских репрессий в лагерях оказались не только представители криминального мира, но и «обыватели», принадлежащие к самым разным социальным стратам, в результате чего лексемы особого, субкультурного языка, изначально использовавшегося довольно узкой и закрытой группой лиц, начали попадать в разговорную речь. В результате, как отмечает Л.П. Крысин, тюремно-лагерный жаргон, формировавшийся на протяжении нескольких десятилетий «в социально пёстрой среде советских лагерей и тюрем, (...) восприняв многое из лексико-фразеологического арсенала дореволюционного воровского арго, (...) значительно расширил не только набор выразительных средств, но и социальный состав тех, кто им активно пользовался» [4, с. 92].

Многие писатели (в первую очередь те, кто и сам так или иначе столкнулся с лагерным опытом, в качестве заключённого или, как Довлатов, в качестве надзирателя) использовали тюремно-лагерный жаргон в своём творчестве. Особенно ярко лагерная тема нашла отражение в литературе в период «оттепели», в начале 60-х гг., а также и в 80-е гг. (не только годы сталинских репрессий, но и «период так называемого брежневского застоя значительно разбавили в тюрьмах и лагерях традиционный уголовный контингент качественно иным – политическими заключёнными» [7, с. 125]). Тюремный жаргон мы также встречаем в прозе А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, В.С. Гроссмана, В.П. Аксёнова и др. Его проникновение в литературу и в разговорную речь привело к тому, что значение многих тюремных жаргонизмов понятно и знакомо людям, никак не связанным с криминальной средой, и читатель Довлатова – носитель русской культуры – легко улавливает эти коннотации.

Сложность перевода жаргонной лексики, которая встречается в его книгах, признаёт на страницах романа «Ремесло» и сам автобиографический герой Довлатова: «Откровенно говоря, я не питал иллюзий. Вряд ли перевод окажется хорошим. Ведь герои моих рассказов – зеки, фарцовщики, спившаяся богема. Все они разговаривают на диком жаргоне» [2, с. 136].

Подобная культурная маркированность и отсутствие эквивалентов в языке перевода вынуждают переводчиков искать другие способы передачи стилистической и экспрессивной нагрузки, которые несут жаргонные слова и выражения. Как отмечает Модестов, как правило, жаргонизмы (а также диалектизмы) выполняют в тексте «три семантические функции, а) характеризую местное происхождение говорящего; б) характеризую его социально; в) подчёркивая его образовательный и культурный уровень» [6, с. 148]. Рассмотрим примеры употребления жаргонной лексики в произведениях Довлатова.

Один из самых колоритных персонажей повести «Заповедник», чья речь отличается особой экспрессивностью, – это алкоголик Михал Иваныч Сорокин, житель деревни Сосново, у которого арендует комнату главный герой. Речь Михал Иваныча изобилует сниженной и жаргонной лексикой, кроме того, в репликах персонажа читатель может наблюдать характерный стилистический приём, используемый Довлатовым для создания комического эффекта: автор резко меняет стилистический регистр, переходя от «высокого стиля» к «низкому», или наоборот. Например, как в анализируемом ниже фрагменте, следом за сакральным выражением персонаж употребляет сниженную или бранную лексику, тюремный жаргон. Неожиданное переключение также приводит к смене эмоционально-психологического регистра, на чём и строится юмор фрагмента. Кроме того, подобные контрасты служат для характеристики самого персонажа, амбивалентного и полного противоречий.

¹ Особый язык, изначально используемый отдельными социальными группами с целью шифрования информации, слова и выражения из которого могут становиться общеупотребительными.

Подобное контрастное сосуществование лексем, принадлежащих разным стилям речи, отражается в следующем примере. Рассмотрим стратегии, применяемые переводчиками для перевода фрагмента.

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural</i>	<i>Retiro</i>	<i>La reserva nacional Pushkin</i>
Сосед, выручи, дай пятерочку... Ну, трояк... Христом-Богом прошу... Сучара ты бацильная ... [1, с. 204]	Vizinho, dê uma força, me dê cinco rublos... Bom, três... Imploro, por Nosso Senhor Jesus Cristo... Seu cuzão de merda ... [17, с. 67]	Échame una mano, vecino, dame cinco rublitos... Venga, aunque sean tres... Por Jesucristo te lo pido... Perra tuberculosa ... [18, с. 53]	¡Oye, vecino, sacame de apuro, préstame los cinco... bueno, tres rublos... Te ruego, por Cristo... Putá sifilítica ... [14, с. 55]

В силу отсутствия эквивалента – выражения, которое было бы понятно широким массам читателей и в то же время несло в себе отсылку к тюремной среде, – переводчики на португальский язык использовали стратегию доместикации. Термины «доместикация» и «форенизация» ввёл в обиход американский теоретик перевода Лоренс Вентути [22], опираясь на идею о двух противоположных методах перевода текста на иностранный язык, изложенную немецким философом Ф. Шлейермахером в тексте «О разных методах перевода» [20].

Так, стратегия доместикации предполагает адаптацию переводимого фрагмента под культуру перевода и допускает переводческие трансформации, задействующие фоновые знания иностранных читателей. Бразильские переводчики использовали бранное выражение, схожее по степени экспрессивности и эмоциональной нагрузке с выражением из исходного текста. Аналогично поступили и аргентинские переводчики, которые также выбрали бранное выражение, отчасти сохранив семантику оригинала (идею заразности, болезни) за счёт прилагательного *sifilítico*.

Испанские переводчики, напротив, предпочли перевести оборот дословно, использовав, таким образом, переводческую стратегию форенизации и умышленно сохранив «иностранное», не свойственное испанской культуре звучание фразы. Однако в этом случае подобное решение представляется нецелесообразным из-за значения выражения на русском языке: в исходном тексте оно несёт не смысловую, а стилистическую и эмоциональную нагрузку. Таким образом, в испанском переводе фрагмента мы видим пример так называемой «семантической эквивалентности», согласно терминологии Львовской [5, с. 23–24], которая не ведёт к адекватной передаче смысла.

Ещё один персонаж «Заповедника», в чьей речи часто встречаются тюремные жаргонизмы – это беллетрист Стасик Потоцкий. Если об уголовном прошлом Михал Иваныча читателю ничего не известно (на то, что такой опыт у персонажа был, намекают используемые им жаргонные выражения), то о судимости Потоцкого сообщает автор: Потоцкий год провёл в тюрьме по статье за бродяжничество. В целом для этого персонажа характерна довольно бедная и косноязычная речь, избыливающая сниженной лексикой и дискурсивными словами.

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural</i>	<i>Retiro</i>	<i>La reserva nacional Pushkin</i>
Дед, я чуть не разбогател. Я придумал исключительный финансовый трюк. Послушай, идея такова. Я знакомлюсь с каким-нибудь фрайером . У него машина, деньги, бля, и прочее. Мы берём одну, заметь – одну чувиху и едем на пленэр [1, с. 213].	Cara, quase fiquei rico. Inventei um truque fora de série. Escuta, a ideia é a seguinte. Conheço um trouxa qualquer. Ele tem carro, dinheiro, porra, tem tudo. Pegamos uma safada (note-se: só uma) e vamos ao ar livre mesmo. [17, с. 78]	Niño, por poco me hago rico. Diseñé un plan fantástico para sacarse una pasta. Escucha, la idea era como te cuento. Se trata de localizar al típico subnormal . Con dinero, con coche, esas cosas. Nos ligamos a una, ¡atento!, a una sola chavala y nos la llevamos con el coche al campo, <i>au plein air</i> [18, с. 67].	Sabés, viejo, estuve a punto de volverme rico. Inventé un exclusivo truco financiero. Escuchá, la idea es esta. Busco a un tipo con dinero, auto y demás. Los dos buscamos a una mina , prestá atención: a una sola... y la llevamos a pasear [14, с. 65].

В данном фрагменте наше внимание привлекли лексемы тюремного жаргона «фрайер» и «чувиха». В случае лексемы «чувиха» мы наблюдаем тенденцию перехода жаргонных слов в разговорную речь, поскольку сейчас тюремное жаргонное значение слова уже стёрлось для носителей языка. Согласно словарю тюремного жаргона, лексема была заимствована из цыганского языка и употре-

блялась в криминальной среде с дореволюционных времён в значении «молодая проститутка» [3, с. 638]. Переводчики на португальский язык сохранили данные коннотации, значение «доступной женщины», используя разговорное *safada* (его можно перевести как «бесстыжая»).

В свою очередь переводчики из Испании использовали лексему *chavala*, «девчонка», также относящуюся к разговорной речи, которая обозначает молодую женщину или девочку и не обладает дополнительными коннотациями.

В аргентинском переводе используется разговорное *mina*, «девушка, женщина», широко употребляемое в регионе Рио-де-Ла-Плата. Лексема восходит к социолекту лунфардо, сложившемуся в Буэнос-Айресе к началу XX века, куда, согласно Словарю испанской королевской академии, в свою очередь слово было заимствовано из итальянского жаргона в значении «молодая проститутка» [23]. Таким образом, и в аргентинском переводе переводчикам также удаётся сохранить определённый сексуальный подтекст.

Хотелось бы отметить, что только в переводе на португальский сохраняется бранное слово, постоянно используемое персонажем в качестве дискурсивного маркера. Постоянно повторяющийся в речи Потоцкого дискурсивный маркер, в том числе внутри фразы, где беллетрист сравнивает себя с А.П. Чеховым («Я писатель, бля, типа Чехова» [1, с. 211]) является важной характеристикой персонажа, на которой строится авторская ирония. Для речи Потоцкого характерна стилистическая бедность, однако, несмотря на убогость языка, в отличие от главного героя повести, от чьего имени ведётся повествование, Бориса Алиханова (Алиханов принадлежит к неофициальной литературе, его не печатают и, соответственно, формально в советском литературном пространстве его не существует), Стасик Потоцкий, наоборот, считается профессиональным писателем – он состоит в Союзе писателей и ему удаётся публиковать свои рассказы. Сохранение подобных дискурсивных элементов в тексте перевода представляется нам крайне важным, поскольку, как отмечает В.С. Модестов, «в пределах художественного текста язык тоже становится носителем информации» [6, с. 65].

Что касается лексемы «фрайер», пришедшей в русский тюремный жаргон из идиша, для неё характерна полисемность: «фрайером» могут называть и рядового уголовника, и любого человека, не являющегося вором в законе. Жаргонизм использовался с дореволюционных времён, а в 30-е годы прошлого века у него появилось дополнительное значение «потерпевший, наивный и доверчивый человек». Как отмечают авторы словаря «Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира», слово широко употреблялось в криминальной среде вплоть до 60-х гг. XX века [3, с. 607]. Следовательно, когда Довлатов служил охранником, оно ещё было в узусе.

В отсутствие эквивалентов в языках перевода переводчики обратились к разговорным выражениям: *trouxa* в португальском языке, которое можно как раз перевести как «простак, растяпа»; у лексемы *subnormal*, встречающейся в испанском переводе, тоже есть негативная коннотация и значение «глупый, умственно ограниченный, которого легко обмануть» [23]. Аргентинские переводчики использовали разговорное *tipo* («мужчина, человек»), не обладающее дополнительными коннотациями.

Как было отмечено выше, лексема «фрайер» обладает рядом значений и в том числе используется в разных значениях и в текстах Довлатова. Так, в романе «Ремесло» слово встречается в речи персонажа фарцовщика Акулы.

Ремесло	O ofício	Oficio	El oficio
- В Москве я жил как фрайер . Покупал у финского туриста зажигалку и делал на этом свой червонец [2, с. 119].	- Em Moscou, eu me virava como um fráier . Eu comprava um isqueiro de um turista finlandês e nisso juntava meus dez pratas [16, с. 141].	- En Moscú vivía como un señor . Le compraba el mechero a un turista finlandés, e de ese modo me agenciaba diez rublitos [15, с. 178].	- Yo vivía en Moscú como un pachá . Les compraba encendedores a los turistas finlandeses y con eso me hacía el día [13, с. 126].

Лексема «фрайер» здесь уже имеет другое значение, «рядовой уголовник, человек, нерегулярно занимающийся нелегальными вещами» [3, с. 607]. Чтобы сохранить авторский замысел, переводчики на португальский использовали стратегию форенизации, оставив слово без перевода. В тексте перевода есть сноска, где дана этимология слова и объясняется его значение в данном контексте. В свою очередь испанские и аргентинские переводчики в отсутствие эквивалента использовали стратегию доместикации и ушли от отсылки к тюремным реалиям: в испанском переводе используется *señor* («уважаемый человек»), в аргентинском – *pachá* («паша», выражение *vivir como un pachá* можно перевести как «жить в роскоши» [23]). Как мы видим, подобная переводческая трансформация (В.С. Модестов называет переводческими трансформациями «перестановки, замены, добавления, опущения и т.п., которые должны производиться с учётом контекста переводимого произведения» [6, с. 95]) в обоих случаях ведёт к некоторому искажению смысла исходного текста.

В следующем примере из романа «Ремесло» мы встречаем жаргонизм «вертухай», который употребляется в отношении автобиографического персонажа главный редактор крупнейшей русской эмигрантской газеты в США. Лексема «вертухай», ещё один пример безэквивалентной лексики, употребляется для обозначения тюремного надзирателя с 30-х гг. XX века, возникнув и распространившись в советских лагерях [3, с. 91].

Ремесло	O ofício	Ofício	El oficio
... И Боголюбов не выдержал. Он написал большую редакционную статью – «Доколе?». «Зеркало» в этой статье именовалось «грязным бульварным листком». А я – «бывшим вертухаем». Речь в статье, естественно, шла о том, что мы продались КГБ [2, с. 153].	... Até que Bogoliúbov não aguentou. Escreveu um enorme editorial: "Até quando?". No artigo, chamou o <i>Espelho</i> de "uma folha ordinária e indecente". E eu, de "ex- capanga ". Naturalmente, o artigo tratava da ideia de termos nos vendido ao KGB [16, с. 180].	... Bogoliúbov no pudo aguantarlo. Escribió un extenso editorial, "¿Hasta cuándo?". En el artículo se llamaba a El <i>Espejo</i> "sucio periodicucho". Y a mí, "antiguo carcelero ". Por supuesto, lo que venía a decir que nos habíamos vendido al KGB [15, с. 225–226].	... Y Bogoliúbov no lo aguantó. Escribió un largo editorial: "¿Hasta cuándo?". Se nombraba allí a <i>Zéрко</i> como "sucia y vulgar gaceta", y a mí como "ex carcelero ". En el artículo se decía, desde ya, que nos habíamos vendido al KGB [13, с. 160].

В отсутствие эквивалентов переводчики на пиренейский вариант и аргентинский национальный вариант испанского языка заменили его в тексте перевода стилистически нейтральным *carcelero* («тюремщик, тюремный надзиратель»).

Однако в данном фрагменте необходимо учитывать контекст, в котором употребляется слово: лексема «вертухай» и эмоционально, и стилистически очень нагружена, и важно, что по сюжету в романе её употребляет главный редактор крупнейшей эмигрантской газеты в США на русском языке, представитель «белой эмиграции», и читателю исходного текста очевидно, что это совершенно несвойственная для него лексика. В связи с этим, к сожалению, нельзя не отметить, что решение испанских и аргентинских переводчиков привело к некоторому стилистическому «обесцвечиванию» фрагмента, в результате которого был потерян ряд коннотаций и смыслов, присутствующих в оригинале.

Чтобы сохранить эмоциональную и стилистическую экспрессию исходного фрагмента, переводчики на португальский язык ушли от дословного перевода и использовали разговорное *capanga* («наёмник», «телохранитель»). Стоит отметить, что данная лексема, заимствованная из языка тупи-гуарани, также присутствует в риоплатском испанском (согласно Словарю королевской академии, слово употребляется в Аргентине, Уругвае, Парагвае и Боливии) в том же значении [23].

Для создания комического эффекта Довлатов нередко прибегает к стилистическому приёму каламбура. Необходимо отметить, что перевод юмора вызывает особые сложности в силу его имплицитного характера и культурной маркированности: комическое всегда тесно связано с культурой, в которой было произведено, отражает её особенности и содержит коннотации и ассоциации, носящие имплицитный характер [21, с. 150]. Поэтому для сохранения юмора переводчикам нередко приходится адаптировать его к культуре перевода, используя стратегию доместикации. При подобной адаптации текста появляется возможность активизировать фоновые знания чита-

теля – носителя другой культуры, чтобы видоизменённая шутка, учитывающая иной культурный контекст, сохранила свою коммуникативную функцию.

Чаще всего в основе каламбура лежит явление полисемии: в одном контексте «актуализируются несколько значений полисемантической единицы» [12, с. 112], и на этом строится юмор высказывания. В следующем примере из «Заповедника» персонаж Потоцкого строит свою шутку на многозначности глагола «сидеть» и его разговорном значении «сидеть, пребывать в тюрьме». Для разговорной речи в принципе характерна эллиптичность, и подобная тенденция также прослеживается и в испанском, и в португальском языке. Так, говоря о русском языке, Т. Д. Соколовская отмечает, что для «разговорной речи характерен экономный способ выражения того или иного содержания» [8, с. 6]; на синтаксическом уровне эта экономность проявляется в неполных (эллиптических) выражениях [там же, с. 11]. Н. М. Фирсова так же отмечает эллиптичность как одну из наиболее ярких специфических черт синтаксиса испанской разговорно-обиходной речи [11, с. 13].

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural</i>	<i>Retiro</i>	<i>La reserva nacional Pushkin</i>
- Садитесь. - <i>Я уже сидел</i> , - юмористически высказался Потоцкий [1, с. 242].	- Tomem uma cadeira. - <i>Já tomei um chá de cadeira no xadrez</i> – expressou-se com humor Potótski [17, с. 114].	- Pero tomad asiento... - <i>Yo preferiría tomar cualquier otra cosa</i> – dijo Pototsky, haciéndose el gracioso [18, с. 111].	- Siéntense. - <i>Ya estuve sentado</i> – se expresó con humor Potótski [14, с. 98].

Бразильские и испанские переводчики прибегли к стратегии доместикации, адаптировав шутку под культуру перевода. В тексте на португальском языке постарались сохранить присутствующую в оригинале «тюремную» отсылку. В ответ на приглашение взять стулья, чтобы присоединиться к трапезе (*tomar cadeira*), персонаж Потоцкого обыгрывает это выражение с созвучным ему *tomar chá de cadeira*, в котором глагол *tomar* уже используется в другом значении (дословно фразеологизм можно перевести как «пить чай из стула»), «долго ждать», отвечая, что ему уже приходилось «долго ждать в тюрьме». Говоря о тюрьме, персонаж использует разговорное *xadrez* (возможные варианты перевода на русский язык – «тюряга, кутузка»). Таким образом, переводчикам удалось сохранить в этом фрагменте не только юмор, но и намёк на тюремное прошлое Потоцкого, который присутствует в оригинале.

Отдельно хотелось бы прокомментировать лексему *xadrez* (первое словарное значение – «шахматы»), которая в разговорной речи в результате метонимического переноса приобрела новое значение «тюрьма». Так, *xadrez* в значении «клетка (узор, клетка на ткани)» стало использоваться для обозначения места пребывания заключённых, которые видят мир из-за тюремной решётки «в клетку» (можно провести аналогию с русским выражением «небо в клеточку»).

В испанском переводе также обыгрывается полисемность глагола *tomar*: на предложение садиться, *tomar asiento*, Потоцкий отвечает, что предпочёл бы «выпить что-нибудь другое» (*tomar cualquier otra cosa*). Таким образом, переводчикам удаётся сохранить шутку персонажа, однако в переводе пропадает отсылка к тюрьме. Вместо неё переводчики обратились к теме алкоголя, очень важной для художественного мира Довлатова и в том числе созвучной и персонажу Потоцкого. В этом отношении, безусловно, переводчикам удалось сохранить авторский стиль. В целом можно отметить, что испанские переводы обоих текстов (над ними работала одна группа переводчиков) выполнены на более низком уровне эквивалентности по сравнению с бразильскими и аргентинскими.

Аргентинские переводчики, напротив, использовали стратегию форенизации, никак не адаптируя текст оригинала под культуру перевода. Поскольку в аргентинском испанском глагол «сидеть», *estar sentado*, не обладает дополнительными коннотациями, присутствующими в русском языке, никаких ассоциаций с тюрьмой у аргентинских читателей он не вызывает, а каламбур, присутствующий в исходном тексте, в переводе отсутствует.

Выводы

Проведённый анализ продемонстрировал, что основную сложность при переводе жаргонной лексики, которая встречается в произведениях Довлатова, вызывает её стилистическая и культурная маркированность, связанная в первую очередь с особым местом тюремного жаргона в русской культуре. Содержащиеся в тюремных жаргонизмах русского языка коннотации и имплицитная информация, как правило, недоступны иностранным читателям, а переводчикам не удаётся найти эквивалентные тюремные жаргонизмы, поскольку широкой публике в культуре перевода этот пласт лексики не знаком. Для сохранения авторского замысла и стиля переводчики анализируемых текстов прибегают к следующим стратегиям:

1) При переводе тюремных жаргонизмов и в бразильском португальском, и в аргентинском, и в пиренейском вариантах испанского языка переводчиками нередко используется разговорная, сниженная лексика, в большинстве случаев не обладающая коннотациями, отсылающими к тюрьме. Переводчики используют такие лексемы, как *cuzão, trouxa, capanga, cana, dedo-duro, algacete* (бразильский перевод); *mina, puta, entregador, chusma* (аргентинский перевод); *chavala, subnormal, capullo, chivato* (испанский перевод) и др.

2) Иногда жаргонизмы и разговорные выражения заменяются стилистически нейтральными. Так, и в аргентинском, и в испанском переводе романа «Ремесло» лексема «ветрухай» была заменена стилистически нейтральным *carcelero*; в аргентинском переводе «Заповедника» лексема «фрайер» была заменена *tipo* и др.

3) В некоторых случаях переводчики также используют стратегию форенизации, переводя дословно не имеющее эквивалентов в языке перевода слово или выражение, или же оставляя слова без перевода и сопровождая их сноской с комментарием (как поступили бразильские переводчики с лексемой «фрайер» в романе «Ремесло»).

4) В иных ситуациях переводчики прибегают и к свободному переводу. Особенно часто этот приём используется для сохранения юмора фрагмента, при переводе игры слов и каламбуров.

К сожалению, разница в картинах мира носителей разных культур и незнание иностранными читателями экстралингвистического контекста неизбежно приводит к утрате части смыслов и экспрессии, заложенных автором в исходном тексте. Тем не менее, восприятие произведений Довлатова за рубежом, растущий интерес иностранных читателей и исследователей к его творчеству демонстрируют принципиальную возможность как минимум частичного сохранения культурного своеобразия текстов писателя.

© Микаэлян Ю.И., 2023

Список литературы

1. Довлатов С. Заповедник // Заповедник. СПб.: Азбука, 2003. С. 173–280.
2. Довлатов С. Ремесло / Сергей Довлатов. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 192 с.
3. Зугумов З.М. Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира. (Серия «Библиотека профессиональных словарей») / Предисловие Владимир Станиславович Елистратов. Рецензия Анатолий Леонтьевич Жогло. Автор и составитель Заур Магомедович Зугумов. М.: Книжный мир, 2015. 728с.
4. Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. № 5. Сеул, 2000. С. 63–91.
5. Львовская З. Д. Современные проблемы перевода: Пер. с исп. Изд. стереотип. М.: Издательство ЛКИ, 2018. 224 с.
6. Модестов В. С. Искусство художественного перевода. Учебное пособие. М.: Литературный институт имени А. М. Горького, 2021. 592с.
7. Надель-Червинска, М. Место уголовного жаргона в русскоязычной картине мира (шкала ценностей)/ V/ Надель-Червинска, М., Червински // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 125–132.
8. Соколовская Т. Д. Русская разговорная речь (материалы по спецкурсу). М.: Институт русского языка имени А. С. Пушкина, 1994. 63 с.
9. Сухих И. Сергей Довлатов: время, место, судьба. 2-е изд., испр. и доп. СПб: Издательство «Нестор-История», 2006. 278 с.

10. Усачева А. Н. Скопос, интерпретация, когниция: от мультивекторной теории перевода к эффективной практике/ А.Н. Усачева, Т.Ю. Махортова, О.И. Попова и др. // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2015. № 5 (29). С. 46–59.
11. Фирсова Н. М. Испанская разговорная речь: Учеб. Пособие. М.: Изд-во РУДН, 1999. 262 с.
12. Шмелёва Е.С. О понятии каламбура. Вестник МГЛУ. Выпуск 19 (758) / 2016. С. 110–120.
13. Dowlátov S. *El oficio*. 1ª ed revisada. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Añosluz Editora, 2017. 198 p.
14. Dowlátov S. *La reserva nacional Pushkin: seguido de Ariel y La uva*. 1ª ed volumen combinado. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Añosluz Editora, 2016. 156 p.
15. Dowlátov S. *Oficio*. Logroño: Fulgencio Pimentel, 2017. 320 p.
16. Dowlátov S. *O oficio*. São Paulo: Kalinka, 2017. 117 p.
17. Dowlátov S. *Parque cultural*. São Paulo: Kalinka, 2016. 168 p.
18. Dowlátov S. *Retiro*. Logroño: Fulgencio Pimentel, 2017. 213 p.
19. Reiss, K. Type, kind and individuality of text: decision making in translation. In: Venuti, L. (org.) *The translation studies reader*. London and New York: Routledge, 2000. P. 160–171.
20. Schleiermacher, F. Sobre los diferentes métodos de traducir // *Teoría de la traducción. Antología de textos*. Cuenca: Ediciones de la Universidad de Castilla-La Mancha, 1996. C. 129–157.
21. Vandaele J. Humour in translation. In *Handbook of Translation Studies. Vol 1*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 147–152.
22. Venuti L. *The scandals of translation: towards an ethics of difference*. London and New York: Routledge, 1998. 210 p.
23. Diccionario de la Real Academia Española [Электронный ресурс] – URL: <https://www.rae.es/> (Дата доступа: 09.04.2023).

References

1. Dowlatov, S. *Zapovednik [Pushkin Hills]* // *Zapovednik [Pushkin Hills]*. SPb.: Azbuka, 2003. P. 173–280.
2. Dowlatov, S. *Remeslo [Craft]* / Sergei Dowlatov. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014. 192 p.
3. Zugumov, Z.M. *Russkoiazychnyi zhargon. Istoriko-etimologicheskii, tolkovyi slovar' prestupnogo mira. (Serii «Biblioteka professional'nykh slovari»)* [Russian jargon. Historical and etymological, explanatory dictionary of the criminal world. (Series “Library of Professional Dictionaries”)] / Predislovie Vladimir Stanislavovich Elistratov. Retsenziia Anatolii Leont'evich Zhoglo. Avtor i sostavitel' Zaur Magomedovich Zugumov. [Preface by Vladimir Stanislavovich Elistratov. Review by Anatoly Leontievich Zhoglo. Author and compiler Zaur Magomedovich Zugumov.] M.: Knizhnyi mir, 2015. 728 p.
4. Krysin, L. P. O nekotorykh izmeneniakh v russkom iazyke kontsa XX veka [About some changes in the Russian language of the late twentieth century] // *Issledovaniia po slavianskim iazykam* [Research on Slavic languages]. № 5. Seul, 2000. P. 63–91.
5. L'vovskaya, Z. D. *Sovremennye problemy perevoda: Per. s isp. Izd. Stereotip* [Modern problems of translation: translated from Spanish stereotype edition]. M.: Izdatel'stvo LKI, 2018. 224 p.
6. Modestov, V. S. *Iskusstvo khudozhestvennogo perevoda. Uchebnoe posobie* [The art of literary translation. Study guide]. M.: Literaturnyi institut imeni A. M. Gor'kogo, 2021. 592 p.
7. Nadel'-Cher'vinska, M., Chervinski, A. Mesto ugovornogo zhargona v russkoiazychnoi kartine mira (shkala tsennosti) [The place of criminal jargon in the Russian-speaking world view (scale of values)] // *Politicheskaia lingvistika* [Political linguistics]. 2009. № 2 (28). P. 125–132.
8. Sokolovskaia, T. D. *Russkaia razgovornaia rech' (materialy po spetskursu)* [Russian colloquial speech (materials for the special course)]. M.: Institut russkogo iazyka imeni A. S. Pushkina, 1994. 63 p.
9. Sukhikh, I. *Sergei Dowlatov: vremia, mesto, sud'ba*. 2-e izd., ispr. i dop. [Sergey Dowlatov: time, place, fate. 2nd edition, revised and augmented.] SPb: Izdatel'stvo «Nestor-Istoriia», 2006. 278 p.
10. Usacheva, A. N., Makhortova, T. Iu., Popova O. I., et al. Skopos, interpretatsiia, kognitsiia: ot mul'tivektornoj teorii perevoda k effektivnoj praktike [Scopos, interpretation, cognition: from multivector translation theory to effective practice] // *Vestnik VoLGU. Serii 2. Iazykoznanie* [Bulletin of the VolGU. Series 2. Linguistics]. 2015. № 5 (29). P. 46–59.
11. Firsova, N. M. *Ispanskaia razgovornaia rech': Ucheb. Posobie* [Spanish Colloquial Speech: A Textbook]. M.: Izd-vo RUDN, 1999. 262 p.
12. Shmeleva, E.S. O poniatii kalambura. *Vestnik MGLU. Vypusk 19 (758)* [About the concept of a pun. Bulletin of the MGLU. Issue 19 (758)] / 2016. P. 110–120.
13. Dowlátov, S. *El oficio*. 1ª ed revisada. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Añosluz Editora, 2017. 198 p.
14. Dowlátov, S. *La reserva nacional Pushkin: seguido de Ariel y La uva*. 1ª ed volumen combinado. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Añosluz Editora, 2016. 156 p.
15. Dowlátov, S. *Oficio*. Logroño: Fulgencio Pimentel, 2017. 320 p.
16. Dowlátov, S. *O oficio*. São Paulo: Kalinka, 2017. 117 p.
17. Dowlátov, S. *Parque cultural*. São Paulo: Kalinka, 2016. 168 p.
18. Dowlátov S. *Retiro*. Logroño: Fulgencio Pimentel, 2017. 213 p.
19. Reiss, K. Type, kind and individuality of text: decision making in translation. In: Venuti, L. (org.) *The translation studies reader*. London and New York: Routledge, 2000. P. 160–171.
20. Schleiermacher, F. Sobre los diferentes métodos de traducir // *Teoría de la traducción. Antología de textos*. Cuenca: Ediciones de la Universidad de Castilla-La Mancha, 1996. C. 129–157.
21. Vandaele, J. Humour in translation. In *Handbook of Translation Studies. Vol 1*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 147–152.
22. Venuti, L. *The scandals of translation: towards an ethics of difference*. London and New York: Routledge, 1998. 210 p.
23. Diccionario de la Real Academia Española, <https://www.rae.es/> (Accessed 09.04.2023).

Сведения об авторе:

Микаэлян Юлия Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД РФ (Россия, г. Москва). Сфера научных интересов: лингвокультурология, семиотика культуры, художественный перевод, перевод юмора. E-mail: jmikaelyan@gmail.com. ORCID 0009-0007-7147-8190

About the author

Yulia I. Mikaelyan, PhD, is Associate Professor of Spanish Department at MGIMO University (Moscow, Russia). Research interests: cultural linguistics, semiotics of culture, literary translation, humour translation. E-mail: jmikaelyan@gmail.com. ORCID 0009-0007-7147-8190

* * *

RELEVANTER INHALT DES GRUNDLEGENDEN WERTES *LIEBE* IN DER DEUTSCHEN SPRACHKULTUR

Anna I. Khlopova

Moskauer Staatliche Linguistische Universität,
38, Ostozhenka, Moskau, 119034, Russland

Abstract. Das Untersuchungsobjekt ist das assoziative Feld „Liebe“, das denselben grundlegenden Wert repräsentiert. Der Untersuchungsgegenstand ist der psychologisch relevante Inhalt des Wertes sowie die inhaltliche Dynamik des Grundwertes, die sich in der Art des Assoziierens widerspiegelt.

Das Ziel der Studie besteht darin, den psychologisch relevanten Inhalt des Grundwertes Liebe in der deutschen Sprachkultur zu ermitteln. Als Hauptforschungsmethode wird das freie Assoziieren verwendet. Das freie Assoziieren wurde 2022 mit den deutschen Muttersprachlern im Alter von 17 bis 23 Jahren in Vechta, Potsdam, Baden-Baden und Freiburg durchgeführt. Auf das Reizwort Liebe folgten 200 Reaktionen, die wir entsprechend der Forschungsmethodik in Begriffe, Vorstellungen, emotional-bewertende Einfälle, formale Einfälle und kulturelle Einfälle teilen. Die Forschung basiert auf einem Vergleich von Daten aus den lexikografischen Quellen und Daten des freien Assoziierens. Der Autor überprüft die erhaltenen Ergebnisse mithilfe eines inversen freien Assoziierens.

Der praktische Wert der Studie besteht in der Möglichkeit, die entwickelte Methodik zur Bestimmung von Dynamik der Werte in der soziologischen Forschung anzuwenden und die Ergebnisse beim Unterrichten der interkulturellen Kommunikation, der Ethnopsycholinguistik usw. anzuwenden. Die erhaltenen Daten können für das Verfassen verschiedener Lehrwerke verwendet werden.

Die Ergebnisse der Studie haben gezeigt, dass der Wert Liebe für die deutschen Muttersprachler relevant und bedeutsam ist. Darüber hinaus wird diese Idee in vielfältigen Vorstellungen umgesetzt, die die individuelle Erfahrung der Befragten widerspiegeln. Die Relevanz des Wertes „Liebe“ wird anhand der Daten des inversen assoziativen Experiments bewiesen. Allerdings ändert sich die Bedeutung des Wertes Liebe: Liebe ist für die Befragten mit den anderen Werten eng verbunden: Vertrauen, Loyalität, Harmonie, Aufmerksamkeit, Zärtlichkeit gegenüber einer anderen Person. Für die Befragten hat es auch eine positive Konnotation.

Keywords: Grundwert, psychologisch relevanter Inhalt, das freie Assoziieren, inverses freies Assoziieren, deutsche Sprachkultur

Zum Zitieren: Khlopova, A. I. (2023). Relevanter inhalt des grundlegenden wertes *LIEBE* in der Deutschen sprachkultur. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(4), pp. 108–119. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-108-119>

RELEVANT CONTENT OF THE BASIC VALUE *LIEBE* / *LOVE* IN THE GERMAN LINGUOCULTURE

Anna I. Khlopova

Moscow State Linguistic University
38, Ostozhenka, Moscow, 119034, Russia

Аннотация. The object of the research is the associative field of *Liebe* / love, representing the same basic value, the subject is the psychologically relevant content of the value, as well as the content dynamics of the basic value, reflected in the nature of the associates.

The aim of the study is to establish the psychologically relevant content of the basic value of *Liebe* / love in the German linguoculture. A free associative experiment is used as the main research method. The experiment was conducted with representatives of the German linguoculture at the age from 17 to 23 in Vechta, Potsdam, Baden-Baden and Freiburg in 2022. The stimulus word *Liebe* was followed by 200 reactions, which we are going to share in accordance with the research methodology for reaction-concepts, reactions-representations, emotional-evaluative reactions, formal and cultural reactions. The research is based on sequential comparison of data from lexicographic sources (including etymological sources) and data from a free associative experiment. The author verifies the obtained results using an inverse associative experiment.

Research data can be used in sociological research, in teaching translation studies, intercultural communication, cultural linguistics, ethnopsycholinguistics, in a practical course of the first foreign language (German), in a workshop on the culture of verbal communication, etc. The obtained data can be used in the development of various types of educational manuals and educational reference books.

The results of the study have shown that the concept *Liebe* / love is relevant and significant for representatives of the German linguoculture. Moreover, it is realized in a variety of reactions-representations reflecting the individual experience of respondents. The relevance of this concept is verified by the data of the inverse associative experiment. However, the meaning of the concept *Liebe* / love, which represents the basic value, changes: the correlation between love and the object of love becomes relevant. *Liebe* / love unites other value characteristics for the respondents: trust, loyalty, harmony, attention, tenderness towards another person on the basis of common value integrative characteristics. It also has a positive connotation for the respondents.

Keywords: basic value, psychologically relevant content, associative experiment, inverse associative experiment, German linguoculture

For citation: Khlopova, A. I. (2023). Relevanter inhalt des grundlegenden wert *LIEBE* in der Deutschen sprachkultur. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(4), pp. 108–119. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-108-119>

I. Einleitung

Bevor über den Wert *Liebe* gesprochen wird, muss geklärt werden, was dieser Begriff bedeutet und ob *Liebe* als Wert betrachtet werden kann. Philosophen, Soziologen, Anthropologen, Psychologen und Linguisten beschäftigen sich heute mit der Erforschung von Werten. Daher gibt es eine große Anzahl von Definitionen dieses Begriffs. Nach R. Lay ist „Wert“ eine in einem soziokulturellen Entwicklungsprozess herausgebildete und von der Menschheit einer soziokulturellen Einheit akzeptierte und internalisierte Vorstellung über das Wünschbare. Grundlegende Werte sind dabei die höchsten handlungsleitenden Werte innerhalb einer soziokulturellen Einheit [16]. K. Schlecht versteht unter den Werten jene Vorstellungen, welche in einer Gesellschaft allgemein als wünschenswert anerkannt sind und den Menschen Orientierung verleihen [21]. Der amerikanische Anthropologe C. Kluckhohn definiert den Begriff „Wert“ folgenderweise: „Ein Wert ist eine explizite oder implizite, für das Individuum kennzeichnende oder für eine Gruppe charakteristische Konzeption der Wünschenswerte, die die Selektion von vorhandenen Arten, Mitteln und Zielen des Handelns beeinflusst“ [15]. Der moderne deutsche Forscher der Werte, F. Sauer, versteht unter den grundlegenden Werten solche Begriffe, die als „ständig wichtig“ betrachtet werden [24]. Sie haben keine Verjährungsfrist und sind in allen existierenden Wertelisten dargestellt. Grundlegende Werte sind nicht mit den Ambitionen und Zielen einer bestimmten Person, sondern einer bestimmten Gruppe verbunden. Wir sind überzeugt, dass, obwohl Werte immer kulturell bestimmt sind, sie in verschiedenen Kulturen ähnlich sein können.

Grundlegende Werte können auch als „führende Werte“ bezeichnet werden, weil sie nicht nur durch kulturelle Einflüsse, sondern auch durch die Erziehung geprägt werden. Sie bilden eine Art Koordinatensystem. Die Menschen bevorzugen es, gemäß dem sich in der Gesellschaft etablierten und von ihnen anerkannten Wertesystem zu handeln, was ihren sozialen Komfort bestimmt [9]. Werte werden von Generation zu Generation weitergegeben. Sie basieren auf Traditionen, Auto- und Heterostereotypen, die in der Gesellschaft existieren. Die Einstellungen, die einschätzen, was gut und was schlecht ist, werden in der Kindheit erworben und können aufgrund der menschlichen Erfahrungen geändert werden. Werte können miteinander konkurrieren und je nach Lebenssituation unterschiedliche Positionen im Leben einer bestimmten Person einnehmen. Die Umsetzung von grundlegenden Werten wird daher durch das Bildungsniveau eines Menschen, seinen Beruf, sein Einkommen, seinen sozialen Status, seinen Familienstand usw. bestimmt [9]. Für uns ist es wichtig, dass die grundlegenden Werte eine verbale Verkörperung finden, daher kann der Inhalt des Werts durch Untersuchung der menschlichen Sprachtätigkeit ermittelt werden.

Das Ziel der Studie besteht darin, den psychologisch relevanten Inhalt des Wertes *Liebe* bei den jungen deutschen Muttersprachlern zu bestimmen. Um das gesetzte Ziel zu erreichen, verwenden wir die Methode des freien Assoziierens.

Die Aktualität der Studie besteht darin, dass es aufgrund unserer psycholinguistischen Analyse möglich ist, die Dynamik der Werte festzustellen. Wir sind dessen sicher, dass sich eine Dynamik des Wertes in der Dynamik der Bedeutung des Wortes, das den gleichnamigen Wert bedeutet, realisiert.

Die wissenschaftliche Neuheit der Studie liegt vor allem im experimentellen Nachweis der These, dass sich auch Grundwerte ihren Inhalt ändern können.

Die theoretische Grundlage der Forschung bilden zuallererst die Arbeiten von A.A. Leont'ev, die der Forschung der Sprachtätigkeit gewidmet sind. Bei der Studie stützten wir uns auch auf die Arbeit zur Untersuchung der ethnischen Identität (T.G. Stefanenko, V.A. Pishchal'nikova, M. Weber, M. Rokeach, C. Kluckhohn u. a.). Ein wichtiger Bestandteil der theoretischen Grundlage ist die Erforschung der effektiven Durchführung und Anwendung des freien Assoziierens (E.I. Goroshko, A.A. Zalevskaya, A. A. Leont'ev, J. Miller, C. Osgood, V.A. Pishchal'nikova u. a.). Die Forschung des Inhalts der Werte wird heute aktiv im Labor für Psycholinguistik der Moskauer Staatlichen Linguistischen Universität durchgeführt, wo man auch den Inhalt der russischen, jakutischen und deutschen Werte untersucht [1], [2], [6], [7], [9], [10].

Der praktische Wert der Studie besteht in der Möglichkeit, die entwickelte Methodik zur Bestimmung von Dynamik der Werte in der soziologischen Forschung anzuwenden, ihre Ergebnisse beim Unterrichten der interkulturellen Kommunikation, der Ethnopsycholinguistik usw. anzuwenden. Die erhaltenen Daten können für das Verfassen verschiedener Lehrwerke verwendet werden.

Die Arbeitshypothese lautet wie folgt: Die inhaltliche Dynamik des Grundwerts *Liebe* spiegelt sich in Veränderungen der strukturellen und inhaltlichen Komponenten des assoziativen Feldes wider.

Die Wahl des Wertes *Liebe* für die Untersuchung ist nicht zufällig.

An der Stelle sei angemerkt, dass die Bezeichnung der Liebe als eines Wertes umstritten ist. Die Wissenschaftler glauben, dass *Liebe* eine Emotion ist, die bestimmte Werte wie Empathie, Zuneigung, Großzügigkeit, Vertrauen usw. hervorruft. Gleichzeitig betrachten die Wissenschaftler *die Liebe zum Nächsten* als Wert. Darum ist die Frage aktuell, ob die Deutschen *Liebe* als Wert wahrnehmen und welchen Inhalt *Liebe* bei den jungen deutschen Muttersprachlern hat.

II. Methoden

Um den psychologisch relevanten Inhalt des Wertes *Liebe* und die mögliche Dynamik des Wertes zu bestimmen, haben wir eine Analyse durchgeführt, welche die Erhebung von Daten aus lexikografischen Quellen (einschließlich etymologischer Daten), sowie von Daten eines freien Assoziierens als auch die Verifizierung der Ergebnisse mithilfe eines inversen freien Assoziierens umfasst.

Die Hauptmethode ist das freie Assoziieren. G. Miller, C. Osgood, A.A. Leont'ev begründeten die Verwendung eines freien Assoziierens als wirksame Methode zur Untersuchung der lexikalischen Bedeutung und des assoziativen Feldes eines Wortes [5], [17], [18]. Mit Hilfe des freien Assoziierens ist es möglich, die subjektiven semantischen Felder von Wörtern festzustellen, die im Bewusstsein einer Person gebildet werden, sowie die Art der semantischen Verbindungen von Wörtern innerhalb des assoziativen Feldes – eines interpretativen Konstrukts, das im Wesentlichen alle Verbindungen und Beziehungen des Wortes als Spracheinheit integriert, zu bestimmen [3]. Das freie Assoziieren, das eine Vielzahl von verbalen und nonverbalen assoziativen Verbindungen eines Wortes registriert, ermöglicht es, die Annahmen über die Struktur und den Inhalt der lexikalischen Bedeutung zu überprüfen, die aufgrund einer Definitionsanalyse aufgestellt wurden. Die Sprache entwickelt sich ständig, die Bedeutungen in den Wörterbüchern ändern sich, veralten, verschwinden oder neue Bedeutungen erscheinen. Daher ist es unmöglich, den Inhalt der Wörter nur anhand der Erläuterungen aus Wörterbüchern zu vergleichen. Es wird vermutet, dass es am effektivsten ist, die Daten der einsprachigen Wörterbücher mit den Ergebnissen eines freien Assoziierens zu vergleichen. Anhand eines solchen Vergleichs ist es möglich, den semantischen Kern des Wortes zu identifizieren, der für die Vertreter einer bestimmten Sprachkultur relevant ist.

Das freie Assoziieren wurde in den Städten Fechtsa, Potsdam und Freiburg im Jahre 2022 an 200 Befragten in der Altersspanne von 17 bis 23 Jahren durchgeführt. Alle Teilnehmer sind Muttersprachler. Wir haben dieses Alter gewählt, weil wir nach Yu.N. Karaulov glauben, dass zu diesem Alter die Sprachfähigkeit einer Person, die gerade in den Einfällen realisiert wird, komplett ausgebildet ist [4]. Dazu haben die Befragten in diesem Alter ungefähr gleiche Interessen und Lebensbedingungen. Es ist davon auszugehen, dass auch die grundlegenden Werte dieser Gruppe vergleichbar sind. Yu.N. Karaulov hebt hervor, dass die relative Stabilität der Sprachfähigkeit von Muttersprachlern (Wortschatz, Werte und pragmatische Einstellungen, formale kombinatorische Fähigkeiten) als Grundlage für die Charakterisierung des Massenbewusstseins in der Gesellschaft für die nächsten 20 bis 30 Jahre dienen kann [4].

Im Laufe des freien Assoziierens bekamen die Befragten einen Fragebogen mit 28 Stimuli, die die gleichnamigen Werte bezeichnen. Um die Stimuli zu bestimmen, wurden verschiedene verfügbare Listen von grundlegenden Werten untersucht [22], [14], [20], [23]. Beim Vergleich der Listen wurden 28 Stimuli markiert, die in allen Quellen zusammenfallen. Um den Einfluss des assoziativ-verbalen Netzwerks und der grammatischen Form des Wortes in den Antworten der Befragten zu neutralisieren, haben wir 10 zufällig ausgewählte Ablenkungswörter in den Fragebogen aufgenommen. Im Text der Anweisung wurde

angeführt, dass die Befragten auf den Stimulus mit dem ersten Wort reagieren sollen, das ihnen einfällt, das heißt, mit dem Einfall. Die Befragten wurden auch gebeten, ihr Alter, Geschlecht und Ausbildung anzugeben. Die Dauer des Experiments betrug 10 Minuten.

III. Ergebnisse

- **Etymologie des Wortes Liebe**

Das etymologische Wörterbuch stellt fest, dass das Wort *Liebe* in der deutschen Sprache im 9. Jahrhundert mit der folgenden Bedeutung entstand: das Wohlgefallen, *das man über oder durch etw. empfindet, das Liebsein, Freude, das Liebhaben, Freundlichkeit, Gunst*. Es beinhaltet auch *das Gefühl der Zuneigung, Barmherzigkeit, Mildtätigkeit* [19].

Dementsprechend wird das semantische Feld *Liebe*, das auf den Daten des etymologischen Wörterbuchs basiert, folgende Komponenten enthalten: *Wohlgefallen, Liebsein, Freude, Liebhaben, Freundlichkeit, Gunst, Zuneigung, Barmherzigkeit, Mildtätigkeit*.

- **Das semantische Feld Liebe aufgrund der Daten des Bedeutungswörterbuchs**

Die Hauptbedeutung des Wortes *Liebe*, die im Bedeutungswörterbuch eWGD 1969 [25] dargestellt wird, ist die Folgende: *starkes Gefühl der Zuneigung*. Das Wörterbuch stellt fest, dass man dieses Gefühl sowohl gegenüber einer Person als auch gegenüber einer bestimmten Sache und Idee haben kann. Weitere Bedeutungen im Wörterbuch sind *Barmherzigkeit, Mildtätigkeit; Gefälligkeit, Freundlichkeit; Person, der jmds. starkes Gefühl der Zuneigung zuteilwird; brennende Liebe*. Die letzteren Bedeutungen sind im Wörterbuch als umgangssprachlich markiert. Zu beachten ist, dass im Vergleich zu den Bedeutungen des etymologischen Wörterbuchs *das Liebesgefühl* im Bedeutungswörterbuch auch als *eine bestimmte Gestalt, als ein Objekt der Liebe* dargestellt wird.

Im modernen Bedeutungswörterbuch Duden [12] hat das Wort *Liebe* sieben Bedeutungen, von denen die Hauptbedeutung *starkes Gefühl des Hingezogeneins; starke, im Gefühl begründete Zuneigung zu einem nahestehenden Menschen* ist. Diese Bedeutung entspricht den Kernbedeutungen, die sowohl im etymologischen Wörterbuch als auch im eDWG angegeben sind. Die zweite Bedeutung im Wörterbuch Duden ist der ersten nahe: *auf starker körperlicher, geistiger, seelischer Anziehung beruhende Bindung an einen bestimmten Menschen, verbunden mit dem Wunsch nach Zusammensein, Hingabe o. Ä.* Die dritte ist weder im eDWG noch im etymologischen Wörterbuch vertreten: *sexueller Kontakt, Verkehr*.

Die Bedeutung *Gefälligkeit, freundschaftlicher Dienst* finden wir im eDWG und im Duden, jedoch nicht im etymologischen Wörterbuch.

Die Bedeutung *geliebter Mensch*, die im etymologischen Wörterbuch nicht aufgeführt, aber im eDWG vertreten ist, wird auch im Wörterbuch Duden angegeben.

Dabei ist zu bemerken, dass im Duden die Bedeutung *Barmherzigkeit, Mildtätigkeit* fehlt, dabei aber im etymologischen Wörterbuch und im eDWG als Kernbedeutung angegeben wird.

Im Bedeutungswörterbuch Wahrig [23] entspricht die erste Bedeutung der Bedeutung in den oben genannten Wörterbüchern, *starke Zuneigung, starkes Gefühl des Hingezogeneins, enge Gefühlsbindung*. Die weitere Bedeutung fehlt dem etymologischen Wörterbuch und dem eDWG, ist jedoch im Duden vorhanden: *starke, geschlechtsgebundene, enge Gefühlsbeziehung*. In den Wörterbüchern eDWG, Duden, Wahrig wird folgende Bedeutung markiert: *Gefälligkeit, Freundlichkeit*. Die Bedeutung *heftiger Drang, heftiges Verlangen, Streben nach etwas*, das heißt das Liebesgefühl zu Nichtlebewesen oder zu etwas Abstraktem, ist auch im eDWG vertreten.

Die im Wörterbuch angegebenen Bedeutungen haben eine bestimmte Reihenfolge, die auch auf die Häufigkeit der Bedeutung in der Sprache weisen kann. Die ersten Bedeutungen gehören zum Kern, andere gehören zur Peripherie. Die durchgeführte Analyse zeigt, dass die Reihenfolge in den Wörterbüchern unterschiedlich ist, was schon die Dynamik der Bedeutung zeigt.

Beim Vergleich der Bedeutungen des Wortes *Liebe* aus den Wörterbüchern verschiedener Erscheinungsjahre wird es klar, dass die Kernbedeutungen des Wortes *Liebe* die Folgenden sind: 1) *starkes Gefühl der Zuneigung*; 2) *Freundlichkeit*; 3) *Gefälligkeit, Freundlichkeit*; 4) *Person, der jmds. starkes Gefühl*

der *Zuneigung zuteilwird*. Die ausgewählten Komponenten können die Grundlage für die Modellierung der Struktur des semantischen Feldes bilden, wodurch die Häufigkeit der Sprachrealisierung bestimmter semantischer Merkmale hervorgehoben werden kann.

Um die Komponenten des semantischen Feldes, die aufgrund der Bedeutungswörterbücher der deutschen Sprache modelliert wurden, zu verifizieren, wenden wir uns den Synonymen des Wortes *Liebe* zu. Dazu gehören: *Verliebtheit, Innigkeit, Hingabe, Hingebung, Leidenschaft, Verbundenheit, Hingezogenheit, Hinneigung, Zuneigung, Feuereifer, Liebesgefühl, Einheit, Einssein* [13].

Anhand der Daten des etymologischen Wörterbuchs, des Bedeutungswörterbuchs und des Synonymwörterbuchs wird es möglich, die Komponenten herauszufinden, die in das semantische Feld des untersuchten Begriffs aufgenommen werden: *Gefälligkeit, Freundlichkeit, Hingebung, Hinneigung, Zuneigung, geliebter Mensch, Streben nach etwas*.

Es ist zu beachten, dass obwohl die Bedeutungen *Barmherzigkeit, Mildtätigkeit* im etymologischen Wörterbuch und im eDWG dargestellt werden, diese in den beiden modernen Wörterbüchern und im Synonymwörterbuch jedoch nicht angegeben werden. Als Zwischenergebnis können wir davon ausgehen, dass die Bedeutung *Liebe zum Nächsten, Barmherzigkeit*, die in jeder Werteliste [22], [14], [20], [24] vertreten ist, für Muttersprachler irrelevant geworden ist und, dass sich die Bedeutung des Wortes *Liebe* ändert.

Eine solche Annahme erfordert jedoch eine Verifizierung mithilfe der Daten des freien Assoziierens.

• **Assoziatives Feld Liebe aufgrund der Daten des freien Assoziierens**

Wenden wir uns an die Daten des freien Assoziierens. Dem Stimulus *Liebe* folgten 200 Einfälle, die wir gemäß der Forschungsmethode in Begriffe, Vorstellungen, emotional-bewertende Einfälle, sowie kulturelle und formale Einfälle unterteilen. Ein solches Modell der assoziativen Bedeutung wurde von Prof. Dr. hab. V. A. Pishchal'nikova entworfen [6]. In früheren Studien haben wir festgestellt, dass in der Regel die ersten vier Komponenten aktualisiert werden. Es ist jedoch auch möglich, eine kulturelle Komponente festzustellen, die auf kulturelle Bindungen mit einer bestimmten Realie hinweist [10, S. 80–85].

In den vorgestellten Komponenten werden auch zusätzliche hervorgehoben. Die Grundlage für die Absonderung solcher Komponenten ist eine semantische Invariante.

Begriffe (insgesamt 39 Einfälle):

Stabilität, Sicherheit: *Vertrauen* (13), *Zufriedenheit* (2), *Geborgenheit, Harmonie, Ruhe, Sicherheit* – insgesamt 29 Einfälle;

Liebeszustand: *Glück* (9), *Freude, Wärme vom Partner, Zärtlichkeit* – insgesamt 12 Einfälle;

Arten der Liebe: *Leidenschaft, Zuneigung* – insgesamt 2 Einfälle;

Beziehungen: *Beziehung, Beziehungen* – insgesamt 2 Einfälle;

Geschlechtsbeziehungen: *Sex* (2) – insgesamt 2 Einfälle;

Negative Seite der Liebe: *Eifersucht* – insgesamt 1 Einfall;

Unstabilität: *Unstabilität* – insgesamt 1 Einfall.

Die Begriffe sollen dem Bedeutungskern, der aufgrund der Daten der Bedeutungswörterbücher modelliert wurde, entsprechen. Im Fall des Wertes *Liebe* sind sie jedoch durch eine stabile metonymische Verbindung verknüpft, die auf die Untrennbarkeit der Einfälle und des untersuchten Begriffs hinweisen kann. In den Begriffen werden also folgende Invarianten aktualisiert: 'Stabilität, Sicherheit'; 'Liebeszustand'; 'Arten der Liebe'; 'Beziehungen'; 'Geschlechtsbeziehungen'; 'negative Seite der Liebe'; 'Unstabilität'.

Einfälle, die der integrativen Komponente 'Stabilität, Vertrauen' entsprechen, werden durch die Bedeutung *ruhiger, sicherer Zustand in Bezug auf einen Partner* verbunden, was auf eine sich harmonisch entwickelnde Beziehung und einen ruhigen, nicht ängstlichen Zustand der Befragten hinweist.

Im Gegensatz dazu ergab das freie Assoziieren einen einzelnen Einfall, der auf eine instabile, unruhige Beziehung hinweist: *Unstabilität*.

Einfälle, die durch die integrative Komponente 'Liebeszustand' verbunden sind, spiegeln die Gefühle der Befragten wider, die sie gegenüber einem Partner oder von einem Partner haben.

Die integrative Komponente 'Arten der Liebe' kombiniert die Einfälle, die den kleinsten Grad an Liebeszustand (*Zuneigung*) und den höchsten Grad (*Leidenschaft*) darstellen. Der einzelne Einfall *Eifersucht* weist auf eine negative Äußerung von Liebesgefühlen hin, die aufgrund mangelnder Aufmerksamkeit, Liebe des Partners entstanden sind.

Andere Einfälle deuten auf eine metonymische Verbindung zwischen Liebe und den Beziehungen zwischen den Partnern hin (auch in sexueller Hinsicht).

Vorstellungen (insgesamt 111 Einfälle):

Objekt der Liebe:

- Partnerschaft: *Freund* (17), *Partner* (17), *Partnerschaft* (15), *Freundin* (13), *Frauen*, *zweiseitig*, *Gleichberechtigung*, *Mensch*, *Pärchen* – insgesamt 67 Einfälle;

- Familienbeziehungen: *Familie* (38), *Eltern*, *Mama* – insgesamt 40 Einfälle;

- Familie und Freundschaft: *Familie und Freunde* – insgesamt 1 Einfall;

Zeichen der Liebe: *füreinander eintreten*, *geliebt zu werden* – insgesamt 2 Einfälle;

Zeit der Liebe: *warten*, *Zeit* – insgesamt 2 Einfälle.

Die meisten Einfälle sind Vorstellungen. Dies zeugt zweifellos davon, dass der Begriff *Liebe* für die jungen befragten Respondenten relevant ist. Er entsteht oft in den assoziativen Verbindungen der Befragten und wird in bestimmten Gestalten, die sich auf die individuelle Erfahrung beziehen, realisiert.

Unter den Vorstellungen kann man folgende Invarianten unterscheiden: 'Objekt der Liebe', 'Zeichen der Liebe', 'Zeit der Liebe'.

Einfälle, die der integrativen Komponente 'Objekt der Liebe' entsprechen, können in zwei Bereiche geteilt werden: 'Partnerschaft' und 'Familienbeziehungen'.

Die integrative Komponente 'Familie und Freundschaft' wird aufgrund der synkretistischen Natur des einzelnen Einfalls *Familie und Freunde* gesondert hervorgehoben.

Nebenbei sei angemerkt, dass es fast zweimal mehr Einfälle gibt, die auf *Partnerschaft* hinweisen, als Einfälle, die mit *Familienbeziehungen* verbunden sind. Als *Objekt der Liebe* sehen die Befragten hauptsächlich einen Partner, aber auch Familienbeziehungen sind für die befragte Gruppe von Bedeutung. Auf solche Weise können wir feststellen, dass die Liebe mit der konkreten Realisierung und mit den konkreten Gestalten verbunden ist.

Die *Liebe* realisiert sich für die Befragten in der Verantwortung zueinander und in gegenseitigen Gefühlen eines geliebten Menschen. Die Einfälle, die durch die integrative Komponente 'Zeit der Liebe' vereint sind, können auf unterschiedliche Weise interpretiert werden. Diese Interpretation muss noch während des Gesprächs mit den Befragten geklärt werden. Der Einfall *warten* ist mit der Erwartung wahrer Liebe verbunden. Es gibt eine Meinung, dass wahre Liebe nicht gefunden werden kann, sie wird zu einer bestimmten Zeit und zu einer bestimmten Stunde erscheinen, und man soll nur darauf warten. Der Einfall *Zeit* kann auf die Liebesperiode hinweisen. Andererseits kann es sich um einen metaphorischen Namen für Frühling handeln, der mit Liebe verbunden wird.

Emotional-bewertende Einfälle (insgesamt 12 Einfälle):

- positive Einfälle: *schön* (2), *wichtig* (2), *wundervoll* (2), *bedingungslos*, *froh*, *relevant*, *süß*, *toll* – insgesamt 11 Einfälle;

- negative Einfälle: *Problem* – insgesamt 1 Einfall.

Emotional-bewertende Einfälle sind überwiegend positiv, was die Idee bestätigt, dass Liebe zu den grundlegenden Werten gehört und deswegen auch positive Emotionen hervorruft. Werte sind im Wesentlichen dieselben Konzepte oder Begriffe. Aber bei den Werten überwiegt jedoch der axiologische oder mit anderen Worten der bewertende Aspekt.

Kulturelle Einfälle: *Herz* (34), *Gott* – insgesamt 35 Einfälle.

Ein häufiger Einfall auf den Stimulus *Liebe* ist der Einfall *Herz*. Zu beachten ist, dass kulturelle Einfälle oft mit dem Sprachbild der Vertreter einer bestimmten Sprachkultur verbunden sind. Beim Gebrauch einzelner Wörter in seiner Sprache nimmt oft der Vertreter der Sprachkultur, ohne es zu merken, eine bestimmte Meinung von der Systematisierung der Welt wahr. Für einen Deutschen liegt das Emotionale hauptsächlich im Herzen und das Rationale im Kopf [9, S. 111–133]. Diese Aufteilung spiegelt sich auch in der Symbolik wider. Das typische Symbol der Liebe ist das rote Herz.

Der Einfall *Gott* ist eindeutig mit dem Zitat aus dem ersten Brief des Johannes verbunden: „Gott ist die Liebe, und wer in der Liebe bleibt, bleibt in Gott und Gott bleibt in ihm“ [11]. Wenn ein solcher Einfall für bewusst gehalten wird, dann ist das der einzige Einfall, der auf die ursprüngliche Bedeutung des Liebesbegriffs hinweisen kann: *Barmherzigkeit, Mildtätigkeit, Gunst*.

Formale Einfälle: *Gefühl, gegenüber, leben* – insgesamt 3 Einfälle.

Formale Einfälle sind mit dem untersuchten Begriff nur formal verbunden, was ihrer Bezeichnung zu entnehmen ist.

Auf solche Weise sind Kerninvarianten, die sich aufgrund des gesamten Korpus der Einfälle ergeben haben, die Folgenden: ‘Objekt der Liebe’, das in ‘Partnerschaft’ (67 Einfälle) und ‘Familienbeziehungen’ (40 Einfälle) unterteilt ist; ‘Stabilität’, ‘Sicherheit’ (19 Einfälle); ‘Liebeszustand’ (12 Reaktionen) sowie kulturelle (34) und emotionale (12) Einfälle.

Zu den Kernkomponenten des assoziativen Feldes gehören folgende Einfälle: *Herz* (34), *Freund* (17), *Partner* (17), *Partnerschaft* (15), *Freundin* (13), *Vertrauen* (13). Diese können darauf hinweisen, dass Liebe mit den nationalen Besonderheiten der deutschen Sprachkultur verbunden ist und sich für die Beteiligten des Experiments in bestimmten Gestalten, aber auch in einer vertrauensvollen Beziehung zwischen den Partnern realisiert.

Beim Vergleich des assoziativen Feldes mit dem semantischen Feld, das aufgrund lexikografischer Quellen modelliert wurde, stellen wir fest, dass die Daten nicht übereinstimmen. Die einzelne Komponente, die in beiden Feldern realisiert wird, ist die Komponente des semantischen Feldes ‘geliebter Mensch’ und die integrative Komponente ‘Objekt der Liebe’.

Die im etymologischen Wörterbuch angeführte Bedeutung *Barmherzigkeit, Mildtätigkeit* ist für die Befragten nicht relevant und wird nur in einem einzelnen Einfall realisiert. In den früheren Studien konnte festgestellt werden, dass die Befragten die Bedeutung des Wortes *Barmherzigkeit* kennen, aber es gehört nicht zu ihren grundlegenden Werten [8, S. 38–51]. Daher erscheint die im Verlauf dieser Studie gewonnene Schlussfolgerung logisch.

Solche Schlussfolgerungen verifizieren wir anhand eines inversen freien Assoziierens.

• **Assoziatives Feld Liebe aufgrund der Daten des inversen freien Assoziierens**

Das inverse freie Assoziieren wurde mit denselben Befragten durchgeführt. Das sind die Vertreter der deutschen Sprachkultur im Alter von 17 bis 23 Jahren. Als Stimuli erhielten die Befragten die häufigsten Einfälle, die im freien Assoziieren erhalten wurden, sowie Ablenkungswörter. Im Laufe des inversen freien Assoziierens war es wichtig, die Häufigkeit des Einfalls Liebe auf diese Stimuli zu bestimmen.

Als Ergebnis wurden folgende Daten erhalten (die Zahl in Klammern gibt an, wie viele Einfälle *Liebe* es auf die Stimuli gab): *Vertrauen* (38), *Treue* (36), *Freundschaft* (31), *Harmonie* (30), *Glück* (27), *Eltern* (25), *Familie* (25), *Aufmerksamkeit* (10), *Freude* (1), *Mitleid* (1).

Die erhaltenen Daten werden wir gemäß dem ausgewählten Modell der assoziativen Bedeutung verteilen und Invarianten unterstreichen:

Begriffe (insgesamt 143 Einfälle):

Stabilität, Sicherheit: *Vertrauen* (38), *Treue* (36), *Harmonie* (30), *Aufmerksamkeit* (10) – insgesamt 114 Einfälle;

Liebeszustand: *Glück* (27), *Freude* (1) – insgesamt 28 Einfälle;

Nächstenliebe: *Mitleid* (1) – insgesamt 1 Einfall.

Vorstellungen (insgesamt 101 Einfälle):

Objekt der Liebe:

- Partnerschaft: *Freund(in)* (31), *Partner* (20) – insgesamt 51 Einfälle;

- Familienbeziehungen: *Familie* (25), *Eltern* (25) – insgesamt 50 Einfälle.

Die Häufigkeit des Einfalls *Liebe*, die in einem inversen freien Assoziieren ermittelt wurde, kann die Annahme bestätigen, dass dieser Begriff für Muttersprachler relevant ist, außerdem zeigt es auch stabile assoziative Verbindungen an, die die Beteiligten zwischen dem Stimulus und dem Einfall haben.

Es ist zu beachten, dass die im inversen freien Assoziieren festgestellten Invarianten und die im direkten freien Assoziieren festgestellten Invarianten zusammenfallen, obwohl sie sich quantitativ unterscheiden.

Dementsprechend sind die assoziativen Felder der Werte *Liebe*, *Vertrauen*, *Treue*, *Freundschaft*, *Harmonie*, *Glück*, *Eltern*, *Familie*, *Aufmerksamkeit*, *Freude*, *Mitleid* durch die festgestellten Invarianten verbunden.

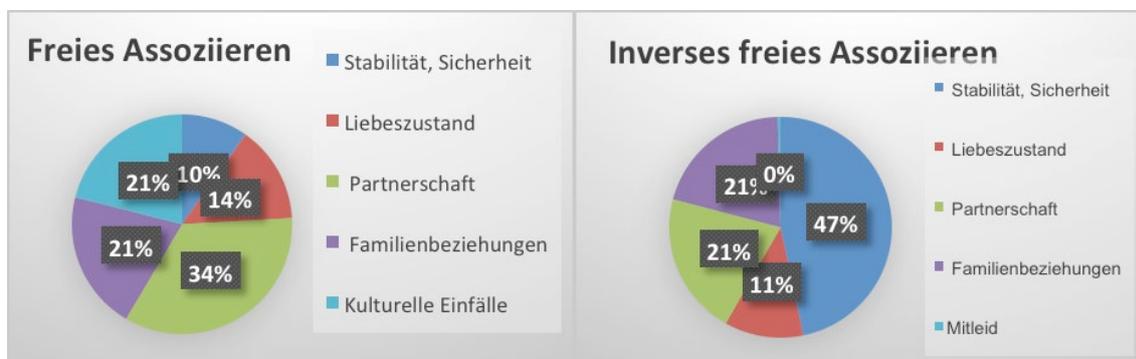

Diagramm. Vergleich von Daten des freien Assoziierens und des inversen freien Assoziierens

Im direkten freien Assoziieren wird die integrative Komponente 'Partnerschaft' (34 %) am deutlichsten dargestellt, und im inversen freien Assoziieren – die Komponente 'Stabilität, Vertrauen' (47 %). Die integrativen Komponenten 'Liebeszustand' und 'Familienbeziehungen' sind prozentual ungefähr gleich. Der einzelne Einfall *Mitleid*, der im inversen freien Assoziieren festgestellt wurde, ist mit der etymologischen Bedeutung des Begriffs *Liebe* – *Nächstenliebe* verbunden, denn *Mitleid* soll als ein Impuls zum Helfen, zum Trösten, als innere Anteilnahme am Leid verstanden werden [12].

VII. Diskussion

Somit bestätigen die Daten des inversen freien Assoziierens die Daten des direkten freien Assoziierens und deren Ergebnisse zeigen eine Diskrepanz zwischen dem semantischen und dem assoziativen Feld.

Basierend auf der durchgeführten Forschung ist es möglich, die Dynamik des Grundwertes *Liebe* zu beweisen. Die Liebe wird als 'Objekt der Liebe', das heißt, als *geliebter Mensch*, wahrgenommen, zu dem man Gefühle hat und von dem man auch Gefühle bekommt. Dank diesem Gefühl finden die Befragten Ruhe, Stabilität und Sicherheit im Partner und in ihrem eigenen Leben. Die große Bedeutung stabiler Beziehungen wird im Laufe des inversen freien Assoziierens bestätigt. Außerdem ist die *Liebe* zwischen den Familienmitgliedern auch von großem Wert.

In der modernen deutschen Sprachkultur wird *Liebe* also als Liebeszustand zwischen den Partnern und den Familienmitgliedern wahrgenommen, der Stabilität und Sicherheit garantieren kann.

Aufgrund der Daten des direkten und inversen freien Assoziierens kann auch festgestellt werden, dass der Begriff *Liebe* für die jungen befragten Respondenten relevant und bedeutsam ist, was eine große Anzahl von Vorstellungen sowie von dem Einfall *Liebe* auf andere Stimuli, die die gleichnamigen Werte darstellen, beweist. Darüber hinaus weisen die Ergebnisse des inversen freien Assoziierens auf eine stabile assoziative Verbindung zwischen den Stimuli und Einfällen bei den Befragten hin. *Liebe* vereint für die Befragten andere Aspekte von Werten: Vertrauen, Treue, Harmonie, Aufmerksamkeit, Zärtlichkeit gegenüber einer anderen Person durch gemeinsame integrative Komponenten, hat für die Befragten eine positive Konnotation und kann in die Kategorie der grundlegenden Werte aufgenommen werden.

Im Weiteren scheint es aussichtsreich zu verfolgen, ob die erzielten Ergebnisse, die auf die Dynamik der grundlegenden Werte hinweisen, im Laufe der Zeit bestätigt werden. Für uns ist es auch wichtig festzustellen, ob eine solche Tendenz bei den Befragten eines anderen Alters herauszustellen ist oder ob die Dynamik der Werte mit dem jungen Alter der Befragten verbunden ist.

© Хлопова А.И., 2023

Literatur:

1. Адамова З.Г. «Кенул барбыттар», или содержание понятия кенул 'свобода' в сознании якутских студентов / З. Г. Адамова // Языковое наследие коренных народов Якутии в историко-культурном измерении: Материалы Региональной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию образования Якутской АССР, Якутск, 15 февраля 2022 года. Якутск: Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, 2022. С. 150-157.
2. Адамова З.Г. Экспериментальное психолингвистическое исследование ценности демократия (на материале якутского языка) / З. Г. Адамова, Д. И. Чиркоева // Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских языков: Материалы II Международной научно-практической конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения известного тюрколога, общественного деятеля, кандидата филологических наук, доцента Ю. И. Васильева-Дьаргыстай, Якутск, 16 декабря 2022 года / Сост.: И. Ю. Васильев, Д. И. Чиркоева, М. П. Попова [и др.]. Якутск: Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, 2022. С. 39-46.
3. Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова и возможности её исследования: теоретическое и экспериментальное исследование / А. А. Залевская. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. 278 с.
4. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1981. 367 с.
5. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. М.: Смысл, 2005. 310 с.
6. Пищальникова В.А. Прогностический аспект психолингвистического исследования значения слова / В. А. Пищальникова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 2(870). С. 49-56.
7. Пищальникова В.А. Ассоциативное поле как база исследования потенциальных значений слов / В.А. Пищальникова // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2022. № 2. С. 303-317.
8. Пищальникова В.А. Экспериментальные методики верификации данных ассоциативного поля / В. А. Пищальникова, А. И. Хлопова // Гуманитарные науки. Вестник МГЛУ. М.: РЕМА, 2019. №4 (820). С. 38-51.
9. Хлопова А.И. Сопоставление базовой ценности «Harmonie / гармония» в немецкой и русской лингвокультурах / А. И. Хлопова // Этнопсихолингвистика. 2023. № 1(12). С. 54-67.
10. Хлопова А.И. Сопоставление базовой ценности "родина" в немецкой и русской лингвокультурах / А. И. Хлопова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 1. С. 321-327.
11. Der erste Brief des Johannes, Kapitel 4. <https://bible.bhhttps://www.uibk.ac.at/theol/leseraum/bibel/ljoh4.html/verse/48/4/16/> (Accessed 1 Mai 2023).
12. DUDEN. Universalwörterbuch. http://www.duden.de/Shop/Das-Wörterbuch-der-sprachlichen-Zweifelsfälle?affiliate_id=318 (Accessed 1 Mai 2023).
13. DUDEN. Das Synonymwörterbuch. Berlin: Dudenverlag. 2014. 1136 S.
14. Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values / R. Inglehart, W. Baker. New York: American Sociological Review, 2000. P. 19-51.
15. Kluskhohn S. Values and Value Orientations in the Theory of Action. Toward a General Theory of Action / ed. by T. Parsons, E. Shils. Cambridge, 1951. P. 388-433.
16. Lay R. Die neue Redlichkeit. Werte für unsere Zukunft / R. Lay. Frankfurt am Main: Campus-Verl, 2006. 253 p.
17. Miller G.A. Language and Communication / G. A. Miller. New York: McGRAW. HILL BOOK COMPANY, INC, 1951. 298 p.
18. Osgood Ch.E. Cross-cultural universals of affective meaning / Ch. E. Osgood, W. H. May, M. S. Miron. Urbana: University of Illinois Press, 1975. 198 P.
19. Pfeifer W. Etymologisches Wörterbuch. <https://www.dwds.de/wb/Liebe> (Accessed 1 Mai 2023).
20. Reiss S. Who Am I? / S. Reiss // The 16 basic desires that motivate our actions and define our personalities. New York: Tarcher/Putnum, 2000. 361 p.
21. Schlecht K. Werte. https://www.karl-schlecht.de/fileadmin/daten/karl_schlecht/Werte/pdf/021111_Def_Werte.pdf (Accessed 1 Mai 2023).
22. Schwartz Sh. Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations / Sh. Schwarz // Measuring attitudes crossnationally: Lessons from the European Social Survey. / ed. By R. Jowell, C. Roberts, R. Fitzgerald, G. Eva. London: Sage, 2006. P. 169-203.
23. Wahrig. Deutsches Wörterbuch. Gütersloh / München: Bertelsmann Lexikon Verlag GMBH, 1986. 1493 S.
24. Werte 21. Enzyklopädie der Wertevorstellungen. <https://werteland.com/enzyklopaedie/liebe> (Accessed 1 Mai 2023).
25. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. 1969, <https://www.dwds.de/wb/Liebe#etymwb-1> (Accessed 1 Mai 2023).

References

1. Adamova, Z.G. «Kenul barbyttar», ili sodержanie ponyatiya kenul 'svoboda' v soznanii yakutskih studentov ["Kenul barbyttar", or the content of the concept kenul 'freedom' in the minds of Yakut students]. *Iazykovoe nasledie korenykh narodov Iakutii v istoriko-kul'turnom izmerenii: Materialy Regional'noj nauchno-prakticheskoy konferentsii, posviashchennoj 100-letiiu obrazovaniia Iakutskoj ASSR*, Iakutsk, 15 fevralia 2022 goda. Iakutsk: Institut gumanitarnykh issledovanij i problem malochislennykh narodov Severa Sibirskogo otdeleniia RAN, 2022. P. 150-157.

2. Adamova, Z.G. Eksperimental'noe psikholingvisticheskoe issledovanie tsennosti "demokratii" (na materiale iakutskogo iazyka) [Experimental psycholinguistic study of the value "democracy" (based on the Yakut language)]. *Sravnitel'no-sopostavitel'noe izuchenie tyurkskikh iazykov: Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, posviashchennoj 70-letiiu so dnya rozhdeniia izvestnogo tiurkologa, obshchestvennogo deiatelia, kandidata filologicheskikh nauk, dotsenta YU.I. Vasil'eva-D'argystaj*, YAKUTSK, 16 dekabria 2022 goda / Sost.: I.YU. Vasil'ev, D.I. Chirkoeva, M.P. Popova [i dr.]. Yakutsk: Severo-Vostochny federal'ny universitet imeni M.K. Ammosova, 2022. P. 39–46.
3. Zalevskaya, A.A. *Dvoynaya zhizn' znachenii slova i vozmozhnosti ee issledovaniia: teoreticheskoe i eksperimental'noe issledovanie* [The double life of the meaning of a word and the possibilities of its study: theoretical and experimental research]. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing, 2012. 278 p.
4. Karaulov, Yu. N. *Lingvisticheskoe konstruirovaniye i tezaurus literaturnogo iazyka*. [Linguistic Construction and the Thesaurus of the Literary Language]. Moscow. Nauka. 1981. 367 p.
5. Leont'ev, A.A. *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow: Smysl. 2005. 310 p.
6. Pishchal'nikova, V.A. Prognosticheskiy aspekt psikholingvisticheskogo issledovaniia znachenii slova [Predictive aspect of psycholinguistic study of word meaning]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2023. № 2(870). P. 49–56.
7. Pishchal'nikova, V.A. Assotsiativnoye pole kak baza issledovaniia potentsial'nykh znacheniy slov [The associative field as a basis for studying the potential meanings of words]. *Ural'skiy filologicheskij vestnik. Seriya: Iazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*. 2022. № 2. P. 303–317.
8. Pishchal'nikova, V.A. *Eksperimental'nye metodiki verifikatsii dannykh assotsiativnogo polia* [Experimental methods of verifying associative field data] / V.A. Pishchal'nikova, A.I. Khlopova A. I. // *Gumanitarnye nauki. Vestnik MGLU*. Moscow, REMA. №4 (820), 2019. P. 38–51.
9. Khlopova, A.I. Sopostavlenie bazovoy tsennosti «Harmonie / garmonii» v nemeckoy i russkoy lingvokul'turakh [Comparison of the basic value "Harmonie / harmony" in German and Russian linguistic cultures]. *Etnopsiholingvistika*. 2023. № 1(12). P. 54–67.
10. Khlopova, A.I. Sopostavlenie bazovoy tsennosti "rodina" v nemetskoj i russkoy lingvokul'turakh [Comparison of the basic value "homeland" in German and Russian linguistic cultures]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2023. T. 16, № 1. P. 321–327.
11. Der erste Brief des Johannes, Kapitel 4 [The first letter of John, chapter 4], <https://bible.bhhttps://www.uibk.ac.at/theol/leser-aum/bibel/ljoh4.html/verse/48/4/16/> (Accessed 1 Mai 2023).
12. DUDEN. Universalwörterbuch [Universal dictionary], http://www.duden.de/Shop/Das-Wörterbuch-der-sprachlichen-Zweifelsfälle?affiliate_id=318 (Accessed 1 Mai 2023).
13. DUDEN. *Das Synonymwörterbuch* [Dictionary of synonyms]. Berlin: Dudenverlag, 2014. 1136 p.
14. Inglehart, R., Baker, W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values. New York, *American Sociological Review*, 2000. P. 19–51.
15. Kluskhohn, S. *Values and Value Orientations in the Theory of Action. Toward a General Theory of Action* / ed. by T. Parsons, E. Shils. Cambridge, 1951. P. 388–433.
16. Lay, R. *Die neue Redlichkeit. Werte für unsere Zukunft*. [The new honesty. Values for our future]. Frankfurt am Main, Campus-Verl. 2006, 253 p.
17. Miller, G.A. *Language and Communication*. New York, McGRAW – HILL BOOK COMPANY, INC, 1951. 298 p.
18. Osgood, Ch. E., May, W. H., Miron M. S. *Cross-cultural universals of affective meaning*. Urbana, University of Illinois Press, 1975. 198 p.
19. Pfeifer, W. *Etymologisches Wörterbuch* [Etymological dictionary], <https://www.dwds.de/wb/Liebe> (Accessed 1 Mai 2023).
20. Reiss, S. *Who Am I?. The 16 basic desires that motivate our actions and define our personalities*. New York, Tarcher/Putnum, 2000. 361 p.
21. Schlecht, K. Werte [Values], https://www.karl-schlecht.de/fileadmin/daten/karl_schlecht/Werte/pdf/021111_Def_Werte.pdf (Accessed 1 Mai 2023).
22. Schwartz, Sh. *Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations. Measuring attitudes cross nationally: Lessons from the European Social Survey*. / ed. By R. Jowell, C. Roberts, R. Fitzgerald, G. Eva. London, Sage, 2006. P. 169–203.
23. Wahrig. *Deutsches Wörterbuch* [German dictionary]. Gütersloh / München: Bertelsmann Lexikon Verlag GMBH, 1986. 1493 S.
24. Werte 21. *Enzyklopädie der Wertevorstellungen* [Encyclopedia of values], <https://werteland.com/enzyklopaedie/liebe> (Accessed 1 Mai 2023).
25. *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache* [Dictionary of modern German]. 1969, <https://www.dwds.de/wb/Liebe#etym-wb-1> (Accessed 1 Mai 2023).

Information über den Autor:

Хлопова Анна Игоревна, Dr., Doz., Dozentin des Lehrstuhls für Lexikologie und Stilistik der deutschen Sprache, Fakultät für die deutsche Sprache, Moskauer Staatliche Linguistische Universität (Moskau, Russland).
Interessen: Germanistik, Psycholinguistik
E-mail: chloпова_anna@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6576-4111

Author's information

Anna I. Khloпова, PhD (Linguistics), is Associate Professor of the Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)
E-mail: chloпова_anna@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6576-4111

* * *

STRUCTURING JAPANESE EDITORIALS ALONG THE LINES OF RHETORICAL STRUCTURE ANNOTATIONS – ISSUES AND DISCOVERIES

S.V. Chironov, V.A. Mozebakh

MGIMO University
76, Prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russia

Abstract. This paper is a result of a practical experiment in annotating the rhetorical structure of three editorial articles from the leading Japanese newspapers, focused on connectors and their role in the text. Annotation work was carried out along the general lines of existing techniques, at the same time calling for substantial adjustments in both the relations' taxonomy and orientation, and also the principles of breaking down discourse units. These methodological findings are reviewed in the conclusive part.

The main difficulty in representing the overall text structure is whether it can be convincingly represented in the form of a tree (as is expected from a pragmatically organized text). Some in-depth analysis shows that apart from rhetorical relations between discourse units a complex networks of holistic structure (macrostructure), intentional structure, referential network are of not less importance in the unity of the text. Notional structure in the basis of the reader's comprehension also comes into the bargain, as well as the author's efforts to influence and direct it overtly or covertly. An RST tree would only be a part of this totality. Appended are tentative graphical representations of an approximated tree structure as well as graphs covering the text's intentional structure, divided into interconnected layers. This experiment highlighted major peculiarities of a newspaper editorial as one type of text. They are seen as rooted in the pragmatical nature of this genre of language activity, whose principal aim is opinion leadership and of the audience that is highly heterogenous but at the same time capable of detecting and processing sophisticated logical and rhetorical devices. That imposes some structural conditions besides general structure specialties of the Japanese language.

Keywords: Japanese language, rhetorical text structure, annotation, connector, newspaper editorial

For citation: Chironov, S. V., Mozebakh, V. A. (2023). Structuring Japanese editorials along the lines of rhetorical structure annotations: issues and discoveries. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(4), pp. 120–144. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-120-144>

СТРУКТУРА РЕДАКЦИОННОЙ СТАТЬИ В ЯПОНСКОЙ ГАЗЕТЕ КАК ОБЪЕКТ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО АННОТИРОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ОТКРЫТИЯ

С.В. Чиронов, В.А. Мозебах

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Предметом этого практического исследования стали структура трёх отобранных по принципу репрезентативности редакционных статей из японских газет и средства её разметки в тексте. Статьи были подвергнуты сплошному аннотированию по существующим основным методикам на предмет логико-семантических связей между элементарными дискурсивными единицами, причём ставилась задача определить связи между элементами всех уровней.

Среди основных сложностей такой целостной репрезентации структуры была выявлена её неоднозначная интерпретируемость в виде дерева узлов, предполагаемого идеальной прагматической ориентацией текста. Как показывает глубокий анализ, связи на уровне не только логической коннекции между дискурсивными единицами в тексте, но также и целостной структуры в тексте, авторских интенций, референциальной сетки, равно как и опорно-понятийного и оценочного каркаса, скорее требуют многомерной интерпретации, частью которой будет представление текста в виде древесной структуры. Кроме того, было показано, что даже сама структура логического «дерева» иногда допускает как циклические образования («петли»), так и перекрещение ветвей. В статье в экспериментальном плане предпринимается попытка графического отображения нескольких типов структуры текста помимо дерева логико-семантических связей, включая послойную «томограмму» его интенционального строения. В частности, предлагается выделять в нём констатирующие, оценочные и побудительные пласты, взаимодействующие друг с другом «поперёк» древесной структуры.

Отдельное внимание в статье уделено особенностям репрезентации логико-семантических отношений в конкретном жанре газетной редакционной статьи. Они представлены укоренёнными в прагматической направленности этого текста, имеющего основной целью воздействие на формирование картины мира негетерогенной аудитории, способной воспринимать сложные логические и риторические построения. Данные особенности дополняют некоторые структурные требования, характерные в целом для текста на японском языке.

Проделанная аннотационная работа позволяет сделать ряд уточнений в технике репрезентации текста, упорядочить номенклатуру логико-семантических связей. Такие методические замечания, формулируемые на последовательно функциональных основаниях, представлены в завершении статьи.

Ключевые слова: японский язык, логико-семантическая структура текста, аннотирование, коннектор, газетная статья

Для цитирования: Чиронов С.В., Мозебах В.А. (2023). Структура редакционной статьи в японской газете как объект логико-семантического аннотирования: проблемы и открытия. *Филологические науки в МГИМО*. 9(4), С. 120–144. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-120-144>

1. Введение: бэкграунд, объект и метод исследования

Данная работа составляет часть программы исследования особенностей структуры японоязычного текста и, в частности, средств экспликации логико-семантических отношений (ЛСО) в нём. Чрезвычайно полезным преломлением изучения этой темы, снабжающим её многосторонним и цельным материалом и притом позволяющим верифицировать теоретические наработки, является практика аннотирования текстов, что находит отражение в направленности современных исследований [19], [3]. Мы уже обращались к этой теме на материале устного выступления [8], художественного текста [11], теперь же наше внимание привлекает квинтэссенция публицистического стиля – редакционная статья. Объектом исследования, ставшего своего рода расширением занятий в последнем семестре магистратуры МГИМО по отработке навыков обработки иноязычной аналитической информации, стали три публикации в наиболее авторитетных общенациональных японских газетах, различных не только по своей идейной ориентации, но и редакционной политике – от более эгалитаристской «Асахи» с её традиционной опорой на левую часть политического спектра [25] до рупора умеренных интеллектуалов и площадки серьёзной аналитики «Майнити» [29] и «Йомиури» право-консервативного уклона [30].

Три статьи были подвергнуты сплошному аннотированию на предмет ЛСО между элементарными дискурсивными единицами (ЭДЕ [4]) консенсусным принципом (без выставления различающихся оценок) на основе существующих аннотационных методик [20], [22]. Мы исходим из общего представления ЛСО как о двойственно ориентированной структуре, допускающей либо наличие ядра и спутника, либо двух ядер [19]. Соотношение между этими типами и синтаксическим подчинением либо сочинением, при бесспорном наличии некоторой корреляции, остаётся необязательным в силу функционального, а не формального понимания связи. Ядро в нашем понимании составляет центр сообщения, удаление которого меняет его общую направленность, а спутник выполняет некую роль относительно ядра, усиливающую, ограничивающую или иначе модифицирующую его эффект. Формулировка этой роли, собственно, и прописывается в определении каждого конкретного типа ЛСО, что выходит далеко за рамки настоящей работы. В аннотационных схемах (Приложение 1) отношение от спутника к ядру отображается стрелкой (←), взаимные связи между равноправными ядрами обозначаются ненаправленными косыми скобками (/ \).

В целях компактного графического отражения связи в аннотации представлены в обобщённой таксономии, включающей в зоне обусловленности: Причинность (Причина для объективных событий, Повод для действий, Мотивация для побуждений, Обоснование для суждений), Условность, Уступительность (для условных контекстов) и Противительность (понимаемую как фактивную разновидность Уступительности), в зоне слабых логических связей двухъядерные отношения Соединения, Сопоставления, Сравнения, Дизъюнкции и направленные Присоединения (с аккумуляцией), Замещения и Тождества (Переформулировка, Обобщение, мереологические отношения Генерализации/ Обобщения и Детализации / Экземплификации); выделяются и дискурсивные отношения, связанные с топиком и фокусом (Тема-рема, Смена темы, Уточнение, Разработка), по этой таксономии см. [5]. Ниже мы приводим основные теоретические и практические соображения, вынесенные нами из этого исследовательского начинания, касающиеся как особенностей изученного объекта, так и некоторых методологических моментов.

2. К вопросу о форме репрезентации структуры связей: строится ли дерево?

В современной прикладной лингвистике, особенно заточенной на практические задачи автоматической обработки текстов – перевод или извлечение заданной полезной информации (т.н. опинион-майнинг) – структура текста как дерева стала аксиоматической, хотя дискуссии о подборе адекватных методов репрезентации наличного материала для такого отображения, судя по всему, пока далеки от однозначных выводов [14]. Используется древесная структура и в отечественном анализе текста [1], хотя подчас её интерпретация получает довольно метафорические обертоны [10].

В самом деле, коль скоро синтаксическая структура предложения, пусть и не без некоторых затруднений, может быть представлена в виде дерева [7], естественным кажется экстраполировать этот принцип на текстовый уровень. Во всяком случае если ориентироваться на роль речи как проводника информационного обмена и интенций говорящего в обществе, то всякий доступный для цельного обозрения текст должен иметь свою центральную цель, к которой должны быть «подвязаны» его части. В редакционной статье это особо важно, покуда она по своей сути представляет собой мощный инструмент формирования общественного мнения, а также (если теперь обратиться к когнитивной стороне функционирования языка) формулирования точки зрения коллектива редакции на ту или иную актуальную общественную проблему.

В японской риторике и стилистике бытует представление о «правильном», идеальном порядке изложения *kishootenketsu* (起承転結), исторически заимствованном из структуры китайского классического стиха [28], которая, впрочем, сама интерпретируется довольно свободно [17]. Это понятие, схожее с «супраструктурой» (в терминах Т. ван Дейка), напоминает такой особый структурный пласт текста, как порядок его частей или разделов с (более или менее) фиксированными функциями, который обычно выделяется параллельно ЛСО [23], [24]. В этом смысле возможно выделение таких частей в статьях, но это мало привязано к связям внутри них и не отменяет совершенно очевидных связей поверх структуры; следовательно, мы исходим из того, что ЛСО, формируя единую структуру текста, не обязаны строго следовать этой «супраструктурной» разбивке, которую, безусловно, можно выделить во всех исследованных материалах. Хотя, несколько забегая вперёд, можно отметить между ними некоторый баланс, когда один тип структуры возмещает не слишком очевидные элементы другой. Типичный пример – «провисание» логической структуры между окончанием вводной части и переходом к основной, когда читатель, даже не находя непосредственной связи между примыкающими ЭДЕ, тем не менее не ощущает текст как бессвязный, двигаясь на поводу у конвенции, по которой вслед за лидом традиционно освещается бэкграунд; с другой стороны, в этом ему помогают ещё и ясные референциальные связи.

А. Первое, на что невозможно не обратить внимание, анализируя японскую передовицу, – это структура и значение заголовка [6]. В отличие от устоявшихся норм в других лингвокультурах, в японской и новостной, и аналитической статье заголовок по сути должен повторять структуру статьи. Во всех трёх материалах он отчётливо делится на три части:

Факты	<i>японо-американская ФТА</i>	<i>«теневой кабинет» КДПЯ</i>	<i>суд над Пол Потом</i>
Оценка	<i>вывеска рухнула</i>	<i>нужны убедительные меры</i>	<i>из жестокой истории</i>
Вывод	<i>жалкое зрелище</i>	<i>но предьявят ли их</i>	<i>извлечём уроки</i>

Оговоримся, что «Вывод» может носить как эмоционально-оценочный, так и модально-оценочный, и побудительный характер. Во всех случаях это соответствует максимальной степени сжатия синопсиса статьи. Случайно ли это сжатие чем-то напоминает максимально минималистичный жанр японского трёхстишия хайку? Вот ещё одна аналогия с поэзией в нашей работе.

В обозначенном смысле, если считать заголовок частью текста, то на его уровне возникает верхний узел в дереве, соответствующий ЛСО Детализации между синопсисом и его раскрытием в статье. При этом радикально исключить заголовок из структуры не слишком получается, а часто

даже необходимо линейно расположить его до лида по референциальным соображениям: так и в лиде 2.1. (материал 2, здесь и далее см. приложение), и в 3.1. (материал 3) начисто отсутствует упоминание, о какой партии / о суде над кем вообще идёт речь (в обоих случаях такое упоминание появляется лишь со второго абзаца).

Статус вводного абзаца (лида) чуть менее однозначен, см. [26]. Разнится его длина – от 3 ЭДЕ в материале 3 до 12 в материале 1, и, соответственно, содержание (в материалах 1 и 2 там сразу даётся первая фактическая начинка, в 3-м к общей оценке добавляется обобщение, претендующее на статус аксиомы, «внешнего» фундаментального принципа). Однако во всех трёх случаях и между ним и остальной статьёй так же, как и в описанной комбинации с заголовком, речь идёт об узле с ЛСО Детализации. На практическое значение этой связи указывает содержание лидов: везде в них основная мысль статьи даётся в более полном виде, в частности, появляются равноправные (ЛСО Соединения) отрезки (как 2.1.4-5; эти послылы подробнее раскрываются и далее в статье), одним из которых в заголовке авторам пришлось пожертвовать, чтобы уложиться в его более жёсткие лимиты.

Получается, что между заголовком в случае, если он включается в текст, и лидом уже возникает отношение Детализации, от узла которого (то есть от суммы обоих релятов, раскрывающих друг друга) ко всему остающемуся «телу» статьи направляется новое ЛСО Детализации. Эта структура чисто эстетически, да и графически, удовлетворяет нас куда меньше – не говоря о тех связях между отдельными компонентами комплексного релята «остальной текст», которые она при таком отображении игнорирует (об этом ещё пойдёт речь ниже).

Дальше начинается тот уровень, где у древесной структуры в исследованном материале, пожалуй, имеются самые крупные проблемы. Обозначим его обобщённо как взаимодействие в целом крупных релятов. Собственно, на уровне абзаца, какой редко превосходят иллюстрации в научных работах по построению дискурсивных деревьев [18], проблем именно с интерпретацией связей у нас возникло гораздо меньше (на возникших вопросах и решениях мы остановимся ниже). А вот начиная с «надпараграфного» уровня чёткой репрезентации мешают две основные загвоздки: границы и размеры единиц и трактовка связей между ними. На «рыхлость» обоих параметров указывается в литературе, в частности, отмечается, что параграфы упорядочены в японском менее чётко, чем в английском [15].

В идеале едиными релятами примерно одного уровня должны были бы быть типографски выделенные абзацы текста. Однако это так далеко не всегда. Так, в 1.5.1. фактически в одной ЭДЕ суммируется содержание предыдущего изложения вопроса в 1.2-1.4, что меньше даже одного предложения! Получается, здесь мы вновь, только на более высоком уровне, попадаем в те же «бутылочные горлышки» трактовки известных из синтаксиса предложения присловного vs. клаузуального типов присоединения, но на этот раз уже в прагматическом преломлении.

Иногда этот вопрос принимает обратный вид: например, ЛСО Сопоставления (по принципу «А = как мы думали, Б = а как на самом деле») между 2.5. и 2.6. отчётливо прослеживается по границе, но какова точно длина релятов, которые она соединяет? Вопрос тем сложнее, чем дальше распространяются единицы, которые объединяет эта ЛСО. А от этого зависит, какие отрезки будут вершинами, что войдут в конечный узел Детализации с лидом 2.1. и потом обобщением в 2.13-15. Вообще видно, что чем выше узел соединения, тем сложнее с уверенностью сказать, что он охватывает. Если в синтаксисе предложения на протяжении всего отрезка, контролируемого некой единицей, наблюдается выполнение неких критериев (скажем, согласование, подчинение возвратных местоимений и прочее), то в дискурсивных единицах, выделяемых по функциональному признаку, эти закономерности проявляются слабее и тестировать их сложнее. Вероятно, имеет смысл учитывать и объективную невозможность для читателя (в отличие от уровня предложения) «держать в голове» всю полноту разрастающихся отрезков. Во всяком случае, сомнение вызывает то, что всё их содержание способно фигурировать в активированной зоне внимания. Что с линейным продвижением речи идёт последовательная дефокусировка отдаляющегося материала, видно уже из того, как, чтобы вновь вводить его, используются специальные референциальные приёмы, см. [11].

Сложность отчасти состоит в том, что в публицистических статьях, в отличие, скажем, от научных, не принята эксплицитная дискурсивная разметка, которая позволяла бы говорить именно о такой фрагментации. Кроме интуитивно отмечаемой читателем смены курса повествования с окончанием лида можно говорить лишь об относительно чётко прослеживаемом принципе безмаркерного введения экскурсов и пояснений, образующих «петли» в структуре. Правда, отсутствие чёткой разметки может приводить к многовариантности восприятия такого перехода, например, вхождения в экскурс начиная с абзаца 2.5 или 2.6. Сходная проблема обнаруживается при линейном восприятии перехода от 2.12 к 2.13, который поначалу воспринимается как ЛСО Замечание, пока чуть позже не выясняется принадлежность их к разным укрупнённым блокам, более того, относящимся к разным референтным общностям: ведь начиная с 2.13 речь начинает идти уже не о конкретной партии, а о всей оппозиции в целом – о чём сигнализируется косвенно лишь в 2.14.4, а эксплицитно лишь в 2.15.1-2!

Что касается трактовки связей, то они тоже не то чтобы ровно распределяются по всем узлам связей или характерны в большей или меньшей степени для каждого конкретного текста. Она может варьироваться и между соединёнными узлами. Так, ясно, что содержащий итоговую позитивную оценку состоявшегося трибунала лид 3.1. вступает в ЛСО Детализация с отрезком, имеющим аналогичную оценку в своей вершине – 3.8.5 *igi-ga ookii* = значение велико, с дальнейшей разработкой до 3.9.8. Внутри чётко прослеживается маркированная коннектором *shikashi* ЛСО Противительность между блоками с негативной и (пересиливающей-таки её, как и нужно в этом типе связи) позитивной оценкой событий соответственно в 3.5–3.7 и 3.8–3.9. Менее тривиален вопрос, как представить связи этой части с предшествующими фрагментами, где после констатирующего абзаца 3.2 о факте завершения суда следует фоновая информация о злодеяниях полпотовцев в 3.3–3.4. Если допустить присловные, а не только межклаузальные связи, то исторический экскурс в 3.3–3.4 можно представить и как Уточнение ко всему блоку 3.2, и как Повод для описываемого в 3.2.2 события – осуществления суда над «красными кхмерами», и как Детализацию актанта этого же предиката – *tairyoo-gyakusatsu* = массовый геноцид. Но во втором случае из-за линейного порядка подчинения частей будет наблюдаться перекрещение ветвей дерева ЛСО, какого, кстати, не было бы в тексте на языке, допускающем правое ветвление, например, русском. При любом решении, однако, наиболее уязвимо выглядит переход к 3.5, где мы видим нечто вроде ЛСО Флэшбека [27, с. 51] – приём, характерный в большей степени для нарративных, но куда меньше для аналитических текстов. Конечно, в рамках нашей работы мы можем ad hoc причислить эту связь и к разряду Разработка, но суть проблемы это не особенно проясняет. Более того, оказывается, что и внутри отрезка-рассказа о трудностях суда используется тот же нарративный принцип соединения событий ЛСО Последовательность, представляющий собой вид ЛСО Соединение.

Заслуживает особого внимания статус конечных фрагментов статей. В той или иной степени в них прорабатывается блок «выхода за пределы темы», в научных статьях примерно соответствующий «оценке теоретической значимости результатов и формулировке задач на будущее». Наиболее ярко это проявляется в Материале 2, где 2.13-15 входят в ЛСО Обобщения со всем предшествующим материалом так, что узел этот оказывается выше даже самого заголовка, то есть в тексте говорится о большем, чем свидетельствует заголовок! В Материале 1 элемент такого обобщения проявляется в абзаце 1.9, который, однако, привязывается к общей теме в 1.10. В материале 3 введение общего контекста происходит на более низком уровне (сопоставительные связи с примерами различных международных трибуналов внутри структуры 3.8-9), но «дополнительный контекст» всё же возникает на уровне введения отсылки к японским усилиям на протяжении 3.10. Как вариант репрезентации, она могла бы быть довольно неплотно привязана к общей структуре посредством ЛСО Уточнения (в инициальной позиции допустимо введение маркеров смены темы *chinamini, tokorode*), после чего идёт общий заключительный пассаж 3.11. Общее для таких «эндшпилевых» фрагментов – их нахождение «за тактовой чертой», после озвученного центрального побуждения текста, хотя в случае 3.11 возможно надстроить структуру так, чтобы верхушкой дерева оказались буквально заключительные ЭДЕ 3.11.3-4. Учитывая то, что из них 3.11.3 буквально воспроизводит материал заголовка, мы в конце концов остановились именно на таком варианте репрезентации.

Б. Неоднозначность выявляется и относительно порядка «подсоединения» связей. Например, если возможно признать, что отрезок 1.1. вступает в ЛСО Детализация с оставшейся частью текста 1.2-1.10, то ничуть не менее логичным (с точки зрения адекватности наличному материалу, а не решения задачи построения дерева без пересекающихся ветвей) было бы выделить и ЛСО Детализация между отрезками внутри абзаца-лида и частями дальнейшего текста, в частности, предложением 1.1.5-8 и отрезком 1.2-1.4. В пользу именно такого деления говорит возможность внедрения маркера Экскурса *mottomo* в инициальную позицию в 1.2.1; зона действия его тогда бы заканчивалась на последнем предложении абзаца 1.4., но никак не в конце всего текста, что было бы контринтуитивно, хотя и следовало бы из первого варианта разбивки. Ещё один аргумент, не прослеживаемый на структурном уровне, – дословное воспроизведение элементов лида, например, численных показателей 1.1.5а с добавленной авторизацией в 1.3.9. Аналогично каждая из уже упомянутых линий (фактически авторских требований) в 2.1.4-5 будет отдельно разрабатываться на протяжении групп абзацев, связанных изоморфно – ЛСО Следования.

Вообще, пожалуй, с уверенностью можно говорить лишь о том, что, нарастая, общий «ствол» даже при некоторой «сучковатости» в итоге заканчивается ЛСО с ядром в той побудительной части, которая составляет основной посыл статьи. Вершиной тогда будет центральный посыл, содержащийся в текстах материалов соответственно в 1.8.6., связанных равноправным отношением 2.8.3 и 2.12.2, а также 3.11.2-3. Приведём ещё несколько примеров: 1.8 и 1.9 связаны между собой как Генерализация – переход к более общему контексту; но таковой нужен лишь для того, чтобы подтвердить тезис в 1.8.6., к обоснованию которого подходит. То же происходит и при переходе от лида к 1.2. – хотя понятно, что автор рано или поздно выведет на подтверждение всего программного абзаца: такая тактика довольно распространена именно в статьях (поэтому эта стратегия обходится без специфических маркеров), но в длинном устном высказывании было бы всё же естественнее использовать, например, *mottomo* (то есть, сами средства маркирования существуют). Иногда интуитивно логичным кажется строить и множественные узлы, например, параллельно с Бэкграундом выделять и Продолжение разработки, чтобы запрограммировать возвращение внимания к основному событию, как в 2.2 – 2.3 – 2.4. Такой «рисунок» структуры уже в строгом смысле представляет собой не просто дерево, а петлю, во всяком случае, дупло, в котором помещается аргументация достаточно важная, чтобы ради неё стоило городить такие сложные и «долгоиграющие» конструкции.

В литературе встречается спирально-кольцевая «восточная модель дискурса» [16], когда мысль как на виниловом проигрывателе проходит несколько раз разные серии аргументации, прежде чем приблизиться, «собрать» их все в конечном выводе. В структуре ЛСО это отобразить сложно, но наличие «петель» видно в «отклонениях и возвращениях» дважды на протяжении всего 10 абзацев: 1.7. и 1.9. оказываются внешне не связаны со своими предшественниками 1.6. и 1.8., выполняя роль добавлений, усилительных иллюстраций к 1.8. и 1.10 соответственно (в обоих случаях эксплицитно помеченных *sarani*), прямо внутрь структуры которых «вшивается» подвязка к предыдущему контексту. Срыв контекста может в таких случаях размечаться практикуемым в аннотациях дискурсивным ЛСО Смена Темы, но правильнее было бы оставить их привязанными к следующим веткам с «присловным» вариантом внедрения, который будет носить характер Тождества-переформулировки. Примечательно, что (хотя тут, конечно, велик фактор случайности) наиболее «ориенталистским», традиционалистским оказывается строение статьи не у кого иного как у левацкой «Асахи».

В. Также на фоне упомянутого ослабления значимости ЛСО на верхних уровнях цельность текста с точки зрения внимания читателя, видимо, поддерживается не сугубо локальными связями («затмевающими» ЛСО), но в большей степени (чем на микроуровне) иными элементами структуры, нежели ЛСО (о таких параллельных семантических структурах см. [12]).

В первую очередь это относится к тематическим цепочкам, где, например, наблюдаются однотипные методы обращения с референциальными указателями. Это уже не ЛСО, а параллельный набор средств когезии, взаимодействующий с ними [11], но не определяющий и тем более не заменяющий их. В тексте наблюдаются тематические блоки, размеченные вводом новых топиков в на-

чале типографски выделенных параграфов. Сам по себе заявляемый в начале абзаца топик может, безусловно, служить маркером смены темы, выделяемого как ЛСО рядом методик. Входит ли это отношение в число тех функций, из которых собирается дерево? Как видим мы, его статус иной – относящийся к так называемым секвенциональным отношениям [21], касающимся лишь связи двух последовательных единиц. Допустимо было бы представить такие отношения как соединение (на дискурсивном уровне, см. [3]) последовательных обширных отрезков дискурса. Но сигнализировать о том, соединяются ли таким образом предшествующий отрезок с начинающимся, или что-то ещё, они не могут. Так, постулируемые топики начинают абзацы 3.3., 3.5. и 3.10, но если между первыми двумя и можно проследить порядок раскрытия терминов, последовательно вводимых и в вводной части, и в заголовке, то разделить текст по этому критерию на три части уже точно нельзя.

Помимо задающей «ритм» в тексте последовательной замены топика сигнализирует структуру также и параллелизм определённых показателей, например, вероятностных суждений с предостерегающим оттенком, пусть даже по-разному оформленных см. 2.5.3, 2.8-3, 2.12-2, 2.14-4 (выделены в аннотации двойным подчёркиванием). Соответственно, они выделяют довольно продолжительные отрезки по определённым тематическим блокам, например, 2.9-2.12, 2.13-2.15.

Далее, важны лексические связи «сквозь» синтаксическую структуру, например, повторы опорных слов, отражающие ключевые концепты, скажем, *gyakusatsu* = *геноцид* в материале 3 или т.н. «референциальные цепочки» [2] в материале 2 (2.4.7 – 2.5.2-3), где речь о статусе партии внутри оппозиционного лагеря). Создавая референциальную сетку текста, они обеспечивают выделяемый в литературе идеациональный (внеязыковой) уровень связности.

Весьма недвусмысленно, покуда речь идёт об идейных, тенденциозных в истинном смысле этого слова текстах, эти «сквозные» структуры связаны с фактором оценочности. Как показывают наши наблюдения, оценка или оценки автора создают «вторую», скрытую структуру, ломающую абзацы, как, например, в переходе 1.4-1.5. Оценки редко бывают выделены среди фактов синтаксически, что позволяет скрывать их в пресуппозиции и тем самым протаскивать без повышенного сопротивления читателя (которое было бы тем выше, чем чётче автор бы анонсировал свою однозначную точку зрения). Тем ярче потом за нагнетанием просматривается суммирующая оценка.

Наиболее расхожий способ такого «протаскивания» пресуппозиций в текст – операторы над недоказанной пропозицией. В случае 1.5.1 такой пропозицией становится оценочно-интерпретационная формулировка всего изложения «бэкграунда». В 1.8.5-6 (об этом контексте речь пойдёт более подробно чуть далее) вслед за характеристикой существующего положения говорится о средстве исправить «ошибку суждения», при этом сама цель такая эксплицитно не провозглашается, не говоря уже о том, что ошибка называется таковой не здесь, а много раньше. Аналогично в 2.2.7 ничем не подкреплённая оценка («сложная ситуация в партии») появляется в рематической группе спутника в ЛСО Цели, и лишь потом, в 2.4.6-7, раскрывается фактическая подоплёка такой оценки (сокращение парламентской фракции, проигрыш другим оппозиционерам). В 2.14.3. обобщающая (опять таки не эксплицитно!) характеристика партии как «неспособной» ставится под условный оператор. Не менее искусно действуют авторы, вводя в синтаксически подчинённом положении «идеи международного права» в 3.1.4 как обобщение материала 3.1.1-3, хотя эта операция нигде эксплицитно не проговаривается. Никак не эксплицируется отношение тождества между 3.8.2-3 и квалифицирующего их 3.8.4, которое сразу «подкладывается» под действие оператора оценки в 3.8.5. Так, шаг за шагом, за счёт повторений и наслоений хитро вводимых утверждений снимается сопротивление суждениям, которые при этом могут оставаться полностью или частично без строгих доказательств.

В случае наиболее резкой характеристики действий правительства как «пустого пиара» в 1.8.3. авторы проявляют недюжинную изошрённость, чтобы как следует «запаковать» свою оценку. Для этого реверсируется целый фрагмент со связью Присоединения (1.7.), вопреки обыкновениям начинающий играть «вперёд», а не «назад». Это уже изрядно отвлекает читателя, создавая немалое препятствие для линейного восприятия текста, но ещё и заглубляет оценку под оператор когнитивной условности *tosureba* = *если допустить, что*, что позволяет «экстренно затормозить» перед, тем не менее, жесточайшим оценочным 1.8.4. *akireru shika nai* = *жалкое зрелище, ничего не скажешь*,

которое, будучи вынесено в заголовок, оставляет в итоге минимум эквивалентов от этой авторской политкорректности. Тем не менее, авторы и тут находят способ дополнительно «подмазать» эффект, который получил бы такой весомый вердикт в конце абзаца (и очевидно, в силу этого с тем большей вероятностью в положении его структурной вершины), и надстраивают ещё один этаж с побудительными 1.8.5-6, к ядру которых 1.8.4. оказывается в положении спутника в ЛСО Основания. Все эти ужимки, конечно, оставляют ощущение некоторой двойственности и возможно даже нерешительности, но зато показывают, насколько значительную роль в обработке и подаче смысла играют не только выбор лексических средств, но и игра со структурой.

Упомянутые структурные факторы микроуровня не только следуют теоретическим построениям о культурно-специфическом строении текстов, но и лежат в русле тезисов об акциональной [21] или интенциональной [13] структуре текста. Учитывая такие явления, на нашем материале мы предприняли попытку также выстроить альтернативную репрезентацию такой структуры «поверх», или «поперёк» дерева ЛСО. Эта схема тоже напоминает дерево, но перевёрнутое, где отражённые в заголовке упомянутые пласты (или «слои») повествования Факт – Оценка – Вывод становятся «корнями» и «прорастают» в отдельные элементы изложения, частично более мелкие, чем ЭДЕ (вплоть до отдельных лексических единиц), отражающие соответственно фактологический, оценочный или побудительный уровни. Прочие логические связи (прежде всего, мереологические и каузальные отношения) выступают здесь как подчинённые элементы. Получаемый «трёхмерный», «панорамный» вид текста подтверждает приведённые выше соображения о возможности множественной репрезентации связей между отрезками текста уже в силу того, как вскрываются связи между составляющими единый пласт. Третьим измерением становится как раз упомянутая более общая супраструктура текста, представленная кластерами (несколько предложений, объединённых одной темой или коммуникативной целью), причём кластер необязательно включает в себя один абзац, а может и разбиваться на подкластеры.

Сложность такого подхода, при всей его перспективности с точки зрения анализа текстового функционала, заключается в зыбкости критериев определения пластов. В то время как саму трехслойную структуру в нашем маленьком исследовательском коллективе никто не оспаривал, по наполнению заявленных категорий мнения разошлись. Речь идёт не просто о формулировке «линейки» исходных модальных категорий, но о базовом подходе к интерпретации текста, степень глубины отражения авторских интенций в которой по большому счёту в значительной степени принимается конкретным исследователем произвольно, сообразно с его представлениями и целями. Наиболее яркие примеры – возможность «вчитать» побудительный компонент (Вывод) в деонтические (а не только волитивные) предикаты; влияние стилистической окрашенности эпитетов или даже грамматических форм на переход отрезка из фактологической зоны в оценочную. Найти сколь-нибудь окончательный ответ на эти вопросы выходит далеко за рамки настоящей работы, поэтому мы ограничиваемся обозначением в Приложениях 2 и 3 чернового варианта графического отображения сказанного для одного из трёх исследованных текстов. «Факты» выделены в нём синим цветом, «Оценка» – оранжевым, «Вывод» – серым. Базовые, или корневые, части выделены наиболее ярким цветом, подчинённые им – от наиболее светлого к тёмному. «Кластеры» отделены друг от друга сплошной чертой, «подкластеры» – пунктиром.

3. О роли и месте коннектора как маркера ЛСО

По сравнению с другими типами текстов, газету нельзя назвать особенно богатой коннекторами: в статье «Асахи» их насчиталось 31, «Йомиури» – 26, в «Майнити» всего 5. Это в целом больше, чем в художественном тексте, но меньше, чем в устном дискурсе, особенно экспозитивном и подготовленном. Отчасти это объясняется особенностью газетного материала как такового, хотя, как видно из приведённых цифр, обнаруживаются и различия между изданиями, связанные с идеалом большей или меньшей «разжёванности» материала для публики. Степень факультативности коннектора зависит и от семантической зоны. Так, Противительность не остаётся неотмеченной в случае полномасштабного столкновения пропозиций. А в случае инсинуирования элемента по-

маркер причинности *kara* практически не используется (во всём материале лишь однажды, и то в относительно редкой роли маркера Повода – в 3.3.2-1a), видимо, играет роль фактор своеобразного этикета, когда читателя не держат совсем за простофилю, которому нужно эксплицитно, «на пальцах», объяснять причинно-следственные связи. То же можно сказать о конвербах на *-tewa*, обычно трактуемых как разновидность условности, но самих могущих считаться таковыми лишь условно, покуда, в условиях фактивной P1 (то есть, невыполнении основного условия условной связи) с прагматической точки зрения эксплицируют ЛСО Основания суждения или Разработки, см. пример ниже с 2.1.1-2.

С этим связана сохраняющаяся неоднозначность трактовок связей. Таксономия их по-прежнему вызывает споры в основном в местах наложения поверхностных логических функций с глубинными логическими [8] = например, присоединение или следование в верхнем узле параграфа 1.2. В данной работе в решении таких проблем мы руководствуемся задачей наиболее точно отразить в своём решении структуру текста. Так, выбирая определение для связи между релятами 2.1.2-1 и 2.1.4-5, мы учитываем роль вводного абзаца как сжатого «слежка» всей статьи и поэтому постулируем связь как Замещение (вместо принятых в партии мер по созданию теневого кабинета нужно проводить такую-то и такую-то политику), так как именно такова в целом будет направленность обсуждения вопроса в дальнейших абзацах. Хотя, взятый в изоляции, абзац подходил бы и под ЛСО Обоснование (суждение «недостаточно» выносится, так как нужно проводить иную политику), и Разработка (что как бы отвязало бы ощущение недостаточности принимаемых мер от их «идеального» наполнения), и Экспликация (возник бы обратный эффект, жёстко детерминирующий с точки зрения автора возможные линии поведения партии). Выделять параллельные элементы необходимо, так как к ним может «крепиться» присловно оформленный элемент, меняющий смысловой рисунок фрагмента.

Характерным для аннотированных статей было крайне малое количество ЛСО Разработки (*elaboration*), даже в сравнении с художественной прозой. Нельзя, конечно, исключать и того, что эта категория несколько преувеличенно используется в работах по репрезентации [14], из-за чего примеры порой выглядят немного подогнанными под цель выйти на безупречное дерево. Не исключено также, что этот тип связи, как и некоторые другие, «расщепляются» под воздействием радикально функционалистской направленности анализа, о чём следующий раздел.

4. Об эффектах последовательного функционального подхода

Такой подход диктует отказ от довлеющего синтаксического фактора. Вообще, как уже было сказано, разделение текста на слои по коммуникативному заданию, по прагматической направленности каждого фрагмента высказывания важно для того, чтобы конечная структура всего текста повторяла, пусть с ответвлениями, пускай не прямо, триаду «факт» – «оценка» – «побуждение». Иначе всё сказанное теряет прагматический смысл. В практической плоскости это довольно сильно меняет картину на микроуровне анализа. Главный эффект – дробление отрезков в любом месте, где можно нащупать разграничение характера высказывания и его прагматической направленности. Это касается даже нерестриктивных придаточных определительных, лексический материал которых соответствует разным речевым актам: Констатация с Характеристикой, Характеристика – с Побуждением. См., например, такой случай в 3.1.1-2, где изложение фактического материала и деонтическое суждение формируют ЛСО Мотивации «поверх» синтаксической структуры:

3.1! 人道に対する罪や組織的な虐殺に関与した ㄗ

² 政治指導者は処罰されなければならない。мотивация ←┐

Оценка коммуникативной установки, прагматического «меседжа» единиц означает примат трансформационного критерия. Так, возможность выделения Зачина в устной речи с разбивкой через иллокутивно-противопоставительное *ga* в 1.6.5-7 становится поводом отделить ЭДЕ с глубинным экзистенциальным глаголом в ассерции. Так же ЭДЕ 1.1-4 признаётся уточняющей, поскольку предполагает возможность парафраза *しかも、それが表面化したのが初めてではない。*

Обратим внимание, что естественность внедрения коннектора *shikamo* указывает на возможность трактовки ЛСО здесь не только как Уточнения, но и как Аккумуляции – частного случая Присоединения с эффектом укрепления аргументативной силы ядра [9] (здесь определимой по оценочной окраске аффикса *-buri* в 1.1-3). В данном случае смысловая вершина ЭДЕ не совпадает с синтаксической (глаголом *hyoomenka-shita*), а приходится на обстоятельство – наречие *mata* (как восстановлено в предложенном парафразе):

- 1.1 ¹ 安倍政権下で уточнение ㄱ
² 2年前に発効した ← ㄱ уточнение ㄱ
³ 日米貿易協定の「看板倒れ」ぶりが、 ← ㄱ ← ㄱ
⁴ また表面化した。 уточнение ㄱ

Здесь это особенно важно с точки зрения строения всего текста, так как именно эта локальная вершина получает разработку в позднейшей вставке насчёт предыдущего выступления газеты на эту тему. Недостаточно убедительно увязываемое с одним лишь своим окружением, этот смысловой «экслав» мог бы составить альтернативный узел структуры с ЭДЕ 1.1-4, ЛСО Детализация. Данный пример предоставляет дополнительный аргумент в пользу репрезентации структуры редакционной статьи в виде более сложном, нежели единообразная древесная схема.

Немного напоминающий проблему статуса Иерусалима вопрос о том, куда отнести пограничный, но узловый лексический материал (как, например, «японо-американское ЗСТ» в 1.1.-2/3), несколько теряет в своей остроте, если принять возможность эллипсиса и значимых нулей (своего рода дискурсивных PRO) между соположенными ЭДЕ. В этом смысле уравниваются различные речевые варианты коннекторов – с анафорическим *sore* и без него (P1 *ni mo kakawarazu* P2 = P1. *Sore ni mo kakawarazu* P2 и т.п.). Становится неважно, где именно проводить границу в случаях типа 2.1.1-2, когда две ЭДЕ держатся как бы на (так или иначе принадлежащем обоим ЭДЕ в той или иной ипостаси) «шарнире» служебного существительного:

- 2.1 ¹ 「次の内閣」の顔ぶれを決めただけでは、 ㄱ
² 物足りない。 условие ← ㄱ
^{2.1} ¹ 「次の内閣」の顔ぶれを決めた ㄱ
² [それだけでは]、物足りない。 условие ← ㄱ

Ср. аналогичную ситуацию с возможными реализациями маркера ЛСО Повода *nitaishite / sorenitaishite* в 2.13.2-3.

Обозначенный нами подход, с другой стороны, позволяет и разрешить некоторые сложности разметки структуры в условиях левого распространения предложения в японском языке, из-за которой каждый новый распространитель отодвигает вправо рамку конечного сказуемого, образуя разрывные последовательности (об этой проблеме мы уже рассуждали в [8]). Если отвлечься от «матрешечной» структуры предложения и предложить для такого рода мощно распространённых конструкторов структуру с ЛСО Тождества: Экспликации, то по крайней мере в экспозитивных пассажах структура «разглядится», см. применение такого приёма в 1.2.1-5, 2.3.1-3, 3.3.1-3.

С другой стороны, принятие трансформационного критерия для соединительных связей, наоборот, приводит к возникновению разрывных или пересекающихся ЭДЕ, притом что оба элемента могут, например, иметь одну тему. Такие решения (приравнивающие конъюнктор к коннектору) мы склонны принимать в тех случаях, где устанавливать отдельную ЛСО для «экслава» кажется неразумным, например, где явно отсутствуют элементы экспликации или противопоставление тематической и рематической части, см., напр., 2.4.1(a)-4.

В иных случаях опора на строго смысловые связи мало что даёт для упрощения структуры дерева или даже не позволяет полностью отказаться от альтернативного, более синтаксически укоренённого варианта (в примере ниже это «подвесило» бы темпоральный коннектор *-go* в 1.2.2a); но

их введение предлагает более осмысленные трактовки иных связей. Так, в 1.2.4. *на двустороннем уровне* не слишком хорошо объяснимо в качестве Уточнения к 1.2.2. о подписании соглашения, которое и так очевидно двустороннее; однако если ввести субститутивное отношение к 1.2.2a (*после того как США вышли из ТПП*), то его место выглядит очень даже оправданным:

1.2	¹ 日米貿易協定は	тождество: экспликация \	
	² 米国が		
	³ トランプ政権下で	ТЕМП / причина ㄱ	
	^{2a} 環太平洋経済連携協定 (TPP) から抜けた後、	← ㄱ ㄱ	
	⁴ 二国間で	уточнение ㄱ	замещение ← ㄱ
	⁵ 結ばれた。	← ㄱ	ТЕМП / повод ← ㄱ /

Такие примеры показывают, насколько «лишние» элементы в тексте должны указывать исследователю о возможности запроецированной для них другой роли (см. выше в рассуждениях о факультативности коннектора особенно в газетном тексте).

В ситуации если не оппозиции, то по меньшей мере разнонаправленности формально-синтаксических и прагматически ориентируемых логико-семантических критериев встаёт вопрос о той границе, до которой можно, что называется, растягивать (push the envelope) это противостояние. В исследованном материале есть случаи, когда радикальное следование прагматико-ориентированному подходу ставит под вопрос не только формальную организацию предложения, но и принятую таксономию самих ЛСО. Такова ситуация в абзаце 2.5., где альтернативной трактовкой ЛСО Условие может считаться (обратно направленное обоснование) Основание, с сообразной переориентацией верхней ЛСО из Мотивации в Тождество / Детализация подтипа актуализирующей Переформулировки, см. варианты «до» (чёрным шрифтом) и «после» (серым):

2.5	党の土台から立て直さなければ、	усл. ㄱ ← ㄱ . причина ← ㄱ
	² 政権交代どころか、	аккумуляция ㄱ
	³ 野党第1党の座を脅かされかねない。	← ㄱ ← ㄱ ㄱ ㄱ
	⁴ 政策を磨き、	\ причина ← ㄱ
	⁵ 粘り強く理解を求めていくことが不可欠だ。	/ детализация ㄱ

Совершенно идентичный приём используют авторы той же статьи в паре 2.14.3-4, где ЛСО Условие может прочитываться и как Основание для предсказания о потере тонуса политической системой при неспособности главной оппозиционной силы выполнять свои функции. Думается, окончательный ответ на этот вопрос связан с укоренённостью языковых конвенций, воспринимающих условные или деонтические высказывания в проекции побудительности (см. упомянутую дискуссию о функциональных пластах текста). Проще говоря – в локусе, разграничивающем предписание в «без труда не выловишь рыбки из пруда» и его отсутствие в «не обманешь – не продашь»:

2.14	野党第1党がふがなければ、	ㄱ ← ㄱ
	⁴ 政治は緊張感を失ってしまう。	условие? ← ㄱ причина ㄱ

Одним из следствий, так или иначе, функциональной ориентации анализа текста становится максимальная «вертикализация» связей, подбор таких трактовок, которые вскрывают интенции автора. Нередко для этого приходится обращаться к смысловому содержанию ЭДЕ, например, в 2.4.6-7, усматривая не только ЛСО Соединения (подтип Следование), но и Тождества (Переформулировка актуализирующего типа), если вообще не Причины (что, однако, было бы уместно, выделяя эту ЭДЕ для последующего обращения к ней в 2.5.2.). Аналогично в трактовке темпорального коннектора ЛСО Следования to в 2.10.4-5 логично указать ЛСО Основание, которое более выпук-

ло описывает связь между событиями и действиями героев описания. В паре 2.14.1-2 скорее, чем ЛСО тема-рема, имеет смысл указать ЛСО Основание, допустив трансформацию с коннекторами *kaга* или *naка*.

Исходя из этих соображений, мы в итоге предпочли преобразовать репрезентацию 3.1, о котором уже упоминалось раньше, чтобы показать неявную (не маркированную), но важную для всей смысловой конструкции статьи логическую операцию, пусть это и идёт вразрез с синтаксическим делением. В исходном варианте на допустимость ЛСО Основание указывает возможность внедрения между 3.1.3 и 3.1.4 коннектора *soo iu imi de* = в этом смысле:

3.1! 人道に対する罪^や \

2 組織的な虐殺に関与した / мотивация ↘

3 政治指導者は処罰されなければならない。 ← ↘

4 国際法の理念を体現した裁判だった。 разработка ←

В переработанном варианте возможно внедрение там другого коннектора – *kooshita* = *подобные*. При этом референциальный статус содержания 3.1.1-3 изменится, потеряв привязку к конкретным событиям. Поскольку в тексте он непрояснён, обе интерпретации допустимы (в устном дискурсе, когда сохраняется возможность обратной связи и коррекции, такая двойственность устраняется):

3.1! 人道に対する罪^や \

2 組織的な虐殺に関与した / мотивация ↘

3 政治指導者は処罰されなければならない。 ← ↘

4 国際法の理念を тождество: квалификация ← ↘

5 体現した裁判だった。 основание ←

В конечном итоге проведённая нами работа показывает, что чем больше в тексте вертикальных (однойядерных) связей, тем более логически, манипулятивно он выстроен – в противоположность прототипическому нарративу, где преобладает горизонтальное расширение за счёт равноправных связей Следования.

5. Общие выводы

В задаче последовательной (с рекурсивным обращением к максимально высоким уровням соединения комплексных релятов) аннотации газетных текстов мы столкнулись со значительными сложностями, связанными с нечёткостью их структуры на уровне укрупнённых блоков. Даже если «дерево» как основной каркас в редакционной статье объективно есть, то есть выстраивается автором и отслеживается адресатом, – оно не охватывает и близко всей сложности материала, который не держится на нём одном и им одним не увязывается воедино. К древесной репрезентации стоит стремиться как к наиболее прагматически «чистой», но следует и признавать «завихрения» и «отклонения» в структуре текстов, преследующих сложные прагматические цели, а кроме того, нередко связанные множественными ограничениями и хеджами перед различными слоями своей аудитории, не говоря уже об общих требованиях политкорректности.

Элементы неоднозначности в интерпретации структуры газетного текста не мешают утверждать, что она гораздо более отчётливая и жёсткая, чем в исследованных ранее образцах дискурса – пространном устном выступлении и художественном тексте. Это, определённо, связано с чёткой прагматической установкой произведения – изменить отношение читателя и даже по мере возможности воздействовать на властные структуры. Можно с большой долей уверенности предсказать, что в случае ещё более точно воздействующих на адресата произведений, таких, как административное предписание или коммерческое письмо, структура будет ещё более заточена на достижение центральной цели текста.

В ходе нашей работы был верифицирован метод контрольного внедрения эксплицитных коннекторов в подходящие слоты, что позволяет прояснить не выраженную на поверхности риторическую структуру. Оправдал себя трансформационный метод, позволяющий выявлять тонкие нюансы коммуникативной ориентации отрезков любой протяжённости.

Практика аннотирования позволила по-новому взглянуть на особенности газетного текста: малое количество и переформатирование коннекторов, преобладание вертикальных двухъядерных связей (свойственное вообще тексту с задачей активного воздействия на аудиторию, в противоположность экспрессивным жанрам), обширное использование множественных трактовок («двойное дно»), сложное, многослойное устройство смысловых, референциальных и логико-семантических связей, зачастую намеренно не афишируемых для создания нужного авторам эффекта.

Применённая и прояснённая в ходе нашего эксперимента техника дискурс-аналитического аннотирования редакционных статей – задача, теснейшим образом связанная с их аннотацией для служебных, а также учебных целей. Мы хотели бы в заключение подчеркнуть, что именно выделенные нами приёмы и направления упорядочивания информации должны ложиться в основу, среди прочего, курсов по обучению аннотированию текстов.

© Чиронов С.В., Мозебах В.А., 2023

Список литературы

1. Ананьева М. И. Дискурсивный анализ в задачах обработки естественного языка / Ананьева М. И., Кобозева М. В. Информатика, управление и системный анализ: Труды IV Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием. Т1. Тверь: Тверской государственный технический университет. 2016. С. 138-148.
2. Басс И.И. Проблемы современного японского языкознания. Лингвистика текста. СПб.: СПГУКИ, 2004. 371 с.
3. Инькова О.Ю. (ред.) Структура коннекторов и методы ее описания М.: ТОРУС ПРЕСС, 2019. 316 с.
4. Кибрик А.А. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Кибрик А.А., Подлеская В.И. (ред.) Языки славянских культур, 2009. 736 с.
5. Литвиненко А. О. Описание структуры дискурса в рамках Теории Риторической Структуры: применение на русском материале //Труды Международного семинара «Диалог». 2001. С. 159-168.
6. Руфова, Е. С. Функциональные особенности японских газетных заголовков (на материале японской газеты” Mainichi Shimbun”) / Руфова Е.С. Аргунова Т.В. Современный дискурс-анализ 4 (2018). С. 15-18.
7. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ 2001. 797 с.
8. Чиронов С.В. Опыт аннотирования коннекторов в японоязычном тексте: уроки и перспективы. Филологические науки в МГИМО. 2022. № 8(4). С. 64-88.
9. Чиронов С. В. Японские дискурс-маркеры с аккумулятивным значением. Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания» (октябрь 2018 г.). М.: Ключ-С, 2019. С. 155-167.
10. Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры / Вопросы когнитивной лингвистики 1 (2004): 91-105.
11. Chironov S.V. COHESION AND CONNECTION – JAPANESE DATA / S.V. Chironov // Russian Linguistic Bulletin. 2022. №5 (33). URL: <https://rulb.org/archive/5-33-2022-september/10.18454/RULB.2022.33.1> (дата доступа 15.11.2022).
12. De Beaugrande, Robert and Dressler, Wolfgang: Introduction to Text Linguistics. Longman, London/ New York, 1981, 270 p.
13. Grosz, Barbara and Sidner, Candace: Attention, Intentions and the Structure of Discourse Computational Linguistics. 12 (3), 1986. p. 175-204.
14. Hayashi, Katsuhiko, and Tsutomu Hira, et al. “Empirical comparison of dependency conversions for RST discourse trees.” Proceedings of the 17th annual meeting of the special interest group on discourse and dialogue. 2016. P. 128-136.
15. Hinds, John. “Contrastive rhetoric: Japanese and English.” Text-Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse 3.2, 1983. P. 183-196.
16. Kaplan, Robert. “Cultural Thought Patterns in Intercultural Education”, Language Learning, 16, 1966. p. 1-20.
17. Kubota, Ryuko. “A reevaluation of the uniqueness of Japanese written discourse: Implications for contrastive rhetoric.” Written communication 14.4. 1997. P. 460-480.
18. Marcu, Daniel, Estibaliz Amorrortu et al. “Experiments in constructing a corpus of discourse trees.” Towards Standards and Tools for Discourse Tagging. 1999. P. 48-57.
19. Mann W. C., Thompson S. A. Rhetorical structure theory: A theory of text organization. Technical Report ISI/RS87-190, ISI, Los Angeles, CA, 1987. p. 1-81.
20. Prasad, R., Dinesh, N., et al. Annotating attribution in the Penn Discourse TreeBank. In Proceedings of the COLING/ACL Workshop on Sentiment and Subjectivity in Text, 2006. P. 31–38.
21. Redeker, Gisela. Linguistic markers of discourse structure. Linguistics, 29, 1991, p. 1139-1172.
22. Reese, Brian, and Hunter, Julie et al. Reference Manual for the Analysis and Annotation of Rhetorical Structure (Version 1.0). 2007. URL: http://timeml.org/jamesp/annotation_manual.Pdf (Дата доступа 21.11.2021).

23. Schiffrin, Deborah. Discourse markers: Language, meaning, and context. In Deborah Schiffrin, Deborah Tannen, and Heidi Hamilton, eds. *The handbook of discourse analysis* 54–75. 2001. Oxford: Basil Blackwell.
24. Webber, Bonnie Lynn, and Joshi, Aravind K. “Anchoring a lexicalized tree-adjoining grammar for discourse.” arXiv preprint [cmp-lg/190806017](https://arxiv.org/abs/1908.06017) (1998).
25. «Асахи симбун» https://www.asahi.com/articles/DA3S15270230.html?iref=pc_ss_date_article (Дата доступа 7.10.2022).
26. 市川孝 (1978) 『国語教育のための文章論概説』教育出版 (Итикава Т. Общая теория структуры предложения – для целей преподавания японского языка. Изд. Кёйку сьоппан. 236 с.
27. 金子 貴美「日本語談話関係認識のための 理論とコーパス構築」(お茶の水女子大学大学院 博士学位論文) (Канэко Т. Теория восприятия логических отношений в японском дискурсе и построение корпуса. Диссертация на степень доктора наук, ун-т Отяномидзу). 2019. 91 с.
28. 高松正毅 (2004). 「起承転結」小考. 高崎経済大学論集 (高崎経済大学経済学会) (Такамацу М. Заметки о «кисёдэнкэцу» // Записки экономического университета Такадзаки) 46 (4). P. 115-122.
29. «Майнити», <https://mainichi.jp/articles/20221009/ddm/005/070/098000c3> (Дата доступа 20.10.2022).
30. «Йомиури» <https://www.yomiuri.co.jp/editorial/20220923-OYT1T50267/> (Дата доступа 11.11. 2022).

References

1. Anan'eva, M. I., M. V. Kobozeva. Diskursivnyĭ analiz v zadachakh obrabotki estestvennogo iazyka // *Informatika, upravlenie i sistemnyĭ analiz: Trudy IV Vserossiĭskoiĭ nauchnoiĭ konferentsii molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem. –TI–Tver'*: Tverskoiĭ gosudarstvennyiĭ tekhnicheskiiĭ universitet. (Discourse analysis in natural language processing // Informatics, administration and system analysis – papers of IV All-Russian workshop, Tver state technical university) 2016. С. 138-148.
2. Bass, I.I. *Problemy sovremennogo iaponskogo yazykoznanĭa. Lingvistika teksta* (Issues in contemporary Japanese linguistics. Text linguistics). St.Petersburg - SPBGUKI 2004. 371 p.
3. In'kova, O. Iu. (ed.) *Struktura konnektorov i metody ee opisaniia* (Connectors structure and methods of its description). Thorus press 2019. 316 p.
4. Kibrik, A. A., Podlesskaia, V. I. (ed.). *Rasskazy o snovideniiaxh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* (Dreams retold – Corpus study of colloquial Russian discourse). Iazyki slavianskikh kultur 2009.736 p.
5. Litvinenko, A. O. Opisanie struktury diskursa v ramkakh Teorii Ritoricheskoiĭ Struktury: primeneniye na russkom materiale // *Trudy Mezhdunarodnogo seminara «Dialog»*. (Discourse structure description in the RST framework – applied to Russian. International seminar papers Dialog) 2001. p. 159-168.
6. Rufova, E.S., Argunova, T.V. Funktsional'nye osobennosti iaponskikh gazetnykh zagolovkov (na materiale iaponskoiĭ gazety “Mainichi Shimbun”) (Functional properties of Japanese editorial article headings) // *Sovremennyĭ diskurs-analiz*, 2018. P. 15-18.
7. Testelec, Y.A. *Vvedeniye v obshchiiĭ sintaksis*. (Introduction to general syntax) RGGU. 2001. 797 p.
8. Chironov, S.V. Opyt annotirovaniia konnektorov v iaponoiazychnom tekste: uroki i perspektivy (An essay in connector annotation in Japanese texts – lessons and prospects). *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 2022; 8(4). P. 64-88.
9. Chironov, S.V. Iaponskie diskurs-markery s akkumulativnym znacheniem // *Materialy nauchno-metodicheskoiĭ konferentsii «Yaponskiiĭ yazyk v vuze: aktual'nye problemy prepodavaniya» (oktyabr' 2018 g.)* (Accumulative discourse markers in Japanese. Papers of conference ‘Japanese in high school’, October 2018, Kliuch-S, 2019. p. 155-167.
10. Chudinov, A.P. Kognitivno-diskursivnoe issledovanie politicheskoiĭ metafory (Cognitive discourse study of political metaphor) // *Voprosy kognitivnoiĭ lingvistiki 1*. 2004. P. 91-105.
11. Chironov, S.V. Cohesion and connection – Japanese data // *Russian Linguistic Bulletin*. 2022, 5 (33), <https://rulb.org/archive/5-33-2022-september/10.18454/RULB.2022.33.1> (accessed 15.11. 2022).
12. De Beaugrande, Robert and Dressler, Wolfgang. *Introduction to Text Linguistics*. Longman, London-New York, 1981, 270 p.
13. Grosz, B. J, Sidner, C.L. *Attention, Intentions and the Structure of Discourse*. 1986. Computational Linguistics. 12 (3). P. 175-204.
14. Hayashi, Katsuhiko, and Tsutomu Hirao, and Masaaki Nagata. “Empirical comparison of dependency conversions for RST discourse trees.” *Proceedings of the 17th annual meeting of the special interest group on discourse and dialogue*. 2016. P. 128-136.
15. Hinds, John. “Contrastive rhetoric: Japanese and English.” *Text-Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse* 3.2. 1983. P. 183-196.
16. Kaplan, R. “Cultural Thought Patterns in Intercultural Education”, *Language Learning*, 16, 1966. p. 1-20.
17. Kubota, Ryuko. “A reevaluation of the uniqueness of Japanese written discourse: Implications for contrastive rhetoric.” *Written communication* 14.4. 1997. P. 460-480.
18. Marcu, Daniel, Estibaliz Amorrortu, and Magdalena Romera. “Experiments in constructing a corpus of discourse trees.” *Towards Standards and Tools for Discourse Tagging*. 1999. 48-57.
19. Mann, W. C., Thompson, S. A. *Rhetorical structure theory: A theory of text organization*. Technical Report ISI/RS87-190, ISI, Los Angeles, CA, 1987 p.1-81.
20. Prasad, R. et al. Annotating attribution in the Penn Discourse TreeBank. In *Proceedings of the COLING/ACL Workshop on Sentiment and Subjectivity in Text*, 2006. P. 31–38.
21. Redeker, G. Linguistic markers of discourse structure. *Linguistics*, 29, 1991. P. 1139-1172.
22. Reese, Brian & Hunter et al. *Reference Manual for the Analysis and Annotation of Rhetorical Structure* (Version 1.0). 2007, http://timeml.org/jamesp/annotation_manual. Pdf (accessed 21.11.2021)
23. Schiffrin, Deborah. Discourse markers: Language, meaning, and context. In Deborah Schiffrin, Deborah Tannen, and Heidi Hamilton, eds., *The handbook of discourse analysis* 54–75. 2021. Oxford: Basil Blackwell.

24. Webber, Bonnie Lynn, and Aravind K. Joshi. "Anchoring a lexicalized tree-adjointing grammar for discourse." arXiv preprint [cmp-lg/9806017](https://arxiv.org/abs/1906.01717) (1998).
25. Asahi Shimbun URL=<https://www.asahi.com/articles/DA3S15270230.html>
26. 市川孝 (1978) 『国語教育のための文章論概説』教育出版 (Ichikawa T. General sentence structure – for purposes of Japanese teaching. Kyoiku shuppan) 236 p.
27. 金子 貴美「日本語談話関係認識のための 理論とコーパス構築」(お茶の水女子大学大学院 博士学位論文) (Kaneko T. Theory of comprehension of rhetorical relations and corpus building. Phd thesis, Ochanomizu university) 2019. 91 p.
28. 高松正毅. 「起承転結」小考. 高崎経済大学論集 (高崎経済大学経済学会) (Takamatsu M. Notes on 'Kishodenketsu'. Papers of Takazaki economic university), 2004. 46 (4). P. 115-122.
29. Mainichi Shimbun <https://mainichi.jp/articles/20221009/ddm/005/070/098000c> (accessed 20.10.2022).
30. Yomiuri Shimbun <https://www.yomiuri.co.jp/editorial/20220923-OYT1T50267/> (accessed 11.11.2022).

Сведения об авторах:

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО. Сфера научных интересов – лингвистическая прагматика, теория дискурса, когнитивная лингвистика, проблемы лексической семантики. E-mail: s.chironov@inno.mgimo.ru ORCID: 0000-0003-4960-3294

Мозебах Владимир Андреевич – выпускник магистерской программы «Внешняя политика и дипломатия России» МГИМО, преподаватель кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков. Сфера научных интересов - японский язык, критическая теория дискурса. E-mail: mozebah_v_a@my.mgimo.ru ORCID: 0000-0003-1349-1948

About the authors:

Sergey V. Chironov – PhD in Linguistics, Assistant Professor, Head of the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian linguistics, MGIMO. E-mail: s.chironov@inno.mgimo.ru ORCID: 0000-0003-4960-3294

Vladimir A. Mozebakh – Master course graduate, Lecturer, Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian linguistics, MGIMO (Foreign Policy and Diplomacy of Russia). E-mail: mozebah_v_a@my.mgimo.ru ORCID: 0000-0003-1349-1948

* * *

Приложение 1. Логико-семантическая структура редакционных статей на японском языке

https://www.asahi.com/articles/DA3S15270230.html?iref=pc_ss_date_article

日米貿易協定 тема/рема₁

「看板倒れ」 ←₁ разработка₁
にあきれる ←₁

(社説)2022年4月19日 1043 3Н.

- 1.1** ¹安倍政権^下で уточн-е₁
²2年前に発効した ←₁ уточнение₁
³日米貿易協定の「看板倒れ」ぶりが、←₁←₁
⁴また表面化した。 уточнение₁ детализ-я←₁
⁵日本産牛肉の ||
⁶米国への低関税の уточнение₁ ||
^{5a}輸出枠が「実質300倍」になった←₁←₁ ||
⁷と宣伝していた^が、 авторизация₁ | ||
⁸実態を伴っていなかった。 противительность ←₁ |
⁹場当たりのな説明をした |
¹⁰政府の責任は重く、 основание ←₁ разработка ←₁ |
¹¹見通しの誤りを認めて следование \ следствие ←₁ дет-я ←₁
¹²態勢を立て直す必要がある。 / (остальное)

- 1.2** ¹日米貿易協定は тожд-во: экспликация \
²米国が |
³トランプ政権^下で ТЕМП / причина₁ |
^{2a}環太平洋経済連携協定 (TPP) から抜けた^後、←₁ |
⁴二国間で уточнение₁ субституция ←₁ ||
⁵結ばれた。 ←₁ ТЕМП / повод ←₁ / \
⁴安倍政権は国会審議 авторизация₁ |
⁵「日米双方^にとって」、авториз-я (критерий)₁ |
⁶ウィンウィンで соединение \ ←₁←₁ следование /
⁷バランスのとれた協定^{など} / ← повод₁
^{4a}と主張していた。 |

- 1.3** ¹牛肉の対米輸出の低関税枠は以前は年200トンで、 |
²TPPではまず3千トンに拡大するはずだった。 основание ←₁ |
³一方、日米貿易協定^{では}、 авторизация (критерий)₁ |
⁴日本単独の枠をやめ、 замещ-е/ соединение \ |
⁵複数国で計6万5千トンまでの уточнение₁ | ←₁ противит-ть ←₁ |
⁶低関税枠を日本が使えるようにした。 ←₁ / |
⁷政府は、 |
⁸有力な競合国は無い^{として} основание₁ |
⁹「現行の300倍の枠を確保した」^{など} ←₁ |
^{7a}と誇っていた。 основание ←₁ основание ←₁ |

- 1.4** ¹ところが、発効3年目の今年は уточнение₁ *1-2 |
²この枠が3カ月弱で早々に使い切られた。 ←₁ противительность ←₁ след-е₁ |
³結果として、日本からの低関税輸出は300トン程度にとどまる模様だ。 *1-3 ←₁ |

- 1.5** ¹もくろみが外れたのは、 тождество-обобщение ←₁ ←₁ |

- 2 検査不正²などでとまっていた уточнение/причина |
- 3 ブラジルの対米輸出が再開された³ため³という。 ←「原因」 | \
- 4 来年以降も同様の状況が続く可能性がある。 аккумуляция / |
- 1.6** ¹ ブラジルは世界有数の牛肉生産国で γ |
- 2 不正防止策が整え²ば условие γ |
- 3 強力な対米輸出国になることは ←「основание ←」 γ |
- 4 十分に想定できたはずだ。 разработка ←「противоп-е / γ |
- 5 日本単独枠の拡大⁵ではなく、 замещение γ |
- 6 複数国枠への移行を受け入れた判断が ←「γ разработка |
- 7 誤り⁷だったことは明らかだろう。 ←「основание ←」 γ |
- 1.7** ¹ 日米貿易協定は、 разработка |
- 2 米国が重視する причина γ |
- 3 牛肉³や豚肉³などの ←「экземпл-я / обобщ-е γ |
- 1a 対日輸出関税を γ |
- 4 TPP⁴並みに сравнение γ |
- 16 引き下げる¹⁶一方で、 ←「←「противит-сть γ |
- 5 TPPに⁵はあった сопоставление / противительность γ |
- 6 日本の自動車の対米輸出関税の撤廃は明記しなかった。 ←「←「← γ |
- 7 朝日新聞の社説は、 γ |
- 8 日米間の不平等⁸に加えて、 присоединение \ |
- 9 WTO（世界貿易機関）のルールが求める осн-е γ | ←「уточн-е \ |
- 10 関税撤廃率を満たさないおそれがあることを ←「 / |
- 11 繰り返し аккумуляция γ |
- 7a 指摘してきた。 ←「авторизация |
- аккумуляция |
- 1.8** ¹ さらに、安倍首相が γ |
- 2 成果の一つ²として ←「γ |
- 1a 強調した авторизация | уточнение / противопоставл-е / |
- 3 牛肉低関税枠の実効性まで「誇大広告」だった³とすれば ←「 / ←「 γ |
- 4 あきれるしかない。 γ | условие ←「 γ |
- 5 判断ミスを取り返す⁵ためには、 γ | основание ←「 γ |
- 6 政府は米国と低関税枠を再交渉することが求められる。 γ | цель ←「← γ |
- 1.9** ¹ 牛肉は、農産物の輸出拡大戦略の中心的な品目であり、 γ |
- 2 農水省は補助金で生産能力を増強してきている。 повод ←「противит-ть γ |
- 3 しかし、最大の輸出先になるはずだった γ | противит-ть |
- 4 中国との間では、輸出解禁交渉が暗礁に乗り上げたままだ。 ←「←「 \ |
- аккумуляция |
- 1.10** ¹ さらに対米輸出が γ |
- 2 想定通りに сравнение γ | γ----- |
- 1a 活用できない状況^{1a}で ←「 / уточн-е / причина γ |
- 3 やみくもに増産を続け³れば、 ←「 γ |
- 4 過剰供給に陥りはしないか。 γ | условие ←「 γ |
- 5 内外の需要を改めて精査し、 γ | следование \ мотивация ←「 | присоединение |
- 6 必要に応じて増産計画を見直すべきだ。 γ | / /дизъюнкция? |

<https://www.yomiuri.co.jp/editorial/20220923-OYT1T50267/>

**立民「次の内閣」
説得力ある政策を
示せるか**

2022/09/24 948 3H.

- 2.1**¹ 「次の内閣」の顔ぶれを決めた 1
² だけでは*5、物足りない。 условие ← 1
³ 野党第1党として、 причина 1 экспликация/ |
⁴ 説得力のある政策をまとめ、 \ | разработка/ |
⁵ 地道に活動していく / ←1 замещение ←1
^{4a} ことが大切だ。
- a
- 2.2**¹ 立憲民主党が、
² 主要政策を決定する場として、 цель 1
^{1a} 次の内閣を設置した。 ←1 ←1 повод ←1
³ 泉代表は | | |
⁴ 「政権を担ったときに」 1 | | |
⁵ 実現する уточн-е/ ТЕМП ←1 1 | | |
⁶ 政策を作る」 цель ←1 ←1 детализ-я 1 | | |
^{3a} と述べた。 авторизация 1 | | |
⁷ 党の厳しい現状を打開する狙いがあるのだろう。 1 детализ-я ←1
- 2.3**¹ 次の内閣は、 экспликация ←1 1
² 英国の野党がつくる уточнение 1 | |
³ 「影の内閣」にならった組織だ。 ←1 1 | |
⁴ 日本でもかつて、 присоединение ←1 ←1 | | |
⁵ 政権獲得前の уточнение/ТЕМП 1 | \ сопоставление
⁶ 民主党が設けていた。 ←1 уточн-е 1 | ст-е / |
⁶ 2017年に結党した 1 | след-е
⁷ 立民では、 уточн-е/ ТЕМП: следов-е ←1 | | |
⁸ 枝野幸男 ←1 причина 1 | | |
⁹ 前代表 экспликация 1 | | |
^{8a} の考えで | | |
^{7a} 設置されなかった。 ←1 / \ | | |
соединение: следование / сопоставление |
- 2.4**¹ 泉氏は
² 昨年11月の 1 уточнение (ТЕМП)
³ 代表就任後、 ←1 уточнение=ТЕМП: следов-е 1 | | |
⁴ 「政策提案」路線や、 соедин-е \ ←1 / 1 | | |
^{1a} 共産党との共闘の見直しを打ち出した。 / против-ть | | |
⁵ だが、夏の参院選で立民は改選議席から6議席減らし、 \ ←1 | | |
⁶ 比例選の得票数は日本維新の会を下回った。 / 1 | | |
основание |
- 2.5**¹ 党の土台から立て直さなければ ←1 усл. 1
² 政権交代どころか、 аккумуляция 1 | | |
³ 野党第1党の座を脅かされかねない。 ←1 ←1 1 | | |
⁴ 政策を磨き、 \ повод ←1 | | |
⁵ 粘り強く理解を求めていくことが不可欠だ。 / | | |

сопост-е: А НА ДЕЛЕ? |

- 2.6¹ 次の内閣の13人は、
 2 衆参のベテランから若手まで
 3 幅広い顔ぶれとなった。
 4 「外務・安全保障相」は玄葉光一郎元外相、
 5 「財務金融相」には階猛衆院議員が就いた。/ сопост-е последов-ть
- 2.7¹ 立民は参院選の公約で、
 2 内政では消費税の時限的な5%への減税を掲げた。
 3 外交では「対話による平和」を訴えた。 сопост-е /
- 2.8¹ 根拠に乏しい財政施策や、
 2 抽象的な外交論では、
 3 政権を運営できるはずがない。 усл-е ←↓ аккумуляция обобщ-е ←↓
- 2.9¹ 最近の立民は、「批判一辺倒」に立ち返ったように
 2 見える。 авторизация ←↓ деталлизация /экземп-я ←↓
- 2.10¹ 安倍元首相の国葬について、
 2 泉氏は
 3 「静かに見守りたい」と述べていたが、
 4 世論に慎重論が広がる
 5 反対に転じた。 ТЕМП/основание ←↓ противит-сть ↓↓ аккумуляция
 6 国葬への出席を巡る党内の意見対立も目立つ。 соед-е / ↓
- 2.11¹ 自民党と世界平和統一家庭連合
 2 (旧統一教会) тождество (номинация) ↓↓
 1a との関係についても、
 3 追及を強めている。 тема-рема ←↓
- 2.12¹ こうした問題ばかり取り上げていても、
 2 支持は集まるまい。 обобщение ←↓ условная уступит-ть ←↓
- 2.13¹ 軍備を増強する
 2 中国や北朝鮮の脅威
 3 に対し、防衛力をいかに強化するか。
 3 エネルギー危機*11にどう対応するか。 соед. / ↓↓
 4 物価高に苦しむ人への支援策も必要だ。 присоед. / ↓↓
- 2.14¹ 様々な政策課題について、
 2 現実的な選択肢を提示することが重要だ。 основание ←↓ ↓↓
 3 野党第1党がふがいなければ、
 4 政治は緊張感を失ってしまう。 усл-е? ←↓ причина/обоснование ↓
- 2.15¹ 立民など野党が各省庁から聞き取りを行う
 2 ヒアリングでは、議員が言葉を荒らげる場面が目立ち、
 3 「官僚いじめ」と指摘されてきた。 обобщение/ тождество ←↓ ↓↓
 4 パフォーマンスに頼る手法は改めねばならない。 разраб./причин ←↓

https://mainichi.jp/articles/20221009/ddm/005/070/098000c

ポル・ポト派裁判終結
残虐な歴史を
重い教訓に

毎日新聞 2022/10/9 825 3H.

3.1¹ 人道に対する罪や組織的な虐殺に関与した*1 ㄱ
2 政治指導者は処罰されなければならない。повод←ㄱ обобщение/ㄱ
3 国際法の理念を体現した裁判だった。 разработка (sooiu imide) ←ㄱ*2*3

3.2¹ 1970年代後半にカンボジアを支配した распротр-е ㄱ
2 ポル・ポト派政権による大量虐殺を裁く / уточн-е ←ㄱ
3 特別法廷が終結した。 распротр-е/ причинность←ㄱ ←ㄱ

3.3¹ ポル・ポト派政権は
2 極端な共産主義思想から повод ㄱ причина
1a 近代文明を否定し、←ㄱ ㄱ
3 都市住民を農村に追放して \ повод←ㄱ
4 過酷な労働を強いた。 соед./ SARANI = присоед \
5 反対派は拷問にかけ、 соед-е \ / ㄱ
6 知識人を「資本主義の手先」とみなして ㄱ |
7 殺害した。 повод ←ㄱ / рез-т |

3.4¹ 政権が崩壊するまでの4年間に、 ㄱ
2 当時の人口の4分の1に当たる ㄱ |
3 約200万人が уточн (аккумуля) ←ㄱ ←ㄱ ТЕМП ←ㄱ ←ㄱ
4 処刑や弾圧で причина ㄱ
3a 命を落とした。 детализация ㄱ

3.5¹ 法廷の設置は一筋縄では進まなかった。 причина ←ㄱ
2 90年代にカンボジアが平和が実現した後、 ТЕМП + против ㄱ
3 ポル・ポト派から転向した過去を持つ прич. ㄱ ←ㄱ
4 Фун・セン首相は長らく消極的だった。 ←ㄱ + прич ←ㄱ ㄱ \

3.6¹ 16年前の設置時には ТЕМП ㄱ
2 最高指導者だった уточнение ㄱ |
3 ポル・ポト元首相は既に死亡しており、←ㄱ ←ㄱ ㄱ
4 起訴されたのはキュー・サムファン ㄱ причина |
5 元国家幹部会議長ら экземплиф ←ㄱ обобщ ㄱ |
6 元幹部5人にとどまった。 ←ㄱ ←ㄱ /

3.7¹ いずれも虐殺の責任を認めようとせず、 ㄱ *4 следование /
2 真相が明らかになったとは言えない。 рез-т←ㄱ ㄱ
1 究明への努力は続けられるべきだ。 обоснование←ㄱ ㄱ
противительность |

3.8¹ それでも、
2 虐殺に関わった *1 уточнение + повод ㄱ |
1a 個人の刑事責任が追及され、←ㄱ \ ←ㄱ
3 終身刑などが言い渡された。 соедин-е / ㄱ
4 法に基づいて正義が実現された *1 переформул. ←ㄱ ㄱ

- ⁵ 意義は大きい。 *5 разработка / комментарий ← 1 \ основание ← 1 \
- ⁶ 自国民に銃を向ける уточнение + повод 1 | |
- ⁷ シリアやミャンマーの権力者に対する警告に **も**なる。 ← 1 NAZENARA 1 \
- присоединение = SARANI |
- 3.9**¹ 旧ユーゴスラビア紛争の戦犯法廷など **と**違い、 \ |
- ² 特別法廷は国内に設置された。 сопоставление / причина 1 |
- ³ 被害者や遺族 **だけ**でなく、 аккумуляция 1 | |
- ⁴ 元ポル・ポト派兵士ら экземпл. 1 | |
- ⁵ 数百人が証言台に立った。 ← 1 ← 1 ← 1 1 |
- ⁶ 関係者の高齢化で причина 1 | |
- ⁷ 風化が進みかねない中、 ← 1 причина 1 | |
- ⁸ カンボジアの人々が歴史と向き合う場となった。 ← 1 основание ← 1 \ \
- сопоставл-е |
- 3.10**¹ 日本は 90 年代初めからカンボジア和平に関与してきた。 ← 1 /
- ² 特別法廷への国際支援の 3 割を抛出し、 \ детализ-я 1
- ³ 日本人も判事を務めた。 присоед-е /
- ⁴ 沖縄の平和祈念資料館と県立博物館・美術館はこの間、 \
- ⁵ プノンペンの政治犯収容所跡に造られた уточнение 1 |
- ^{4a} 虐殺博物館の運営を支援してきた。 ← 1 присоед-е / \
- |
- 3.11**¹ 権力者による蛮行を許してはならない。 мотивация 1 |
- ² カンボジアの残虐な歴史をしっかりと記憶に刻み、 \ ← 1 следование? сопост? /
- ³ 重い教訓として次代に引き継いでいく必要がある。 /

Приложение 2. Интенциональная структура редакционной статьи на японском языке

	ボル・ポト派裁判終結 残虐な歴史を重い教訓に	
Интерпретация между фактами Квалификация интерпретации в фактах	人道に対する罪や組織的な虐殺に関与した政治指導者は処罰されなければならない。	1
	国際法の理念を体現した裁判だった。	2
	Пол Пот	
	1970年代後半にカンボジアを支配したボル・ポト派政権による大量虐殺を裁く特別法廷が終結した。	3
	ボル・ポト派政権は極端な共産主義思想から近代文明を否定し、都市住民を農村に追放して過酷な労働を強いた。	4
	反対派は拷問にかけ、知識人を「資本主義の手先」とみなして殺害した。	5
	政権が崩壊するまでの4年間に、当時の人口の4分の1に当たる約200万人が処刑や弾圧で命を落とした。	6
	Судебный процесс	
	法廷の設置は一筋縄では進まなかった。	7
	90年代にカンボジア和平が実現した後も、ボル・ポト派から転向した過去を持つフン・セン首相は長らく消極的だった。	8
Особенность с точки зрения круга подсудимых		
Ясно не стало, но	16年前の設置時には最高指導者だったボル・ポト元首相は既に死亡しており、起訴されたのはキュー・サムファン元国家幹部会議長ら元幹部5人にとどまった。	9
	いずれも虐殺の責任を認めようとせず、真相が明らかになったとは言えない。	10
	究明への努力は続けられるべきだ。	11
	それでも、虐殺に関わった個人の刑事責任が追及され、終身刑などが言い渡された。	12
	法に基づいて正義が実現された意義は大きい。	13
	自国民に銃を向けるシリアやミャンマーの権力者に対する警告にもなる。	14
	Особенность с точки зрения процесса	
	И постому...	旧ユーゴスラビア紛争の戦犯法廷などと違い、特別法廷は国内に設置された。
被害者や遺族だけでなく、元ボル・ポト派兵士ら数百人が証言台に立った。		16
関係者の高齢化で風化が進みかねない中、カンボジアの人々が歴史と向き合う場となった。		17
Уход в сторону		
	日本は90年代初めからカンボジア和平に関与してきた。	18
	特別法廷への国際支援の3割を拠出し、日本人も判事を務めた。	19
	沖縄の平和祈念資料館と県立博物館・美術館はこの間、ブノンペン政治犯収容所跡に造られた虐殺博物館の運営を支援してきた。	20
	Вывод	
	権力者による蛮行を許してはならない。	21
	カンボジアの残虐な歴史をしっかりと記憶に刻み、重い教訓として次代に引き継いでいく必要がある。	22

Приложение 3. Макроструктура редакционной статьи на японском языке

«Стяжка» текста, добавление смысла + 弾圧 как отсылка к японской позиции?

Введение	Пол Пот	Тезис	Судебный процесс Круп подсудимых	Процесс	Уход в сторону	Вывод
<p>人道に対する罪や組織的な虐殺に関与した政治指導者は処罰されなければならない。</p> <p>国際法の理念を体现した裁判だった。</p>	<p>1970年代後半にカンボジアを支配したポル・ポト派政権による大量虐殺を裁く特別法廷が終結した。</p> <p>ポル・ポト派政権は極端な共産主義思想から近代文明を否定し、都市住民を農村に追放して過酷な労働を強いた。</p> <p>反対派は拷問にかけ、知識人を「資本主義の手先」とみなして殺害した。</p> <p>政権が崩壊するまでの4年間に、当時の人口の1分の1に当たる約200万人が処刑や弾圧で命を落とした。</p>	<p>法廷の設置は一筋縄では進まなかった。</p> <p>90年代にカンボジアと平和が実現した後、ポル・ポト派から転向した過激派のフン・セン首相は長らく消極的だった。</p>	<p>16年前の設置時には最高指導者だったポル・ポト首相は既に死亡しており、起訴されたのはキュー・サムファン元国家幹部、会議長ら元幹部5人にとどまった。</p> <p>いづれも虐殺の責任を認めようとせず、真相が明らかにならない。</p> <p>究明への努力は続けられるべきだ。</p> <p>それでも、虐殺に関わった個人の刑事責任が追及され、終身刑などが言い渡された。</p> <p>法に基づいて正義が実現された意義は大きい。</p> <p>自国民に銃を向け、シリアやミャンマーの権力者に対する警告にもなる。</p>	<p>旧ユーゴスラビア紛争の戦犯法廷などと違い、特別法廷は国内に設置された。</p> <p>被害者や遺族だけでなく、元ポル・ポト派兵士ら数百人が証言台に立った。</p> <p>関係者の高齢化で風化が進みかねない中、カンボジアの人々が歴史と向き合う場となった。</p>	<p>日本は90年代初めからカンボジア和平に関与してきた。</p> <p>特別法廷への国際支援の3割を拠出し、日本人も判事を務めた。</p> <p>沖繩の平和祈念資料館と県立博物館・美術館の間、プノンペンに政治犯収容所跡に造られた虐殺博物館の運営を支援してきた。</p>	<p>権力者による蛮行を許してはならない。</p> <p>カンボジアの残虐な歴史をしっかりと記憶に刻み、重い教訓として次代に引き継いでいく必要がある。</p>

Детализация (в чём体现?)

一筋縄 1, 2

Закольцовка мнсения

REVIEW
OF THE ROUND-TABLE DISCUSSION
“CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT
OF LANGUAGE POLICY IN CIS, ASIA, AFRICA
AND THE CARIBBEAN”
(OCTOBER 12, 2023, MOSCOW)

Tatiana A. Ivushkina

MGIMO University
76, Prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russia

For citation: Ivushkina, T. A. (2023). Review of the round-table discussion “Current trends in the development of language policy in CIS, Asia, Africa and the Caribbean” (October 12, 2023, Moscow). *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(4), pp. 145–149. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-145-149>

ОБЗОР
КРУГЛОГО СТОЛА
«СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ
БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ, АЗИИ, АФРИКИ
И КАРИБСКОГО БАССЕЙНА»
(22 ОКТЯБРЯ 2023 ГОДА, Г. МОСКВА)

Т. А. Ивушкина

Московский государственный университет международных отношений (университет) МИД России
119454 Москва, проспект Вернадского 76

Для цитирования: Ивушкина Т.А. (2023). Обзор дискуссии круглого стола «Современные тенденции развития языковой политики в странах ближнего зарубежья, Азии, Африки и Карибского бассейна», 22 октября 2023 г., г. Москва. *Филологические науки в МГИМО*. 9(4), С. 145–149. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-145-149>

12 октября 2023 года в рамках XV Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) состоялся круглый стол по теме «Современные тенденции развития языковой политики в странах ближнего зарубежья, Азии, Африки и Карибского бассейна», который был организован исследовательской группой в составе десяти человек (преподавателей, доцентов и докторов наук МГИМО-Университета: заведующего кафедрой английского языка №3, доктора филологических наук, профессора Ивушкиной Татьяны Александровны, заведующего кафедрой востоковедения, доктора исторических наук, профессора Стрельцова Дмитрия Викторовича, заведующего кафедрой индоиранских и африканских языков, кандидата филологических наук, доцента Гладковой Елены Львовны, доцента кафедры английского языка № 3, кандидата филологических наук, Казакова Григория Александровича, доцента кафедры английского языка №3, кандидата филологических наук, Банкова Андрея Сергеевича, доцента кафедры востоковедения, кандидата исторических наук, Шлыкова Павла Вячеславовича, доцента кафедры востоковедения, кандидата политических наук, Колдуновой Екатерины Валерьевны, профессора кафедры индоиранских и африканских языков Хушкадамовой Халимахон Отамбековны, старшего преподавателя кафедры индоиранских и африканских языков Стариковой Марии Николаевны и преподавателя кафедры английского языка №3 Брицыной Настасьи Михайловны), в рамках работы над проектом «Перспективы использования языков международного общения и национальных языков в период суверенизации и поворота на Восток».

В период трансформационных процессов, свидетелями которых мы являемся, эта тема представляется чрезвычайно актуальной для МГИМО-Университета, который своей главной целью видит подготовку профессиональных кадров самого высокого уровня для международной дипломатической, экономической и культурной деятельности с учётом происходящих в мировой политике сдвигов. Большие перспективы для сотрудничества открываются сегодня со странами так называемого Глобального Юга, поэтому гибкое планирование языковой политики, поиск новых подходов и форм организации учебного процесса, которые бы предусматривали новые возможности для сотрудничества в разных сферах, являются приоритетными для МГИМО, а изучение языковой политики и реальной языковой ситуации в странах Азии, Африки, ближнего зарубежья и Карибского бассейна и, в конечном итоге, выявление целесообразности введения новых азиатских и африканских языков в учебные программы университета являются задачами, которые ставит перед собой исследовательская группа МГИМО.

Важным событием в рамках круглого стола стало выступление приглашённого участника из Японии, заслуженного профессора Университета Дайто-Бунка (Токио) Хикару Китабаяси, специалиста в области геолингвистики. Он представил доклад на тему “The Geolinguistics of state foreign language education policy regarding rarely taught languages of the Global South”. Учёный дал глубокий анализ языковой ситуации Глобального Юга, а также очень интересный экскурс в историю России, остановившись на тех периодах, когда наша страна возвышалась до статуса сверхдержавы. Сейчас, по мнению Китабаяси, Россия имеет редкую возможность стать мировым лидером с точки зрения мягкой силы, чему будет способствовать многополярная политика в области языкового образования, которая сделает передачу информации транспарентной и открытой. В век современных технологий ключевую роль будет играть не тип государственного устройства страны, а именно открытость в передаче информации, подчеркнул профессор Китабаяси. Языковая политика государства на высшем уровне должна строиться именно на многополярном подходе и, как минимум, на трёх

«китах»: общенациональном, местном и одном иностранном языке для успешного осуществления государственной языковой политики. Это должна быть дружественная и взаимно уважительная конкуренция языков (“the multi-polarity approach to language education policy”).

Государственная языковая политика должна быть предметной, политически мотивированной, с постановкой конкретных задач для их выполнения; она должна планироваться на определённую перспективу – краткосрочную или долгосрочную (на 10–20 лет), и, конечно, обеспечиваться должным финансированием.

Профессор Хикару Китабаяси, подробно обрисовав языковую ситуацию в странах Азии и Африки, основным доводом для введения курдского языка, например, назвал политические соображения: возможность урегулирования конфликтов, которые не утихают в Турции, Сирии, Иране и Ираке, а также сам факт широкого использования курдского языка многомиллионным населением этих стран.

Введение в образовательные программы языков Южной Азии – непальского, бирманского, сингальского и тамильского – будет способствовать поддержанию политического, культурного и социального баланса в этом регионе, созданию с помощью Российской Федерации благоприятных условий для их развития и сотрудничества с нашей страной.

Американские НКО всячески дестабилизируют ситуацию в Камбодже и Филиппинах и сдерживают российское и китайское влияние в этих странах. Знание тагальского и кхмерского языков также поможет создать благоприятные условия для развития этих стран и снятию напряжённости в регионе.

Интересным представляется и взгляд профессора на креольские языки, которые в нашей стране в системе образования никогда серьёзно не рассматривались. Основная масса населения пользуется креольскими языками в повседневной жизни, отметил Китабаяси, и потому знание креольских языков будет способствовать сближению стран, более эффективной работе с простыми жителями. Остановившись на ток-писине в Папуа-Новой Гвинее, папьяменто, гайанском и гаитянском креольских языках в Карибском бассейне, учёный отметил значение, которое они имеют в жизни народов этих стран, что подчёркивается самим фактом их включения в программу Школы изучения языков при Госдепартаменте США.

Сходная картина наблюдается и в странах Африканского континента: Сьерра-Леоне, Нигерии, Камеруне, Центральной Африканской Республике и Чаде. Свыше 4,7 миллионов человек (по оценке 2020 года) говорят на нигерийском пиджине как на родном языке, а для 116 миллионов жителей он является вторым языком.

Учитывая факт вступления Эфиопии в БРИКС и те многочисленные этнические конфликты, которые происходят в самой стране и на её границах, по мнению Хикару Китабаяси, изучение тигриньи, языка эфиопского региона Тыграй и наиболее значимого языка соседней Эритреи, было бы очень разумным шагом для разрешения многих конфликтов.

Среди коренных языков Западной Африки интерес могут представлять такие языки, как волоф, хауса, тауллеммет, фула, йоруба и игбо потому, что на волофе говорит значительный процент населения Сенегала; то же самое можно сказать и о фуле в Гвинее, а хауса является языком большинства населения в Нигере и одним из трёх признанных в стране коренных языков. Что касается йоруба и игбо, помимо их статуса официальных языков, они являются первым языком для большей части жителей Нигерии. Тауллеммет, язык берберов, распространённый среди большой этнической группы туарегов, используется американцами для дестабилизации правительств Нигера и Мали и по этой причине может рассматриваться как достойный особого внимания для включения в образовательные программы России.

Для профессора из Японии важным фактором, указывающим на значимость языка и страны в целом, является сам факт представленности языка в Google-переводчике, что свидетельствует либо о политическом, либо об экономическом интересе к нему США (возможности эксплуатации соответствующих стран). Поэтому на них следует обратить особое внимание. К таким языкам принадлежат амхарский в Эфиопии, тви и эвэ в Гане, чичева в Малави, суахили в Кении и

Танзании, крио (креольский в Сьерра-Леоне), киньяуруанда в Руанде, оромо в Эфиопии и Кении, сепеди, тсонга, коса и зулу (четыре коренных языка ЮАР), сесото в Лесото, шона в Зимбабве и сомалийский в Эфиопии и Сомали.

И, наконец, профессор Китабаяси предсказывает появление мирового креольского языка на основе эмодзи (emojì). По его словам, эмодзи уже находится на стадии формирования письменного языка особой экспрессивности, что делает его уже сейчас доступным для каждого.

Заключил профессор свой доклад словами о том, что миру, в котором мы живём, нужна не столько демократия, сколько открытость в передаче информации – знаний о том, кто принимает решения и почему, где и когда: “If we have the freedom to the unimpeded transfer of knowledge to one another, then all governments where such policies are in effect, whether pure democracies or absolute autocracies, will tend to converge to a common level of positive public service”.

За выступлением профессора Китабаяси последовала дискуссия о полученных участниками проекта результатах аналитической работы на данном её этапе, которые можно свести к следующим положениям:

1. Анализ языковой политики и реальной языковой ситуации в изучаемых странах показал сохраняющееся в них многоязычие и политику, ориентированную на сохранение национальных языков.

2. В странах, где английский язык выступает в качестве государственного или международного языка, наблюдается, с одной стороны, повышение статуса национальных языков и их роли в разных сферах жизни (прежде всего в образовании и СМИ), с другой – использование английского языка как языка статуса и престижа.

3. Национальная политика по продвижению национальных языков (справедливо в случае Филиппин) *не успевает за трансформационными процессами*: сталкивается с нехваткой учебников, программ, СМИ на национальных языках, а также переводческих компетенций для популяризации своих культур.

4. Укреплению международного языка (английского в большей степени) способствует сложившаяся *английская/американская система образования*, с наличием учебных материалов и квалифицированных специалистов.

5. Использование международного (английского) языка привело к созданию *английского языка с локальными особенностями*, к смешению языков и появлению местных вариантов английского языка (таглиш, синглиш и др.).

6. Введение того или иного национального языка Азии и Африки в учебные программы МГИМО должно иметь целевой характер, решать определённые задачи сотрудничества и обеспечивать специалистов перспективным трудоустройством.

В то же время в ходе дискуссии были обозначены и ограничения, с которыми столкнулись разработчики проектной группы. К ним относятся:

1. Очень пёстрая языковая ситуация в странах, что делает проблематичным сведение выводов в единые рамки;

2. Отсутствие личного наблюдения и возможности проведения опроса среди местного населения;

3. Масштабность проекта.

Все участники проектной группы затем остановились на регионах, языковая ситуация в которых не укладывалась в общие рамки сделанных выводов. Работа по изучению данной проблематики продолжается и, возможно, прольёт новый свет на возможности введения азиатских и африканских языков в образовательные программы МГИМО-Университета для подготовки специалистов с целью проведения более гибкой политики в странах Глобального Юга и усиления позиции России в условиях формирования нового миропорядка.

© Ивушкина Т.А., 2023

Сведения об авторе:

Ивушкина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка №3 факультета международной журналистики МГИМО-Университета. Научные интересы: социолингвистика, прагмалингвистика, стилистика, культура и язык высших классов Великобритании и США, литература Великобритании и США, межкультурная коммуникация, инновационные методы преподавания.

E-mail: Tatiana.ivushkina@gmail.com

ORCID ID:0000-0003-3024-9520

About the author:

Tatiana A. Ivushkina, Doctor of Philology, is Head of English Department №3 at MGIMO. Research interests: sociolinguistics, pragmalinguistics, stylistics, culture of the upper classes of Great Britain and the USA, literature of Great Britain and the USA, intercultural communication, innovative methods of teaching.

E-mail: Tatiana.ivushkina@gmail.com

ORCID ID:0000-0003-3024-952

* * *

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

DOI: 10.24833/2410-2423-2023-4-37-150-153

REVIEW
ON THE MONOGRAPH BY E.V. ASTAKHOVA
“SPAIN AS A METAPHOR”
MOSCOW: MGIMO-UNIVERSITY PUBLISHING HOUSE/
EXMO, 2023. 287 P.

Valery A. Iovenko

MGIMO University
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

For citation: Iovenko, V.A. (2023). Review on the monograph by E.V. Astakhova “Spain as a metaphor”. Moscow: MGIMO-University Publishing House/EXMO, 2023. 287 p. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(4), pp. 150–153. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-150-153>

РЕЦЕНЗИЯ
НА МОНОГРАФИЮ Е.В. АСТАХОВОЙ
«ИСПАНИЯ КАК МЕТАФОРА».
М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО «МГИМО-УНИВЕРСИТЕТ»/
ЭКСМО, 2023. 287 С.

В.А. Иовенко

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Для цитирования: Иовенко В.А. (2023). Рецензия на монографию Е.В. Астаховой «Испания как метафора». М.: Издательство «МГИМО-Университет»/ЭКСМО, 2023. 287 с. *Филологические науки в МГИМО*. 9(4), С. 150–153. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-150-153>

В начале XVII века Мигель Сервантес отправил в путь по дорогам Испании Дон Кихота и Санчо Пансу, героев своего бессмертного романа. Путешественники оставили нам незабываемые путевые заметки о тогдашней жизни испанцев и облике средневековой Испании. И вот спустя 400 лет Елена Васильевна Астахова, известный российский историк, специалист в области пиренейской культуры, знаток романских языков, многолетний преподаватель, неутомимый исследователь, учёный в области политических наук, художник *par excellence* отважилась повторить маршрут двух знаменитых испанских странников и нарисовала живописную картину из десяти полотен, представляющих собой уникальные и многогранные *mises en scène* Испании сегодняшней и не только сегодняшней.

«Это книга о моей Испании, одной из многих», – говорит Е.В. Астахова в предисловии к своей книге. Это искреннее признание придаёт чтению книги, которая является одновременно художественным произведением, научным исследованием, культурологическим эссе, философским размышлением, сугубо личностный характер, пропитанный собственными впечатлениями, внутренними ассоциациями, эмоциональными оценками её автора. Метафоричность Испании позволяет, по мнению Е.В. Астаховой, осознать значения многих слов, выявить скрытые смыслы событийных феноменов, обнаружить импликации, разгадать некоторые тайны, присущие этой стране за Пиренеями, предложить авторскую трактовку национально-культурного мировидения жителей Испании.

Вместе с тем в контексте рецензируемой монографии приобретает особую значимость ещё один концептуальный подход к понятию метафоры, чьей сторонницей является Елена Васильевна. Этот подход восходит к идеям Аристотеля, который полагал, что обращение к метафоре предполагает сравнение субъектов и феноменов на основе их общности или сходства. В этой связи отнюдь не удивительно, что в монографии «Испания как метафора» вторым, помимо Испании, равноправным актором выступает Россия. Автор сделала убедительный вывод о том, что было бы невозможно говорить об испанской самобытности, не прибегая к схожим и отличающимся проявлениям подобных вещей и предметов в русском мировосприятии.

Представляется логичным для целей рецензируемого сочинения тот факт, что автор начинает своё иберийское путешествие, демонстрируя образ Испании именно таким, каким он видится в России. Среди этих сюжетов следует упомянуть пограничные культуры, так называемую «чёрную легенду», первые контакты, взгляд на романтическую Испанию, национальный характер испанцев, Испанию как Суть, знаменитое испанское дуэнде. Внимание автора привлёк тот образ Испании, который сформировался у российских путешественников, а также российские стереотипы об Испании. Эти и другие темы представлены автором ярко и с неизменным литературным мастерством.

Такую же высокую оценку мы даём описанию автором образа России под испанским углом зрения, которое включает не только многочисленные «фоновые» эскизы, такие как параллели с «чёрной легендой» и влияние испанских медийных средств на общественное мнение, но также вопросы, которые задаёт себе автор, как например, возможен или не возможен диалог?

Следующую остановку на своём пути по дорогам Испании Елена Васильевна сделала на испанском хроматизме, новелле, которая имеет несомненное личное значение для автора, тонкого художника, увлечённого на протяжении многих лет живописью. Е.В. Астахова подчёркивает, что «... живописи присущ интеллектуальный поиск духовного пути и направлений национального развития». Отдельный раздел посвящён использованию наименований цвета в испанских пословицах и поговорках.

Свидетельством высокого научного авторитета Елены Васильевны Астаховой в российских художественных кругах служит тот факт, что московский музей русского импрессионизма пригласил её для чтения лекций во время проведения выставки «Импрессионизм и испанское искусство» (октябрь 2019 – январь 2020 гг.).

Глава «Цвет Испании» отсылает нас к цвету как символу, цвету и социальному и историческому опыту, цвету и городам, цвету и преобразованию смыслов. В этой связи я не могу не вспомнить опрос, который несколько лет назад провела Елена Васильевна среди своих коллег, преподавателей

кафедры испанского языка МГИМО. Вопрос, сформулированный ею, звучал следующим образом: «Какого цвета Испания?» Почти все ответы были на удивление одинаковыми: красного или жёлтого. Помнится, такой результат опроса не удовлетворил Елену Васильевну, у которой было на этот счёт иное решение, о котором мы узнали, прочитав её монографию. Впрочем, определение цвета страны сопряжено, как нам кажется, с субъективными представлениями информантов.

Особую важность для лингвистов, работающих в испанско-русской языковой комбинации, мы усматриваем в затронутой автором тематике цветовой гаммы в испанских паремиях. Данное обстоятельство оказывается не случайным, учитывая многолетнюю и плодотворную академическую деятельность Е.В. Астаховой в качестве преподавателя общественно-политического перевода и языков профессий «Дипломатия» и «Испанское и латиноамериканское регионоведение».

Однако автор монографии не ограничился вышеупомянутыми темами и исследовал более конкретный вопрос, а именно: два цвета Испании в историческом и культурном контексте. Читатели узнали о «Чёрной Испании», о «двух цветах» пути Испании, о всегдашнем испанском дуализме. Впечатляет сопоставительный анализ творческого наследия двух известных испанских художников конца XIX века и первой половины XX века, Игнасио Сулоаги и Хоакина Сорольи. Рассматривая творчество двух мастеров, автор вновь задаётся вопросом, на который сама же даёт ответ: костюмбризм или тремендизм?

Понять размышления автора и принять её выводы помогают читателю многочисленные цветные иллюстрации, которые делают более осязаемыми и доказательными положения авторского повествования.

Однако продолжим наше паломничество по городам и весям Испании в сопровождении Елены Васильевны Астаховой и остановимся на ещё одном тематическом пространстве, в котором живописуется праздник, этот знаковый и даже магический концепт национально-культурного испанского мировидения. В ходе этого виртуального путешествия наш опытный экскурсовод познакомил нас с историей испанского театра, богатой культурными событиями, имевшими судьбоносное значение для этой страны. Особое место отведено традициям корриды, которые неизменно вызвали яркие, зачастую неоднозначные впечатления у русских путешественников. Заслуживает специального упоминания фрагмент монографии, в котором автор рассказывает о народных и религиозных праздниках, коих немало в Испании, и которые всегда восхищали тех, кто имел возможность увидеть их воочию.

И, конечно, несомненный интерес представляют *мизансцены*, посвящённые культуре кофейной церемонии, общению, застолью, тертулиям, ботельону. Кофемания испанцев настолько пропитала их *modus vivendi*, что испанские журналисты и политологи нередко ссылаются на концепт кофе даже в политическом дискурсе. В качестве примера можно привести оценку одного Иbero-американского саммита, данную испанским специалистом в области политических наук: *la cúspide que se celebró en San José fue una reunión descafeinada* – саммит, который состоялся в Сан-Хосе, оказался бесцветным, и на нём не были приняты важные решения.

Елена Васильевна Астахова не могла не посвятить несколько страниц монографии феномену вина в его различных нюансах и проявлениях, важности вина для повседневной жизни испанцев: культура вина устами испанских писателей и философов, вековые традиции винного застолья в социальной жизни и в домашней атмосфере, история виноделия в Испании, сорта испанских вин, их обозначения.

Говоря об Испании, невозможно, по мнению автора, проигнорировать барную культуру, которая скрепляет человеческие и общественные связи людей. Е.В. Астахова не могла не остановиться на типично испанском феномене, каковым является *мовида* (*movida*), или *марча* (*marcha*), ставшим в постфранкистские годы важным элементом национальной идиосинкразии испанцев.

В отдельном пассаже автор интересно рассказала о речевых *пиропос*, которые некогда являлись уникальным средством языковой коммуникации и частью народной испанской культуры. Многочисленные примеры испанских *пиропос* и их безупречные переводы на русский язык, выполнен-

ные автором, открыли для нас, носителей русского языка, существование отчасти неизвестного нам мира испанского языка и испанской культуры. Повествование сопровождается исчерпывающими историческими, культурологическими, языковыми комментариями автора.

Глава монографии, названная *Ното Луденс* («Человек играющий»), посвящена так называемым *грегерияс* (*gregerías*), кратким афористическим фразам, особому жанру комического на грани парадокса, меланхолии и абсурда, который создал гениальный испанский писатель Рамон Гомес де ла Серна. При чтении этой главы не покидает ощущение того, что квинтэссенция *грегерияс*, их типология, структура, скрытые смыслы пользуются, и не безосновательно, большой симпатией автора.

Весьма важными видятся нам фрагменты монографии, в которых говорится о социальном портрете Испании. В этой связи Елена Васильевна даже предложила рекомендации, которые, безусловно, будут способствовать успешной коммуникации жителей двух наших стран. Чрезвычайно полезным для преподавателей-испанистов и студентов, изучающих испанский язык, станет их знакомство с особенностями испанского разговорного языка и с неповторимым испанским юмором.

Здесь Елена Васильевна завершает своё путешествие по Испании, удивительной в своём многообразии стране. Я уверен, что у читателей монографии «Испания как метафора» останется приятное интеллектуальное послевкусие и желание продолжить узнавать другие особенности испанской картины мира. Книга Елены Васильевны Астаховой «Испания как метафора» стала событием в гуманитарном сотрудничестве Испании и России, народы которых всегда испытывали друг к другу взаимное притяжение.

P.S. Не могу не отметить редкий для книгоиздательской деятельности факт выхода в свет рецензируемой монографии одновременно на двух языках, в нашем случае – на русском и испанском.

© Иовенко В.А., 2023

Сведения об авторе:

Иовенко Валерий Алексеевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: теория перевода, когнитивная лингвистика, культурология, философия языка и перевода. E-mail: viovenko@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-0313-7611

About the author:

Valery A. Iovenko, Doctor of Philology, is Professor of Spanish Department, MGIMO-University (Moscow, Russia). Research interests: theory of translation/interpretation, cognitive linguistics, studies of culture, philosophy of the language and the translation/interpretation. E-mail: viovenko@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-0313-7611

* * *

ЖУРНАЛ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО» ЗА 2023 ГОД

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Аверина А.В.

Синтаксически независимые предложения без иллокутивной силы. Том 9, №2

Верещинская Ю.В., Сыщикова Е.С.

Пунктуация как инструмент коммуникативно-смысловой организации текста: норма и узус (на материале испанского языка). Том 9, №4

Елизарьева М.А., Быкова Е.А., Сигова А.А.

Правительственное заявление как жанр политического дискурса (на примере речей канцлеров ФРГ А. Меркель и О. Шольца). Том 9, №2

Кашенкова И.С.

Языковые средства речевого манипулирования в дискурсе современных немецкоязычных медиа. Том 9, №1

Лаврова Н.А.

Типологический паспорт миноритарного баскского языка. Том 9, №4

Ларина О.В.

Имплицитная темпоральность с позиции теории релевантности. Том 9, №4

Михалчева А.В.

О некоторых особенностях функционирования парантетических конструкций в современных научно-популярных текстах (на примере англоязычного издания National Geographic). Том 9, №1

Мурзин Ю.П.

Прецедентное имя: из сфер-источников: «литература» и «кино» в сферу-мишень «политический дискурс» (на материале СМИ Испании). Том 9, №2

Мухин С.В., Ефремова Д.А.

Древнеанглийская сверхсловная терминология в натурфилософской картине мира (на материале астрономических терминов). Том 9, №2

Степанюк Ю.В.

Фразеологизм *une romme de discorde* в когнитивно-дискурсивном рассмотрении (на материале современной французской прессы). Том 9, №2

Сухинин В.Е.

Концепция ТХО в корейской грамматической традиции. Том 9, №4

Чиронов С.В., Мозебах В.А.

Структура редакционной статьи в японской газете как объект логико-семантического аннотирования: проблемы и открытия. Том 9, №4

Шестерина Е.А.

Оформление косвенной речи в немецких публицистических комментариях: конъюнктив vs индикатив. Том 9, №1

Шубина Э.Л., Райкова Ю.А.

Эвфемистическая номинация бедности в публицистике Германии. Том 9, №2

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Павликова С.К., Ершов В.И.

Критерии оценивания устного перевода как продукта речевой деятельности студентов. Том 9, №4

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Агафонова К.Е., Кротова Т.А.

Выявление и интерпретация эвфемизмов и дисфемизмов на занятиях по РКИ (на примере политического дискурса). Том 9, №2

Андрюхина Т.В.

Когнитивные исследования в педагогике: концептуальная метафора в предметно-языковом интегрированном обучении студентов-экономистов. Том 9, №2

Тычинский А.А.

Создание учебника по английскому языку для специальных целей для студентов университета – будущих специалистов по связям с общественностью. Том 9, №1

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Дзядык Ю.И., Чайбок-Тверефу И.

Функционирование концептов ТРУД и ПОВЕДЕНИЕ в пословицах: сопоставительный подход. Том 9, №1

Коржукова Е.С.

Недетективное пространство испанского нуара: «Невидимый страж» Долорес Редондо. Том 9, №2

Красова О.Е.

Кто сегодня в Дании настоящий датчанин?

Чувство национального самосознания и место датского языка в концепции «датскости». Том 9, №2

Лихолетова О.Р.

Концепт «Кимоно» в образных единицах японского языка Том. 9, №4

Микаэлян Ю.И.

Перевод арго в прозе С.Д. Довлатова (на примере переводов повести «Заповедник» и романа «Ремесло» на испанский и португальский языки). Том 9, №4

Морозова Е.Б.

Внутриязычная классификация невербальных единиц: реверансы. Том 9, №1

Погорецкая О.А.

Паралингвистические средства манипулятивного воздействия на избирателя на примере Telegram-канала Дмитрия Медведева. Том 9, №1

Сумская Н.В.

Образ несовершенного человека в современном японском языке (на примере лексических сочетаний со словом 残念 ДЗАННЭН) и его передача средствами русского языка. Том 9, №2

Шкапенко Т.М., Зубрицкая Е.В., Макарова П.Ф.

Англосемантизм КОЛЛАБОРАЦИЯ как конфликтогенный элемент в современном русском языке. Том 9, №1

Khlopova Anna I.

Relevanter inhalt des grundlegenden wertes LIEBE in der Deutschen sprachkultur. Том 9, №4

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИГЛОТИИ

Алешкевич-Сулов Я.В.

Связь полиглотики и перцептивной диалектологии на материале диалектов русского языка. Том 9, №3

Виролайнен А.В., Куварица М.С., Левчук К.Р.

Различия в восприятии иностранных языков студентами МГИМО. Том 9, №3

Полезе Э.

Многоязычное обучение: исследование роли психологического настроя и языковых ресурсов. Том 9, №3

ИЗУЧЕНИЕ РЕДКИХ ЯЗЫКОВ И ПИСЬМЕННОСТЕЙ

Бишовкарма А., Бишвокарма Б.Р.

Системы письма в языках коренных народов Непала. Том 9, №3

Петров П.В.

Системы количественных числительных в языках мира. Том 9, №3

Суньига Элисальде О.А.

Кодексы культуры науа: этнографический и семиотический подход. Том 9, №3

СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ГЕОЛИНГВИСТИКА

Бушуева Л.А., Мулюкина А.Е.

Виды и функции прецедентных имён в англоязычном дискурсе. Том 9, №3

Верхова К.А.

Структура условного предложения в газетно-публицистическом стиле турецкого литературного языка. Том 9, №3

Климкина Л.Г.

Социокультурные условия публичной политической риторики в итальянском языке XIX-XXI веков (лексический аспект). Том 9, №3

РЕЦЕНЗИИ

Иовенко В.А.

Рецензия на монографию Е.В. Астаховой «Испания как метафора». М.: Издательство «МГИМО-Университет»/ЭКСМО, 2023. 287 с. Том 9, №4

Иовенко В.А.

Рецензия на монографию Е.А. Грининой и А.А. Евдокимовой «Галисийский язык: история и современное состояние» (под редакцией доктора филологических наук, профессора Н.В. Иванова). М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2022. 234 с. Том 9, №1

ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИЙ

Ивушкина Т.А.

Обзор дискуссии круглого стола «Современные тенденции развития языковой политики в странах ближнего зарубежья, Азии, Африки и Карибского бассейна», 22 октября 2023 г., г. Москва. Том 9, №4

Казаков Г.А.

Мексика в центре внимания исследований полиглотики. Том 9, №1
Дискуссия о системах письма в разных языках. Том 9, №3